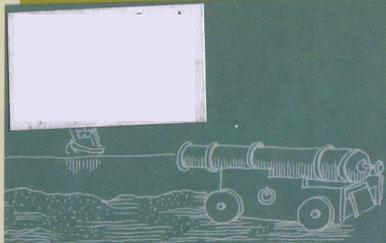

история / география / этнография

Даниэль Клугер

Т

айна капитана
Немо

Тайна капитана Немо

Даниэль Клугер

Ломоносовъ
издательство

Даниэль Клугер

Тайна
капитана Немо

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 82.091
ББК 83.3
К51

Иллюстрации И. Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-059-8

© Д. Клугер, 2010

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

Тайна капитана Немо, или В поисках пропавшего тридцатилетия

1. Кораблик капитана Никто

«1866 год ознаменовался удивительным происшествием, которое, вероятно, еще многим памятно. Не говоря уже о том, что слухи, ходившие в связи с необъяснимым явлением, о котором идет речь, волновали жителей приморских городов и континентов, они еще сеяли тревогу и среди моряков. Купцы, судовладельцы, капитаны судов, шкиперы, как в Европе, так и в Америке, моряки военного флота всех стран, даже правительства различных государств Старого и Нового Света были озабочены событием, не поддающимся объяснению.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли стали встречать в море какой-то длинный, фосфоресцирующий, веретенообразный предмет, далеко превосходивший кита как размерами, так и быстротой передвижения.

Записи, сделанные в бортовых журналах разных судов, удивительно схожи в описании внешнего вида загадочного существа или предмета, неслыханной скорости и силы его движений, а также особенностей его поведения. Если это было китообразное, то, судя по описаниям, оно превосхо-

дило величиной всех донныне известных в науке представителей этого отряда. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование такого феномена, не увидав его собственными глазами, вернее, глазами ученых...»*

Так начинается книга, которой суждено было сразу же войти в классику литературы и зарождавшегося жанра научной фантастики. В 1869 году увидел свет роман Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Поскольку, возможно, не все читатели хорошо помнят сюжетные перипетии этого романа, я позволю себе коротко напомнить их.

Для охоты на загадочное морское животное США снаряжают фрегат «Авраам Линкольн». В этой экспедиции принимает участие крупнейший специалист по морской биологии Пьер Аронакс, профессор Парижского музея. После долгой погони «Авраам Линкольн» настигает таинственное животное, которое оказывается вовсе не чудовищем, а удивительным подводным судном. Мнимый зверь выходит из схватки победителем. Подводное судно, которое называется «Наутилус» (на латыни — «кораблик»), подбирает попавших за борт Аронакса, его слугу Конселя и гарпунера канадца Неда Ленда, и они становятся пленниками капитана, носящего имя Немо («Никто», опять-таки на латыни). Так начинается увлекательное путешествие героев по глубинам Мирового океана.

Профессор Аронакс, устами которого говорит автор, знакомит читателей с обитателями морских глубин, рассказывает о сокровищах, оказавшихся на дне оксана, рассуждает о будущем освоении водного пространства нашей планеты —

---

* Жюль Верн. «Двадцать тысяч лье под водой». Перевод Н. Г. Яковлевой и Е. Ф. Корша. «Двадцать тысяч лье под водой» и «Таинственный остров» (перевод Н. Немчиновой и А. Худаловой под редакцией О. Моисеенко) цитируются по изданию: Жюль Верн. Собрание сочинений в 12 томах. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 4—5. (Здесь и далее, если не указано особо, — прим. автора.) Написание имен собственных, географических названий, терминов и т. д. в цитируемых произведениях может отличаться от общепринятого на момент выхода настоящего издания. — Прим. ред.

словом, выполняет функции гида, обязательного для научной фантастики того периода. Все эти сведения любознательный читатель, разумеется, мог бы почерпнуть и из современной ему научной литературы, но ведь познавать мир и одновременно, затаив дыхание, следить за перипетиями приключенческого сюжета куда интереснее!

И тем более увлеченному читателю не так легко было бы узнать об особенностях конструкции подводного судна — ведь реально таких кораблей еще не существовало. Хотя предшественники у «Наутилуса» были.

Я не буду рассматривать давние попытки человека покорить глубины моря, идеи нежизнеспособные; упомяну лишь несколько вполне успешных и здравых проектов, о которых автор «Двадцати тысяч лье» прекрасно знал. Это «Тертл» («Черепаша»), первая боевая подводная лодка, построенная в 1775 году американцем Дэвидом Бушнеллом. Она предназначалась для уничтожения вражеских судов, но всерьез покорить не успела. Вскоре после этого, в 1806 году, американский же изобретатель Роберт Фултон (создатель одного из первых пароходов) разработал проект еще одного военного подводного судна. Впрочем, не следует думать, что такие попытки имели место только в Новом Свете. Ничуть не бывало! Непосредственные предшественники «Наутилуса» — боевые подводные лодки с металлическими корпусами — были разработаны, построены и испытаны в Европе. Современник Жюль Верна французский изобретатель О. Риу в 1861 году на одной из своих лодок установил паровой двигатель; на второй же попытался использовать электрический. Не получилось.

В 1863 году Жюль Верн был свидетелем спуска на воду французской субмарины «Плонже» («Нырляльщик») конструктора Шарля Брюна, самой большой из существовавших тогда — ее водоизмещение (надводное) составило уже 426 тонн, а экипаж — 12 человек!

Отсюда французскому романисту уже совсем недалеко было до того, чтобы в мечтах построить лодку водоизмещением всего лишь в три раза большим, чем у «Нырляльщика». И снабдить лодку именно электрическим двигателем. Благодаря этому «Наутилус» имел практически неограни-

ченный запас хода — ведь ему не требовалось топливо (источником электроэнергии служили сверхмощные батареи). Да и вообще — электричество на борту подводного судна, придуманного французским фантастом, творило чудеса.

Следует, правда, отметить, что и конструкция «Наутилуса», и описание подводного мира, увиденного его пассажирами, вызывают у сегодняшних специалистов скептическую улыбку. Впрочем, скептически были настроены к фантазиям Жюль Верна и некоторые его ученые современники. Можно насчитать немало ошибок и в рассказе об обитателях морских глубин, и в рассказе о фантастических способностях корабля. Достаточно сказать, что у Жюль Верна «Наутилус» способен легко погружаться на любую глубину — при том, что уже на глубине в несколько сотен метров давление попросту раздавило бы лодку.

Но вот ведь удивительное дело! Все мы знаем об ошибках, допущенных Жюлем Верном при работе над этим романом, и тем не менее «Двадцать тысяч лье под водой» продолжают читать, и переиздавать, и экранизировать вплоть до сегодняшнего времени, то есть уже 140 лет! Можно с уверенностью сказать, что так будет и впредь, и внуки наших внуков тоже будут читать эту волшебную книгу. Почему?

Потому что роман «Двадцать тысяч лье под водой» все-таки не о подводной лодке и не о китах и спрутах. Это роман об удивительном человеке, который сам себя называл капитаном Немо — капитаном Никто.

2. Никто, капитан Кораблика

«...Незнакомец заслуживает более подробного описания... Я не колеблясь признал основные черты характера этого человека: уверенность в себе, о чем свидетельствовали благородная посадка головы, взгляд черных глаз, исполненный холодной решимости, спокойствие, ибо бледность его кожи говорила о хладнокровии, непреклонность воли, что выдавало быстрое сокращение надбровных мышц, — наконец, мужество, ибо его глубокое дыхание изобличало большой запас жизненных сил.

Прибавлю, что это был человек гордый, взгляд его, твердый и спокойный, казалось, выражал возвышенность мысли; и во всем его облике, в осанке, движениях, в выражении его лица сказывалась, если верить наблюдениям физиономистов, прямота его натуры.

...Сколько было лет этому человеку? Ему можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят! Он был высокого роста; резко очерченный рот, великолепные зубы, рука, тонкая в кисти, с удлинненными пальцами, в высшей степени «психическая», заимствуя определение из словаря хиромантов, то есть характерная для натуры возвышенной и страстной, все в нем было исполнено благородства. Словом, этот человек являл собою совершенный образец мужской красоты, какой мне не доводилось встречать...»

Таким впервые предстает перед профессором Аронаксом (и читателем) главный герой романа — гениальный изобретатель и капитан совершенного подводного судна, отважный путешественник, неутомимый борец с несправедливостью и защитник угнетенных. Поначалу профессору Аронаксу остается лишь гадать, кем был его гостеприимный хозяин раньше, что за трагедия наложила печать грусти на его чело. Постепенно нам становится известно многое — но не все. Временами мы воспринимаем его как одержимого наукой ученого, целиком поглощенного исследованиями морских глубин. Временами — как грозного и даже жестокого мстителя (правда, неизвестно, кому и за что он мстит). Порою он кажется мизантропом, ушедшим в море, чтобы забыть о человечестве. В финале романа удачный побег возвращает Аронакса, Консеся и Ленда к прежней жизни — но тайна капитана Немо остается не разгаданной. Роман заканчивается следующими словами:

«Однако что же случилось с «Наутилусом»? Устоял ли он против могучих объятий Мальстрима? Жив ли капитан Немо? Продолжает ли он плавать в глубинах океана и вершить свои ужасные возмездия, или же его путь пресекал на последней гекатомбе? Донесут ли волны когда-нибудь до нас ту рукопись, где описана история его жизни? Узнаю ли я, наконец, его настоящее имя? Не выдаст ли исчезнувший корабль своей национальностью национальность самого капитана Немо?»

Надеюсь. Надеюсь и на то, что его могучее сооружение победило море даже в самой страшной его бездне и «Наутилус» уцелел там, где погибало столько кораблей. Если это так и если капитан Немо все еще живет в просторе океана, как в своем избранном отечестве, пусть ненависть утихнет в этом ожесточенном сердце! Пусть созерцание такого множества чудес природы затушит огонь мести! Пусть в нем грозный судья уступит место мирному ученому, который будет продолжать свои исследования морских глубин.

Если судьба его причудлива, то и возвышенна. А разве я его не понял? Разве не жил я десять месяцев его сверхъестественною жизнью? Уже шесть тысяч лет тому назад Экклезиаст задал такой вопрос: «Кто мог когда-либо измерить глубины бездны?»* Но дать ему ответ из всех людей имеют право только двое: капитан Немо и я».

О том, кем был в действительности капитан «Кораблика»; что заставило его стать морским бродягой; наконец, какую цель ставил он себе и кто был его врагом — обо всем этом мы узнали уже из второй книги о приключениях капитана Немо (и заключительной — всей трилогии, включающей, кроме названных, еще и замечательный роман «Дети капитана Гранта») — из романа «Таинственный остров», вышедшего в свет в 1874 году, пять лет спустя после первого появления на публике капитана Никто:

«Капитан Немо был по происхождению индус, сын раджи, правившего независимым тогда княжеством Бундельханда, племянник знаменитого в Индии героя Типпо-Саиба. Десятилетним мальчиком отец послал его в Европу, желая дать ему всестороннее образование и втайне надеясь, что когда-нибудь сын его, как равный противник, будет

---

* Между прочим, этих слов в Книге Экклезиаста нет, равно как во французском тексте Экклезиаста нет слов, которые приводятся в оригинале романа («Qui a jamais pu sonder les profondeurs de l'abome?»). Самое близкое по смыслу место — это: «Далеко то, что было, и глубоко — глубоко: кто постигнет его?»/«Ce qui est loin, ce qui est profond, profond, qui peut l'atteindre?» (Еккл. 7, 24) (Прим. ред.)

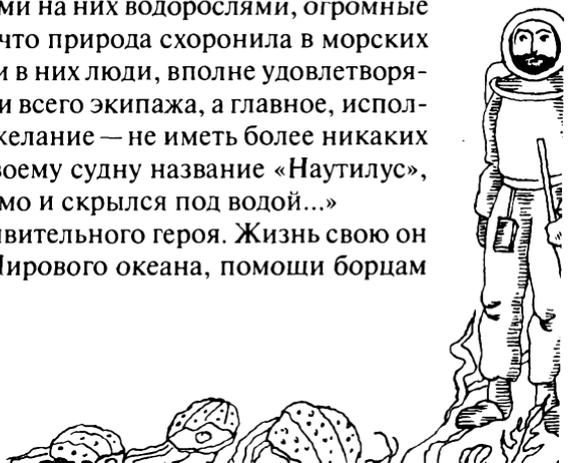
бороться против тех, кого раджа считал угнетателями родной страны...

Этот индус был воплощением яркой ненависти побежденного к победителю. Поработитель не нашел бы пощады у поработленного. Сын одного из тех князей, которые лишь на словах покорились Соединенному Королевству, принц из рода Типпо-Саиба, воспитанный в духе борьбы за независимость и мести, полный неискоренимой любви к своей поэтической родине, закованной в цепи англичанами, он не желал ступить на землю той страны, которую считал проклятой, ибо она поработила Индию...

В 1857 году вспыхнуло крупное восстание сипаев. Душой его был принц Даккар. Он поднял огромные массы. Он отдал правому делу все свои дарования и свое богатство. Бесстрашно шел он в бой в первом ряду, рисковал своей жизнью так же, как самый простой человек из этих героев, поднявшихся ради освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках и десять раз был ранен. Но тщетно искал он себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями...

На смену воину пришел ученый. Пустынный остров в Тихом океане послужил ему пристанищем; он заложил там корабельную верфь, и на ней была построена по его чертежам подводная лодка. При помощи способов, которые когда-нибудь станут известны, он сумел воспользоваться неизмеримой механической силой электричества, добывая его из неисчерпаемых источников, и применил эту силу для всех надобностей на своей подводной лодке — электричество служило двигателем судна, освещало и отапливало его. Море и его неисчислимы сокровища, мириады рыб, водные поля с обильно произрастающими на них водорослями, огромные млекопитающие — все то, что природа схоронила в морских пучинах, и то, что потеряли в них люди, вполне удовлетворяло нужды принца Даккара и всего экипажа, а главное, исполнилось самое горячее его желание — не иметь более никаких связей с землей. Он дал своему судну название «Наутилус», себя назвал капитаном Немо и скрылся под водой...»

Итак, вот она, тайна удивительного героя. Жизнь свою он посвятил исследованию Мирового океана, помощи борцам

против угнетения во всех уголках земного шара — и, конечно же, мести. Мести тем, кого считал виновниками гибели своей семьи, тем, кто угнетал и унижал его родину. То есть англичанам. Так продолжалось много лет. За это время умерли его соратники, да и сам капитан состарился и одряхлел. Последние шесть лет Немо-Даккар провел в полном одиночестве в своем детище «Наутилусе» — в бухте необитаемого острова. До тех пор пока здесь не появилась группа «робинзонов» поневоле — участников Гражданской войны в США, солдат армии северян, попавших в плен к южанам и бежавших с помощью воздушного шара. Капитан Немо спасает беглецов и раскрывает им тайну своей жизни. Роман «Таинственный остров» заканчивается патетической сценой: извержение вулкана губит остров, ставший последним пристанищем «Наутилуса», и подводный корабль.

Казалось бы, точки над *i* поставлены. Тайна капитана Немо раскрыта. Читатель может спокойно перевести дух и посочувствовать любимому герою, который, в полном соответствии с романтическим каноном, глубоко несчастен, преследуем бездушными врагами (в данном случае — английскими колонизаторами).

Понятно, что принц Даккар — лицо вымышленное. Но можно предположить, что Жюль Верн имел в виду реального человека, ставшего прототипом отважного капитана и исследователя. Тем более что в рассказе о прежней жизни своего героя писатель упоминает действительно жившего в Индии в начале XIX века раджу Типпо-Саиба (сегодня принято написание «Типу Сахиб»). Типу Сахиб был непримиримым борцом против английских колонизаторов. Насчет племянников говорить трудно — на Востоке родственные связи весьма обширны. Наверняка были у Типу Сахиба племянники. И вряд ли французский писатель сделал какого-то конкретного родственника майсурского раджи героем романа. Вообще-то говоря, сам Типу Сахиб кое в чем мог напоминать капитана Немо. Он был весьма компетентен в технических видах вооружения. Знаменитые в свое время ракеты Конгрива следовало бы в действительности назвать ракетами Типу Сахиба. Именно он успешно использовал против англичан этот вид оружия. А Уильям Конгрив усовершен-

ствовал образцы индийских ракет, захваченных у побежденных индийцев.

Среди возможных прототипов жюль-верновского героя довольно часто называют одного из вождей сипайского восстания Нана Сахиба. Тем более что его жизненный финал не определен. Армия Нана Сахиба была разбита англичанами, однако сам вождь не погиб в бою и не был захвачен в плен — он исчез. Нана Сахиб вполне мог, наверное, спустя какое-то время всплыть на капитанском мостике «Наутилуса».

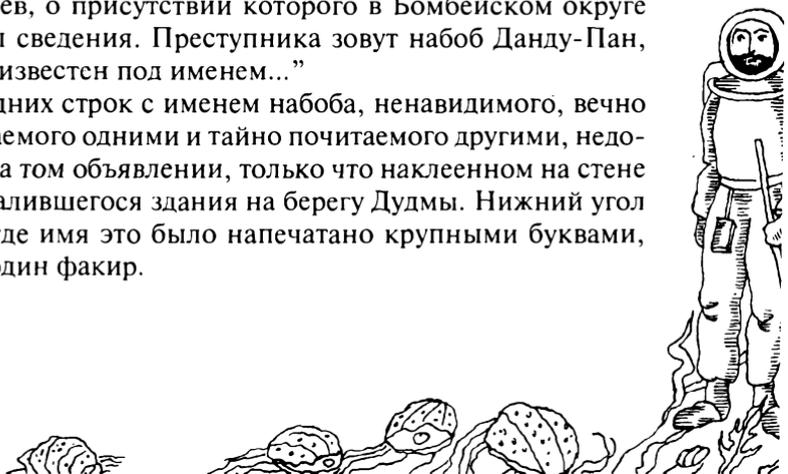
Долгое время версия, будто именно жизнь Нана Сахиба вдохновила Жюль Верна на создание биографии своего героя, была чрезвычайно популярной. Достаточно вспомнить советский трехсерийный фильм «Капитан Немо». Его создатели были, по-видимому, абсолютно уверены в идентичности реального Нана Сахиба и придуманного капитана Немо. Настолько, что в основу сценария положили два романа, но вторым оказался не «Таинственный остров», а... «Паровой дом»! Между тем внимательное чтение именно этого произведения Жюль Верна убеждает как раз в том, что Нана Сахиб и принц Даккар (он же капитан Немо) в глазах самого писателя были разными людьми.

3. По джунглям, по железной дороге

«Вечером 6 марта 1867 года жители Аурангабада могли прочесть такое объявление:

“Две тысячи фунтов в награду тому, кто доставит живым или мертвым одного из бывших предводителей восстания сипаев, о присутствии которого в Бомбейском округе получены сведения. Преступника зовут набоб Данду-Пан, но более известен под именем...”

Последних строк с именем набоба, ненавидимого, вечно проклинаемого одними и тайно почитаемого другими, неоставало на том объявлении, только что наклеенном на стене полуразвалившегося здания на берегу Дудмы. Нижний угол афиши, где имя это было напечатано крупными буквами, оторвал один факир.

Берег был совершенно безлюден, и никто не заметил его проделки. Вместе с этим именем исчезло и имя генерал-губернатора Бомбейского округа, скреплявшее подпись вице-короля Индии»*.

Так начинается роман «Паровой дом». Буквально через несколько страниц читатель узнает подлинное имя разыскиваемого, которое фигурировало в оборванном клочке объявления:

«Несчастье тем, кто попадет в руки Данду-Пана! Англичане, вы не покончили еще с Нана Сахибом.

Имя Нана Сахиба внушало наибольший ужас из всех, которыми революция 1857 года создала себе кровавую известность...»

Сюжет «Парового дома» разворачивается вокруг смертельной вражды Нана Сахиба и английского полковника Мунро. Причина этой вражды известна с первых же страниц:

«Пятнадцатого июля вторая резня в Канпуре. И на этот раз резня, распространяющаяся на несколько сотен детей и женщин — а в числе последних погибла и леди Мунро; жертвы лишены жизни после ужасных пыток, совершаемых по личному распоряжению Нана Сахиба, призвавшего себе в помощники мясников мусульманских бойнь. По окончании этой кровавой потехи тела измученных жертв брошены в колодезь, который приобрел печальную известность в Индии».

Разумеется, Жюль Верн не был бы Жюлем Верном, если бы не воздал должное и второй стороне — английским колонизаторам. Перечислив жестокости мятежников, он точно такой же счет предъявляет и англичанам.

Восстание подавлено, Нана Сахиб исчез — и вновь появился в Индии:

«Ненависть Нана Сахиба к завоевателям Индии была из тех, что гаснут в человеке вместе с жизнью. Он был

---

* Жюль Верн. Паровой дом. Перевод В. Торпаковой. Здесь и далее роман цитируется по изданию: Жюль Верн. Воспоминания о детстве и юности. Дядюшка Робинзон. Паровой дом. — М.: Ладомир, 2001.

наследником Байи-Рао, но после смерти пешвы в 1851 году Ост-Индская компания отказалась выплачивать пенсию в восемь тысяч рупий, на которую он имел право. Это было одной из причин вражды, которая породила столь страшные последствия».

Ну а пришел он сюда, рискуя жизнью, для того чтобы отомстить смертельному врагу:

«Жив полковник Мунро, собственноручно убивший мою подругу, рани!»

Впрочем, не только за этим:

«— Данду-Пан, — ответил Сахиб, — будет не только пешвой, коронованным в укрепленном замке Бильгур, он будет государем над всей священной территорией Индии.

Сказав это, Нана Сахиб умолк, скрестив руки, а взгляд его принял то неподвижное и неопределенное выражение, какими отличаются глаза людей, смотрящих не на прошедшее или настоящее, глядящих в будущее».

Итак, полковник Мунро, потерявший во время восстания сипаев жену, вышел в отставку. Друзья, чтобы развлечь его, уговаривают полковника отправиться в путешествие по Индии, используя экзотическое средство передвижения: искусственного слона с паровым двигателем, построенного инженером Бэнксом для раджи Бутана. Раджа умер, наследники платить не захотели. Мунро отправляется в путешествие, а по пятам его преследует смертельный враг.

Как это обычно происходит в романах французского писателя, интрига перемежается пространными описаниями растительного и животного мира Индии, историческими сведениями — и, конечно же, технической информацией о чудесах техники, в данном случае — о паровом доме, который тащит по рельсам гигантская машина в виде слона. Все заканчивается чудесным спасением Мунро, появлением его жены (несчастная, оказывается, не погибла, но сошла с ума от перенесенных несчастий) и возмездием злодею — Нана Сахибу. Он погибает при взрыве гигантского слона.

Словом, вряд ли Нана Сахиб мог стать прототипом принца Даккара. Слишком уж отличается диковатый индийский раджа, каким его представлял себе Жюль Верн, от благородного интеллектуала, исследующего морские глубины.

Нана Сахиб в «Паровом доме», кстати, еще и ярый противник технического прогресса, в котором видит порождение ненавистного Запада. Нет, не был он прототипом Немо — и не мог быть.

Понятно, что одного-единственного человека, чья жизнь была взята за основу писателем, не существовало в природе. В то же время капитан Немо обладает чертами многих реальных людей, с которыми встречался французский фантаст: ученых, мореплавателей, литераторов, революционеров...

Среди последних упомянем Джузеппе Гарибальди, не только революционера, но и моряка, мечтавшего о «морской республике революционеров». Эта плавучая республика могла бы вольно носиться по волнам и нести свободу тем, кто в ней нуждается. Согласитесь, его мечта очень близка к действиям капитана Немо.

И все же, все же...

Есть в биографии персонажа несколько странностей. И трудно сказать — являются ли они результатом небрежности автора или имеются иные причины.

Например: в романе «Двадцать тысяч лье под водой» капитану Немо тридцать пять лет — хотя временами он выглядит несколько старше. Такой возраст подтверждается и тем, что в «Таинственном острове» уточняется: в восстании он принял участие в возрасте тридцати лет, за несколько лет до встречи с профессором Аронаксом. Но в том же «Таинственном острове» он предстает перед нами дряхлым стариком (по тем временами), ему сильно за шестьдесят. Рассказ капитана тоже свидетельствует, что между первым и вторым романами пролегло около трех десятилетий. Поскольку герои «Таинственного острова» бегут из плена в 1865 году (как уже было сказано, во время войны между Севером и Югом), то профессор Аронакс должен был попасть на «Наутилус» году в 1836. А восстание сипаев произошло в 1857! И завершилось в 1858! Что за чертовщина?! Предположим, автор забыл о времени действия «Двадцати тысяч лье» (Жюль Верн обозначил его как 1866 год) и, привязав действие «Таинственного острова» к событиям Гражданской войны в США, махнул рукой на путаницу в датах. Бывает. Редко, но случается и такое.

А вот в то, что он перепутал исторические события и принудил капитана Немо стать участником событий, в которых тот участвовать никак не мог, как-то не верится.

4. Повесть о двух мятежах

В 1997 году в апрельском номере американского научно-популярного журнала «Сайентифик Американ» появилась статья филологов Артура Б. Эванса и Рона Миллера, посвященная долгое время не издававшемуся и даже считавшемуся потерянным роману Жюль Верна «Париж в XXI веке». Авторы давно занимаются творчеством великого французского фантаста. Один из них, Артур Эванс, — соредактор журнала «Сайенс фикшн стадиэ» («Исследования научной фантастики»), к тому же — автор нового перевода на английский язык как раз романа «Двадцать тысяч лье под водой».

Статья, о которой идет речь, посвящена главным образом взаимоотношениям Жюль Верна и его постоянного издателя Пьера-Жюль Этцеля. Эванс и Миллер отмечают роль Этцеля в неиздании «Парижа...» (издатель счел новую книгу слишком пессимистичной; действительно, роман сегодня назвали бы антиутопией — случай, нехарактерный для творчества французского писателя), но, помимо этого, авторы статьи указывают на вмешательство издателя в работу Верна и над другими книгами. В частности, над «Двадцатью тысячами лье под водой»:

«Следует отметить, что процесс создания романа оказался довольно бурным. Верн и Этцель расходились во мнениях относительно биографии главного героя, капитана Немо. Этцель видел его бескомпромиссным борцом с рабством. Это позволило бы объяснить и идеологически оправдать безжалостные нападения на морские суда. Однако Верн хотел сделать главного героя поляком, боровшимся против царской России (с намеком на кровавое подавление польского восстания пятью годами ранее). Но Этцель опасался, что в этом случае возникнут дипломатические осложнения. Кроме того, российский книжный рынок, очень перспективный, наверняка закрылся бы для книги Верна.

Тогда автор и издатель пришли к компромиссу. Они договорились не раскрывать истинные мотивы действий капитана Немо и сделать его абстрактным борцом за свободу и против угнетения. Чтобы придать первоначальному замыслу более конкретные черты, создатели фильма «Двадцать тысяч лье под водой» 1954 года заставили капитана Немо атаковать торговцев оружием*.

Думаю, что Этцелю, конечно же, важнее была возможная потеря больших прибылей, а не дипломатические осложнения: в конце концов, издатель — не президент и не министр. Появление в свое время романа А. Дюма «Записки учителя фехтования», в котором сочувственно изображались декабристы, вызвало запрет на продажу книги в России, но никаких политических и дипломатических осложнений не повлекло. Что же до компромисса, о котором пишут Эванс и Миллер, то он дался Жюлю Верну с большим трудом. Вот что он написал своему издателю в разгар их споров:

«Раз я не могу объяснить его ненависть, я умолчу о причинах ее, как и о прошлом моего героя, о его национальности и, если понадобится, изменю развязку романа. Я не желаю придавать этой книге никакой политической окраски. Но допустить хоть на миг, что Немо ведет такое существование из ненависти к рабовладению и очищает моря от работорговых судов, которых сейчас уже нет нигде, — значит, по-моему, идти неправильным путем. Вы говорите: но ведь он совершает гнусность! Я же отвечаю: нет! Не забывайте, чем был первоначальный замысел книги: польский аристократ, чьи дочери были изнасилованы, жена зарублена топором, отец умер под кнутом, поляк, чьи друзья гибнут в Сибири, видит, что существование польской нации под угрозой русской тирании! Если такой человек не имеет права топить русские фрегаты всюду, где они ему встретятся, значит, возмездие — только пустое слово. Я бы в таком положении топил безо всяких угрызений совести...»

Собственно говоря, все это достаточно хорошо известно. И точка зрения, изложенная в цитируемой статье, впол-

---

* Arthur B. Evans and Ron Miller «Jules Verne, Misunderstood Visionary». Scientific American, № 4, 1997.

не популярна: первоначально Немо должен был быть поляком, польским повстанцем, непримиримым врагом России. Участником польского восстания 1863 года, подавленного русскими войсками за несколько лет до событий, описанных в книге.

В результате компромисса между издателем и писателем капитан «Наутилуса» стал абстрактным бунтарем, мятежником. Только в «Таинственном острове» Жюль Верн превратил его в индийца и одного из вождей восстания сипаев. Соответственно и месть его (в «Двадцати тысячах лье под водой») ушла на задний план, отчего загадочный персонаж превратился в пытливого исследователя и гениально-изобретателя — и лишь потом в защитника угнетенных, поборника некоей отвлеченной справедливости.

И то сказать: он прекрасно говорит на европейских языках, любит вставить в речь латинское изречение (даже кораблю своему и себе дал латинские имена, да и девиз взял латинский) — все это, конечно, куда характернее для польского аристократа, нежели для индийского раджи.

Но какое отношение эта «предбиография» литературного героя имеет к загадке исчезнувшего тридцатилетия его жизни? Если в 1865 году никак не могло пройти тридцати лет с момента сипайского восстания 1835 года, то уж тем более не прошло никаких трех десятилетий после событий 1863-го, еще более близких по времени!

Для многих исследователей и любителей творчества великого французского фантаста, в том числе и для тех, кто рассматривал «польскую линию» в происхождении «капитана Никто», эта неувязка так и осталась памятником вопиющей авторской небрежности, никак не связанной с полемикой по поводу национальной принадлежности капитана Немо.

Между тем, как мне кажется, никакой неувязки нет. Ну, почти нет. И именно этот срок — три десятилетия (или около того) — еще раз указывает на польское «происхождение» капитана Немо и на «участие» его в польском восстании.

«Каким же образом? — спросит читатель. — Ведь польское восстание было в 1863 году, за два года, а не за тридцать лет до событий, описанных в «Таинственном острове»! Разве не так?»

И так, и не так. Потому что нигде в переписке Жюль Верна и Пьера-Жюль Этцеля не говорится, что писатель имел в виду польское восстание 1863 года. Это нынешние литературоведы так считают, «по умолчанию». Но если мнение становится мнением большинства, это еще не значит, что оно верное. Конечно, события в Польше в 1863—1864 годах были еще свежи в памяти. Но это — единственный аргумент. И отнюдь не безусловный, когда речь идет о литературном творчестве. Потому что, опять-таки, есть то самое исчезнувшее тридцатилетие.

На иллюстрациях к первому изданию романа «Двадцать тысяч лье под водой» капитану Немо приданы черты полковника Шарраса, участника революции 1830 года, умершего в изгнании. Обращаю внимание читателей на то, что «графическим прототипом» капитана Немо оказывается участник революции *тридцатилетней* давности, а вовсе не современник автора. Так что же — Немо участвовал в Июльской революции (как называют во Франции революцию 1830 года)? Нет, конечно. Есть уже цитирувавшаяся переписка. Следовательно, капитан Немо был поляком (и остался таковым; во всяком случае, в романе «Двадцать тысяч лье под водой» он еще не индеец, а явно европеец).

Возвращаемся к исходной точке? Ничуть не бывало!

Просто давайте вспомним, что польских восстаний против России в XIX веке было *два*. Одно, как мы уже говорили, в 1863—1864 годах, то есть практически в одно время с событиями романа.

Второе же (вернее, первое) — в 1830—1831 годах. За *тридцать* лет до того, как Сайрус Смит со товарищи бежал на воздушном шаре из плена южан и оказался на таинственном острове, названном им островом Авраама Линкольна!

Вот оно — пропавшее тридцатилетие, над которым ломали голову критики, читатели и почитатели Жюль Верна. Да, Немо мог участвовать в польском восстании — и это не противоречит внутренней хронологии романов (не считая, собственно, даты, поставленной в начале первого из них, — 1866 год). Кстати, о том восстании во Франции знали очень хорошо; в каком-то смысле, возможно, даже лучше, чем о неких иных исторических событиях. Потому

хотя бы, что все (подчеркиваю — *все*) командующие польскими повстанцами — генералы Иозеф Хлопицкий, Михаил Радзивилл, Ян Скржинецкий, Генрих Дембинский, Казимир Малаховский — были в прошлом генералами или офицерами армии Наполеона и — почти все — кавалерами ордена Почетного легиона! Восстание поддержали имевшие европейскую известность поэт Адам Мицкевич и композитор Фредерик Шопен (последний, к слову, жил тогда в Париже). Среди вождей — политических, военных, идеологических — восстания 1863 года личностей такого уровня уже не было.

То есть я вовсе не хочу сказать, что восстание 1863 года имело меньший отклик в сердцах французов, чем предыдущее. Но восстание 1830-го... оно во второй половине 1860-х годов выглядело *литературнее*. И возглавляли его генералы, которых во Франции считали *французскими* героями.

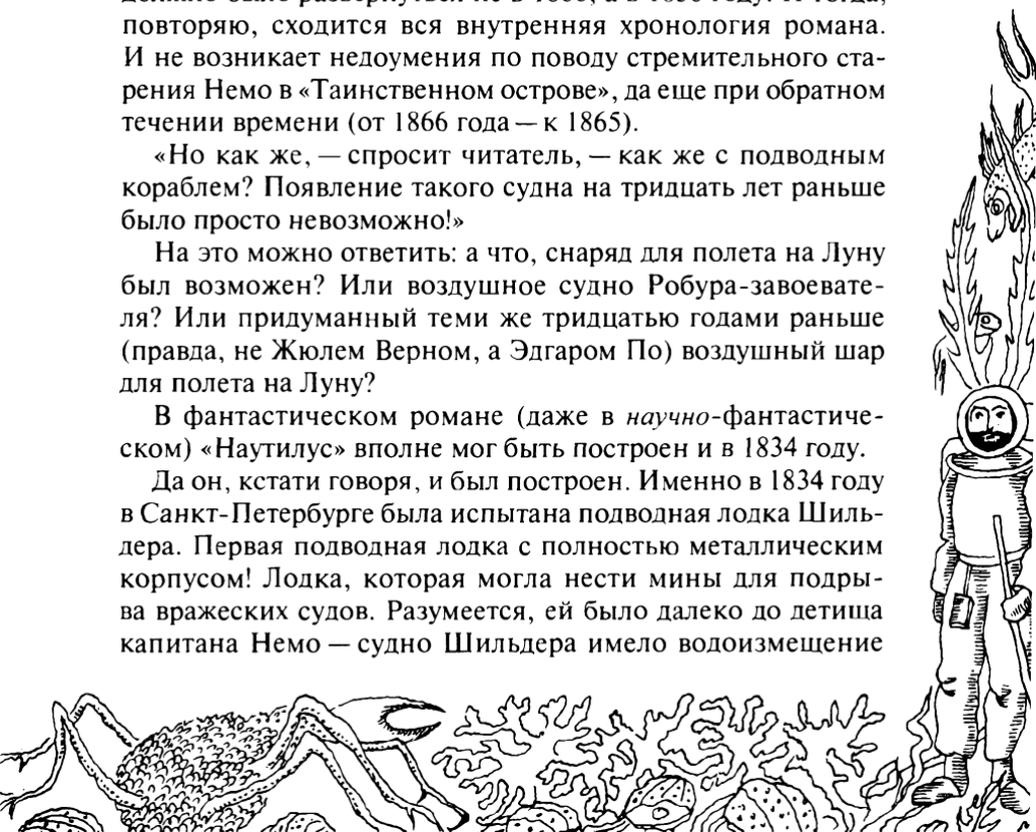
Так что, я полагаю, у Жюль Верна была мысль сделать своего героя участником того, легендарного уже мятежа. И действие «Двадцати тысяч лье под водой», по-видимому, должно было развернуться не в 1866, а в 1836 году. И тогда, повторяю, сходится вся внутренняя хронология романа. И не возникает недоумения по поводу стремительного старения Немо в «Таинственном острове», да еще при обратном течении времени (от 1866 года — к 1865).

«Но как же, — спросит читатель, — как же с подводным кораблем? Появление такого судна на тридцать лет раньше было просто невозможно!»

На это можно ответить: а что, снаряд для полета на Луну был возможен? Или воздушное судно Робура-завоевателя? Или придуманный теми же тридцатью годами раньше (правда, не Жюлем Верном, а Эдгаром По) воздушный шар для полета на Луну?

В фантастическом романе (даже в *научно-фантастическом*) «Наутилус» вполне мог быть построен и в 1834 году.

Да он, кстати говоря, и был построен. Именно в 1834 году в Санкт-Петербурге была испытана подводная лодка Шильдера. Первая подводная лодка с полностью металлическим корпусом! Лодка, которая могла нести мины для подрыва вражеских судов. Разумеется, ей было далеко до детища капитана Немо — судно Шильдера имело водоизмещение

16 тонн: ровно в 100 раз меньше, чем у «Наутилуса». И двигателя никакого на ней не было — лодка приводилась в движение гребными устройствами, которыми управляли матросы.

Но ведь мы, повторяю, имеем дело с фантастическим романом...

Nota bene

Читая в очередной раз «Двадцать тысяч лье под водой», я никак не мог отделаться от мысли, что капитан Немо, в сущности, самый настоящий морской разбойник. От прочих корсаров-пиратов-каперов он отличается только научно-технической вооруженностью: какой-нибудь Флинт или Морган, вынужденные довольствоваться парусными фрегатами или бригами, удавились бы от зависти, глядя на «Наутилус», передвигающийся под водой, оснащенный электрическими двигателями и потому способный развивать немыслимую скорость. Что же до мотивов поведения, то главный мотив жюль-верновского героя — месть. И в этом он — типичный герой романтической литературы, благородный пират. Бунтарь, чей мятежный дух чувствует родство с морской стихией. Для автора «Двадцати тысяч лье под водой» в определении «благородный пират» главное слово — «благородный». Жюль Верн сам словно подпадает под обаяние своего героя. Может быть, поэтому он не дает читателям увидеть в финале романа страшную картину боя, когда Немо безжалостно атакует военный корабль, идущий под вражеским для него флагом. В «Двадцати тысячах лье» не уточняется национальная принадлежность этого флага. По первоначальному замыслу «Наутилус» должен был сражаться с русским фрегатом, затем — с английским. Окончательно Верн определился с биографией своего героя (соответственно и с национальностью его врагов) лишь в «Таинственном острове».

Спустя два десятка лет главным становится слово «пират». В романе «Флаг родины» вновь появляется «потайное судно»:

«...Инженер Серкё, человек, хорошо знающий свое дело, и весьма искусный механик, специально изучавший системы подводных лодок, предложил... построить подводное

судно и возобновить свою преступную деятельность в новых условиях, гораздо более спокойных для корсаров и опасных для их жертв.

...Итак, по чертежам инженера Серкё и под его личным наблюдением построили подводное судно, используя при этом последние новшества науки кораблестроения. Ток, вырабатываемый гальваническими батареями последнего образца, питал динамо-машину, приводя в движение вал гребного винта и сообщая судну необычайную скорость...»*

Таким образом, инженер Серкё, которого Жюль Верн даже внешне сделал очень похожим на капитана Немо, построил подводную лодку — точно так же похожую на «Наутилус». Вот только и Серкё, и его друзья (лучше бы сказать — соучастники) занимаются пиратством, не оправдывая его борьбой с угнетателями или благородной мстью. И они, и их предводитель Кер Каррадже (он же граф д'Артигас) руководствуются только одной целью: алчностью. И в этом они, безусловно, ближе к реальным пиратам всех времен (включая и сегодняшний день), нежели к благородному мстителю, придуманному французским фантастом.

Но о благородном мстителе читать куда интереснее, чем об алчном и циничном преступнике. Потому капитан Немо по сей день популярен. И потому так популярен капитан Блад — появившийся много позже герой английского писателя Рафаэля Сабатини, который сделал «Испанию козлом отпущения за все свои муки. Это вело к достижению двойной цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу... Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом»**.

* Цит. по: Жюль Верн. Флаг родины. Перевод О. Моисеенко под редакцией Е. Шишмаревой/Жюль Верн. Собрание сочинений в 12 томах. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 10.

** Здесь и далее Р. Сабатини цит. по: Рафаэль Сабатини. Одиссея капитана Блада. Хроника капитана Блада. Перевод Льва Василевского и Ан. Горского. — Кишинев: Лумина, 1982.

Тесак пирата и ланцет хирурга, или Кто вы, доктор Блад?

1. Главный пират Советского Союза

Главным пиратом Советского Союза был капитан Блад, придуманный английским писателем Рафаэлем Сабатини. Даже колоритнейший Джон Сильвер из «Острова сокровищ» не мог соперничать с черноволосым и синеглазым ирландцем. Причин тому было несколько. Во-первых, «Одиссея капитана Блада» выходила в СССР несколько раз, большими тиражами. Во-вторых, советские люди познакомились с одной из первых экранизаций (1935 года, в советском прокате — «Остров страданий») еще до войны. Наконец, в-третьих, советские кинематографисты тоже обращались к неумирающему роману — есть и советская (вернее, советско-французская) экранизация «Одиссеи капитана Блада», в которой Питера Блада сыграл французский актер Ив Ламбрешт, а его соперника, вероломного и жестокого пирата Левасёра, — Леонид Ярмольник.

Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет. Не только в СССР, но и в других странах герой Сабатини на долгие годы стал «главным пиратом», квинтэссенцией образа морского разбойника.

Что представлял собою пират в мировой литературе? Бунтарь, восстающий против несправедливого общества, благородный мститель, борец за свободу. Начиная с байроновского «Корсара», такими предстают пираты (мы не будем сейчас углубляться в различия между пиратами, корсарами, каперами и флибустьерами) в литературе. Можно вспомнить, например, романы Фенимора Купера «Красный корсар» и «Блуждающий огонек», Эмилио Сальгари «Черный корсар», Клода Фаррера «Тома Ягненок» — вплоть до романа советского писателя Роберта Штильмарка «Наследник из Калькутты», написанного в лагере. Конечно же, этот романтический образ с реальными пиратами имел мало общего. Так же как придуманный Александром Дюма мушкетер д'Артаньян имел мало общего с реальным шевалье Шарлем де Баас д'Артаньяном. Или как Ричард Львиное Сердце из романов Вальтера Скотта («Айвенго» и «Талисман») — с реальным английским королем Ричардом I Плантагенетом.

Тем не менее, так же как у перечисленных героев, у капитана Блада были реальные прототипы, в чем-то на него очень похожие, а в чем-то — нет. Именно прототипы — не один, а несколько исторических личностей, поделившихся с вымышленным персонажем своими биографиями, чертами характера, привычками и прочим.

Чтобы познакомиться с ними и выяснить, что именно и в какой степени позаимствовал у каждого обаятельный герой Сабатини, восстановим вкратце его литературную биографию.

Питер Блад, герой трех книг Рафаэля Сабатини («Одиссея капитана Блада», «Хроника капитана Блада» и «Удачи капитана Блада») жил в Англии в конце XVII века. По происхождению — ирландец. Был хорошо образован — окончил Тринити-колледж в Дублине и стал бакалавром медицины. Обладал острым умом, ну и, разумеется, авантюрной жилкой, которая в молодости привела его к голландскому адмиралу де Рюйтеру, затем — в испанскую тюрьму, а потом — во французскую армию. После чего герой устал от приключений, в 1685 году вернулся в Англию и занялся медицинской практикой.

А тут как раз случился мятеж герцога Монмута. Это была попытка свержения Якова II, который стал королем Англии после смерти своего старшего брата Карла II. Яков II не пользовался популярностью, так как был католиком, а многим людям не нравился «папистский» король. И тут кстати подвернулся претендент — внебрачный сын Карла II протестант Джеймс Скотт, 1-й герцог Монмут. Жил он в Голландии, но решил попробовать свергнуть с престола Якова и стать британским королем. Мятеж провалился. Сам Монмут был схвачен и обезглавлен. Ну и сторонникам лихого герцога пришлось несладко. Кровавый верховный судья Джефрис, с полного одобрения короля, в процессах над ними проявил особую жестокость. Питера Блада ошибочно приняли за мятежника, арестовали (поскольку он оказывал помощь раненым бунтовщикам), и судья Джефрис приговорил его к смертной казни. Казнь, однако, заменили продажей в рабство в Вест-Индию. На острове Барбадос Блада покупает полковник Бишоп, и наш герой работает на сахарных плантациях, впрочем, по прошествии некоторого времени хозяин решает, что ему выгоднее использовать не живую силу раба, а его медицинские познания: в этом деле Блад на голову выше всех местных врачей. Далее на Бриджтаун нападают испанцы, Блад с группой товарищей совершает побег, прибирает к рукам испанский корабль, и вот он уже пират Карибского моря, причем один из самых успешных.

Вскоре Блад командует уже не одним, а пятью кораблями, организовывает экспедиции против испанских городов Маракайбо и Картахена. В конце концов, после того как неблагодарные подданные свергают короля Якова II, превратившего Блада и его друзей в рабов, Питер Блад получает амнистию и становится губернатором английской колонии Ямайки, сменив на этом посту своего смертельного врага и бывшего хозяина — полковника Бишопа.

Такова вкратце биография этого замечательного персонажа, составившая фабулу первого из трех романов — «Одиссея капитана Блада». Две другие книги («Хроника...» и «Удачи...») — не романы в полном смысле слова, а циклы рассказов, дополняющие и украшающие историю знаменитого пирата.

А теперь займемся прототипами. И начнем с того эпизода, который завершает эпопею: с превращения вольного корсара во влиятельного чиновника.

2. Корсар в законе

«Джон Морган родился в Англии, в провинции Уэльс, называемой также Валийской Англией; его отец был земледельцем, и, вероятно, довольно зажиточным. Джон Морган не проявил склонности к полеводству, он отправился к морю, попал в гавань, где стояли корабли, шедшие на Барбадос, и нанялся на одно судно. Когда оно пришло к месту назначения, Моргана, по английскому обычаю, продали в рабство. Отслужив свой срок, он перебрался на остров Ямайку, где стояли уже снаряженные пиратские корабли, готовые к выходу в море».

Вообще-то его звали Генри. Генри Морган. Но Александр Эксквемелин, автор «Пиратов Америки», книги, из которой черпали вдохновение многие романисты, почему-то назвал его Джоном. Хотя во всем остальном он подробно, даже скрупулезно изложил биографию знаменитого пирата, с которым к тому же неоднократно встречался. Познакомимся поближе с этим человеком — самым известным корсаром Карибского моря тех времен.

Сходство биографии «адмирала» Моргана с биографией капитана Блада сразу бросается в глаза. Особенно это относится к финалу поистине феерической карьеры: бывший раб, бывший пират Генри Морган стал вице-губернатором Ямайки. Той самой, губернатором которой, согласно Сабатини, стал Питер Блад.

И в то же время...

Литературный Блад позаимствовал у своего реального коллеги не только финальный аккорд биографии. Первым крупным делом Блада, описанным в «Одиссее», становится поход на город Маракайбо. Согласно Сабатини, там Питер Блад едва не попал в ловушку, устроенную его смертельным врагом испанским адмиралом доном Мигелем де Эспиноса. Но, используя брандер (то есть заминированный корабль),

он наносит испанской эскадре серьезный урон, а затем хитроумным маневром одурачивает противников, заставив их выпустить корсаров из западни, да еще и с приличной добычей.

Этот эпизод во всей своей красе взят из биографии Генри Моргана, вплоть до таких деталей, как использование брандера для подрыва испанского флагмана и введения врага в заблуждение с помощью индейских каноэ. Пираты на этих каноэ несколько раз проплывали от корабля Моргана к берегу и возвращались обратно. При этом во время плавания к берегу в лодках сидели вооруженные до зубов люди, а затем быстрые посудины возвращались якобы пустыми. На самом деле при возвращении те же корсары лежали на дне.

В конце концов испанцы поверили, что на берегу скопилось огромное число вооруженных пиратов и что Морган готовит атаку на суше. Они сняли пушки с кораблей, преграждавших пиратам выход из лагуны в открытое море, и ночью Морган беспрепятственно ушел от Маракайбо, причем, разумеется, не с пустыми руками, а с выкупом, полученным от губернатора города. В рассказе Эксквемелина имелся даже испанский адмирал, в точности такой же напыщенный и высокомерный, каким описан в романе дон Мигель. И звали его похоже — дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса.

Так же как Питеру Бладу в романе, Генри Моргану экспедиция под Маракайбо принесла настоящую славу в реальной жизни. А вот самый яркий разбойничий подвиг Генри Моргана — взятие и разграбление Панамы — не привлек внимания писателя. Хотя, возможно, он попросту не представлял себе роль своего героя, «идеального корсара», «корсара-джентльмена», в том кровавом деле. Поскольку после экспедиции в Панаму по всему побережью ходили разговоры не только о богатой добыче, но и о зверской жестокости, проявленной Морганом. Даже глава в книге Эксквемелина, которая завершает рассказ об этом событии, носит весьма многозначительное название: «Морган посылает несколько кораблей в Южное море, сжигает город Панаму и предает разграблению всю страну, совершая все жестокости, на которые только способны пираты». Была там еще история с испанской красавицей, приглянувшейся пиратскому

«адмиралу», и повел себя в этой истории Генри Морган так, как было бы недостойно героя романа.

Эпизод с Панамой подробно описан другим писателем и в другой книге — экспедиции Моргана посвящен первый роман Джона Стейнбека «Золотая чаша» (опубликованный, кстати, всего через семь лет после выхода в свет «Одиссеи капитана Блада» и за два года до появления «Хроники...»). Рафаэля же Сабатини это событие не привлекло.

Словом, жизнеописание Генри Моргана действительно стало сюжетным стержнем романа «Одиссея капитана Блада», а карьера Питера Блада до мелочей повторяет карьеру Генри Моргана. Карьера — но не личность. Все-таки Питер Блад во многом, безусловно, не Морган. И автор прямо подчеркивает это: «Так делали Морган, Л'Оллонэ и другие пираты, но так не может поступить капитан Блад!»

Сам Морган однажды тоже появился в романе Рафаэля Сабатини — в «Буканьере его величества». Тут нет капитана Блада, зато хватает других пиратов. В этом романе Генри Морган, вице-губернатор Ямайки и адмирал, не пиратствует, а, напротив, борется с пиратами, не желающими прекратить свой преступный промысел. Понятно, что продолжить повествование о Питере Бладе, после того как тот занял высокую должность, Сабатини не захотел именно по этой причине: образ романтического героя, жестоко преследуемого бывших товарищей, непременно разочаровал бы читателя и убавил обаяния корсару-джентльмену.

Есть и еще несколько деталей, на которые я хотел бы обратить внимание читателей. Рафаэль Сабатини, упоминая в своем романе Генри Моргана, ни разу не сталкивается с ним Питера Блада. При том что, например, в «Буканьере» столь же романтический персонаж — придуманный писателем француз Шарль — служит под началом Моргана. Но историю Блада писатель отодвигает во времени от «эпохи Моргана». Подвиги реального пирата уже в прошлом: экспедиция Моргана в Маракайбо, например, была осуществлена в реальности в 1669 году, а самый знаменитый поход на Панаму — в 1671-м. В это время вымышленный Блад изучал медицину в дублинском Тринити-колледже. Когда Питер Блад, согласно Сабатини, получил амнистию от коро-

ля Вильгельма III Оранского и стал губернатором Ямайки, Генри Морган уже год как умер. Ну а поход на Картагену, столь ярко описанный в романе, не мог иметь отношения ни к реальному Моргану, ни к вымышленному Бладу, ибо случился в 1697 году...

Итак, несмотря на сходство основных, «героических» частей биографий, личность Моргана не стала фундаментом, на котором выстроился характер Питера Блада. Блад вовсе не литературный двойник знаменитого пирата. Но если прототип капитана Блада — не адмирал Морган, то кто же он в таком случае, этот прототип?

Может быть... Блад?

Только не капитан, а полковник. Полковник Блад.

3. Блад, а не Морган

Историки литературы утверждают, что имя, ирландское происхождение и даже внешность будущему «идеальному пирату» одолжил некто Томас Блад, полковник, синеглазый брюнет-ирландец. Правда, пиратом он не был. Зато в отличие от Генри Моргана, главного «родственника» нашего героя, был в определенные периоды своей жизни медиком (правда, неизвестно — врачом или аптекарем), а кроме того, воевал в Нидерландах и водил знакомство с адмиралом де Рюйтером, тем самым, под начальством которого литературный Блад в юности постигал морскую «науку побеждать». Что же до авантюра, то в этом реальный Блад своему литературному двойнику вполне мог дать сто очков вперед.

Судите сами.

Томас Блад родился в 1618 году в семье преуспевающего кузнеца. Его дед был членом парламента. Когда началась гражданская война, молодой Блад поступил в роялистские войска, но потом перешел к Кромвелю и служил лейтенантом в частях круглоголовых. После войны получил земли в награду. После возвращения Карла II и реставрации монархии Блад потерял почти все имущество и... попытался поднять восстание. Ни больше ни меньше. Замысел его заключался в том, чтобы захватить дублинский замок,

взять в свои руки власть и похитить Джеймса Батлера — первого герцога Ормонда и лорда-наместника Ирландии, — чтобы потребовать выкуп. Заговор был раскрыт незадолго до намеченного срока. Большинство заговорщиков бежали в горы, а сам Томас Блад с несколькими товарищами убежал в Нидерланды. Здесь-то ирландский авантюрист и познакомился с адмиралом де Рюйтером, а также завязал знакомство с Джорджем Вильерсом, вторым герцогом Бекингемом.

Несмотря на то что в Англии его разыскивали, а некоторых единомышленников и соучастников уже поймали и повесили, Блад в 1670 году вернулся в Британское королевство. Он поселился в Лондоне, взял себе новое имя и стал известен как доктор Айлофф. Именно в это время неугомонный ирландец, казалось, остепенился и занялся то ли медицинской, то ли аптекарской практикой.

И тут, на свою беду, в Лондон переехал лорд-наместник Ирландии герцог Ормонд. Естественно, наш новоиспеченный медик-аптекарь немедленно потерял и сон, и покой, считая этого человека изменником и виновником собственных бед (а также бед Ирландии). Томас Блад со товарищи решили все-таки довести прежний план до конца. Правда, в измененном виде: речь шла уже не о захвате с целью получения выкупа, а об убийстве герцога.

Изучив передвижения жертвы, Блад и его соучастники напали на герцога и потащили его прямо к Тайберну, месту публичных казней со знаменитой виселицей. Они намеревались не просто убить герцога Ормонда, нет, Блад хотел именно казнить своего врага и оставить лорда-наместника на виселице, приколов к его телу записку с объяснением причин расправы. Но по дороге герцог сумел ускользнуть. Никто так и не понял, чьих рук это дело. Сын первого герцога Ормонда в присутствии короля обвинил второго герцога Бекингема в попытке убийства и пригрозил застрелить его. Но... король пропустил это обвинение мимо ушей. Мало того: несмотря на раскрытие инкогнито, Томаса Блада никто не преследовал за прежние мятежные подвиги.

А через год его величество простил отчаянному полковнику (ну да, полковнику, Томас Блад уже давно не лейте-

нант) и еще одно прегрешение, куда серьезнее первых двух — с королевской точки зрения.

В 1671 году Блад замыслил кражу драгоценностей короны из Тауэра. В этой истории в полной мере проявились артистичность и изобретательность, свойственные беспокойному уму бунтаря. В те времена любой посетитель за определенную плату мог полюбоваться короной, правда, под присмотром специального надзирателя. В нашем случае этим надзирателем был некто Талбот Эдвардс, мужчина почтенного возраста, семидесяти семи лет от роду. Блад, явившись в Тауэр в облачении священника, провел детальную разведку, а позже даже свел близкое знакомство с Эдвардсом. В один прекрасный день Блад и трое его сообщников явились в Тауэр, связали ничего не подозревавшего Эдвардса и захватили драгоценную корону.

Бежать с награбленным им не удалось. Они были арестованы. Но Томас Блад заявил, что будет держать ответ только перед королем, и его отвели во дворец. Допрос вел лично король Карл II в присутствии членов королевской семьи и приближенных. Король спросил Блада, что он будет делать, если ему подарят жизнь. Тот ответил, что постарается сделать все, чтобы король не раскаялся в этом подарке. К разочарованию герцога Ормонда, также присутствовавшего при допросе, Карл не только отпустил Блада, но и дал ему землю в Ирландии с доходом пятьсот фунтов в год!

Столь странное поведение его величества вызвало многочисленные толки, среди которых, в частности, было предположение, будто за неудавшимся ограблением стоял сам король, вечно нужлавшийся в деньгах (вспомним «Двадцать лет спустя» Александра Дюма) и намеревавшийся, в случае успеха этого дерзкого предприятия, выгодно сбить драгоценные камни из короны.

В дальнейшей жизни лихого полковника хватало и других ярких эпизодов. Умер он 23 августа 1680 года. Но и кончина Томаса Блада не обошлась без скандала: немедленно распространился слух, будто смерть великого авантюриста была мнимой: незадолго до этого суд приговорил его к выплате десяти тысяч фунтов в качестве компенсации рассорившемуся с ним герцогу Бекингеу. Власти даже прика-

зали вскрыть могилу, чтобы убедиться в подлинности известия.

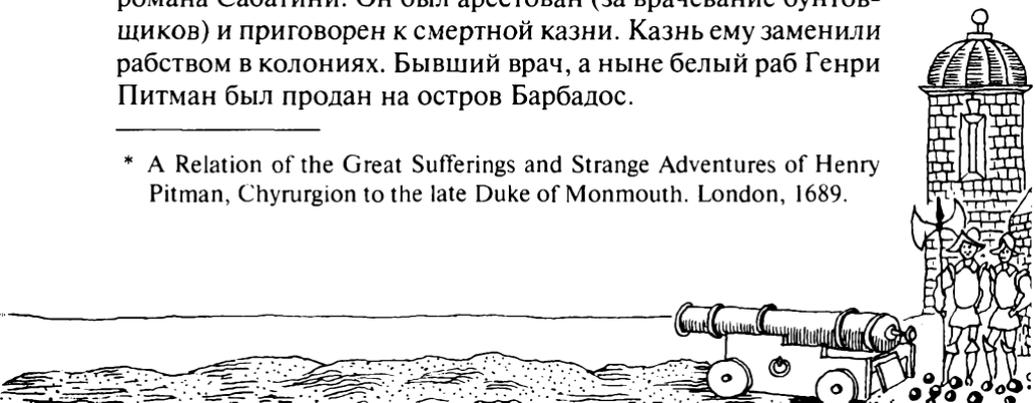
Такова вкратце биография этой необыкновенно яркой личности. Конечно, Томас Блад не обладал ни философичностью детища Сабатини, ни его рыцарственностью, ни обаянием Питера Блада. Хотя — кто его знает? Ведь испытывали же к нему симпатию и адмирал де Рюйтер, и сам король Карл II. Да и в преданности друзей ирландский авантюрист недостатка не испытывал.

Правда, полковник Блад не был корсаром (хотя на голландском флоте служил и в морских сражениях участвовал), не был вовлечен в мятеж Монмута и рабом на сахарных плантациях Нового Света тоже не побывал. Но можно согласиться с тем, что именно у него Рафаэль Сабатини позаимствовал фамилию, ирландское происхождение, участие в голландских войнах и близкое знакомство с адмиралом де Рюйтером, о котором частенько вспоминает герой романа. В какой-то мере книжный Блад от реального Блада унаследовал и занятия то ли медициной, то ли фармакологией. Впрочем, об этом в невероятной биографии авантюриста говорится невнятно. Профессию он мог заимствовать и у другого претендента на роль подлинного капитана Блада — некоего Генри Питмана.

4. Хирург герцога Монмута

В 1689 году в Лондоне вышла книга под названием «Повесть о великих страданиях и удивительных приключениях Генри Питмана, хирурга покойного герцога Монмута»*. Генри Питман, автор и герой этой книги, участвовал в восстании герцога Монмута, том самом, о котором говорится в начале романа Сабатини. Он был арестован (за врачевание бунтовщиков) и приговорен к смертной казни. Казнь ему заменили рабством в колониях. Бывший врач, а ныне белый раб Генри Питман был продан на остров Барбадос.

* A Relation of the Great Sufferings and Strange Adventures of Henry Pitman, Chyrurgion to the late Duke of Monmouth. London, 1689.

Как видим, в его биографии действительно много совпадений с некоторыми страницами жизни героя Сабатини. Он тоже ирландец и тоже врач, оказывает помощь раненым бунтовщикам. Так же как Питеру Бладу, смертную казнь Питману заменяют продажей в рабство на тростниковые плантации Нового Света. Так же как Питер Блад, он попадает на остров Барбадос. Так же как Питера Блада, его покупает местный плантатор по имени Бишоп. Бывший врач и бунтовщик работает на острове Барбадос на плантации сахарного тростника, затем совершает побег. Для побега Генри Питман, опять-таки подобно Бладу, сговаривается с местным плотником и покупает у него лодку. А затем вместе с еще семью товарищами по несчастью наконец бежит с ненавистного острова. Дальнейшие приключения Генри Питмана не менее ярки, чем приключения его литературного двойника. Правда, пиратских походов у него не было, зато была, например, робинзонада. Лодка беглецов потерпела крушение, и Питмана вынесло на необитаемый — ну, положим, почти необитаемый — остров, где он провел какое-то время и даже успел спасти некоего индейца от жестоких испанцев. Именно это его приключение заставило Тима Северина, известного ирландского путешественника, историка и писателя, выступить в печати с утверждением, что именно Генри Питман был прототипом Робинзона Крузо. Тем более что, по утверждению Северина, Генри Питман был лично знаком с Даниэлем Дефо еще до начала всех своих злоключений.

Все это, впрочем, ничуть не мешает Генри Питману быть прототипом и Питера Блада — равно как Александру Селкирку (основному претенденту на роль прообраза Робинзона) ничто не помешало оказаться пусть не единственным, но одним из реальных прототипов героя Даниэля Дефо.

И, коль скоро я заговорил о других литературных героях, самое время высказать относительно Генри Питмана еще одно предположение. Через семь лет после публикации первой книги о Робинзоне Крузо (полностью она называлась так: «Жизнь и странные, удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка» — и появилась в 1719 году) свет увидело не менее знаменитое произведение, также ставшее бессмертным. Именовалось оно «Путешествия в некоторые

удалённые страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» и было опубликовано в двух томах в ноябре 1726 года, причем без указания имени автора. (Кстати, книга вызвала сенсацию, и первый тираж был распродан меньше чем за неделю.) Впрочем, авторство ни для кого не было секретом — книгу написал знаменитый сатирик Джонатан Свифт.

Разумеется, для абсолютного большинства читателей истории Робинзона Крузо была если не стопроцентной правдой, то вполне достоверным вымыслом, опиравшимся на действительные события. Что же до книги Свифта, то для столь же абсолютного большинства читателей и «удаленные страны», и сам герой-рассказчик Лемюэль Гулливер были плодом бурной авторской фантазии. И никто не обратил внимания на неожиданные совпадения некоторых черт характера и биографий Генри Питмана и Лемюэля Гулливера.

Начнем с профессии: так же как Питман, герой Свифта — хирург. Все приключения Гулливера — не что иное, как своеобразные «робинзонады». В Лилипутии он, по сути, оказывается в таком же рабстве, что и Питман — на Барбадосе. И бежит Гулливер из рабства точно так же — на лодке. Есть и вынужденные приключения, произошедшие по вине пиратов и мятежников (в третьем путешествии). Но главное сходство заключается не во внешних деталях. Они, в сущности, типичны для тогдашних книг о путешествиях, так что нет необходимости привязывать их к книге только и исключительно Генри Питмана (хотя Свифт, безусловно, читал эти воспоминания). Куда важнее сходство характеров этих двух персонажей: реального хирурга Питмана и вымышленного капитана Гулливера. При знакомстве с воспоминаниями Питмана перед читателем предстает вполне бесхитростный, честный до наивности малый, к тому же — чрезвычайно любопытный. Например, свое участие в роковом сражении «хирург герцога Монмута» объясняет... любопытством: захотелось ему посмотреть, как оно будет происходить. Словом, очень похож был Питман на своего знаменитого, но выдуманного собрата.

Что же до Питера Блада, то и ему Питман вполне мог подарить первую часть своей биографии — вплоть до бегства

из рабства. Но вот пиратом, как уже говорилось, он не был. Так же как и Томас Блад. Мало того — к пиратам (пусть даже и легальным корсарам-флибустьерам) мятежный хирург относился, мягко говоря, неодобрительно. Поэтому вторую часть биографии следует искать в жизнеописаниях других людей. Одним из них был врач (снова врач!), писатель и — волею судьбы — пират Александр Эксквемелин, автор той самой знаменитой книги «Пираты Америки», которую я уже упоминал.

5. Врач, пират, писатель

«В год 1666, второго мая, мы отбыли из гавани Гавр-де-Грас на корабле «Сен-Жан», принадлежавшем Дирекции Высокой Французской Вест-Индской компании, и было на этом корабле двадцать восемь пушек, двадцать моряков, двести двадцать пассажиров, состоящих на службе Компании, и вольных особ со слугами». Так начинается Эксквемелин свое повествование о пиратах Карибского моря. Книга «Пираты Америки», обеспечившая автору бессмертие и всемирную известность, вышла в Амстердаме у издателя Яна тен Хорна в 1678 году. С тех пор она служит неисчерпаемым источником вдохновения для десятков писателей, увлеченных историей морского разбоя. Не только Сабатини извлекал из нее детали сюжетов для своих книг. Творение Эксквемелина использовали Эмилио Сальгари, Клод Фаррер, Висенте Рива Паласио и многие другие. Столь же часто обращались к «Пиратам Америки» и историки, считающие эту книгу ценнейшим документом.

При такой известности кажется удивительным, что по сей день никто не знает, кем на самом деле был Александр Эксквемелин. Все сходятся на том, что это псевдоним, но кто скрывался за ним, откуда этот человек был родом, как сложилась его судьба после возвращения в Европу — не знает никто. Версий существует несколько, но достоверным (насколько вообще можно говорить о достоверности в автобиографических сочинениях) следует считать лишь то, что сам Эксквемелин написал о себе в своей знаменитой книге.

Итак, Эксквемелин завербовался («поступил на службу», как он написал) во Французскую Вест-Индскую компанию и отправился в район Карибского моря в качестве агента этой самой Компании. Но по прибытии оказался совсем в другой роли. Вот что он об этом сообщает: «Компании не повезло. Каждый, будь то пират, охотник или плантатор, вначале покупал все в долг, но, когда дело дошло до оплаты, никто платить не стал. Тогда Компания была вынуждена отозвать своих агентов и приказала им продать все, что у нее было, а торговлю свернуть. Все слуги Компании были проданы, кто за двадцать, кто за тридцать реалов».

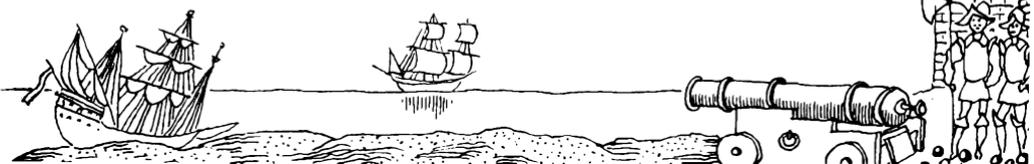
Ну, Компании не повезло, но незадачливому путешественнику не повезло еще больше. Его перепродавали трижды, пока наконец он не сумел собрать сколько-то денег и выкупиться на свободу. При этом Эксквемелин, по его собственным словам, остался гол как сокол. И единственным для него спасением оказалась дорога морского разбоя. Вот так он и стал корсаром, участником многих походов, очевидцем и летописцем деяний Генри Моргана, Франсуа Л'Оллонэ, Джона Дэвиса, Рока Бразильца и прочих, менее известных.

Эксквемелин участвовал в походах Моргана на Маракайбо и Панаму, путешествовал вдоль побережья Коста-Рики, жил на Тортуге и Ямайке — словом, собственными глазами видел то, что мы с вами видим лишь в кино. Немало страниц автор посвятил губернатору Тортуги месье д'Ожерону. Тому самому, дочь которого похитил мерзавец Левассёр, а спас — рыцарственный Блад.

В конце концов Эксквемелин смог вернуться в Европу и даже опубликовать свои бесценные записи. Как видим, и эта личность вполне могла подарить Питеру Бладу некоторые черточки своей биографии. Во всяком случае, Александр Эксквемелин был и хирургом, и пиратом. Не он один, впрочем.

6. Джентльмены удачи

И в заключение этого краткого экскурса в историю пиратства — еще несколько персонажей, достаточно колоритных и привлекательных. Они тоже обладали черточками, при-

вычками и склонностями, роднящими их с героем Сабатини. Их реальные истории показывают, что среди морских разбойников, хотя и чрезвычайно редко, встречались не только примитивные любители наживы, но и люди необычные, высокообразованные и даже выдающиеся. Лайонел Уэйфер, например, был прекрасным врачом-хирургом (еще один пират-хирург!). В 1681 году, будучи в тех краях, которые ныне зовутся Панамой, он сильно пострадал при случайном взрыве бочонка с порохом, после чего несколько месяцев провел среди индейцев куна, которые как раз и выхледили пирата. Книга, в которой Лайонел Уэйфер подробно описал обычаи, предания и образ жизни этих индейцев, — «Новое путешествие и описание Панамского перешейка» (1699), — не утратила своей научной ценности и по сей день. Я не знаю, был ли знаком Рафаэль Сабатини с сочинениями и биографией этого человека. Вполне возможно, что был — ведь английский романист отличался большой добросовестностью в работе, — и не исключено, что на образ Питера Блада, хирурга и капитана, образованного и одаренного человека, повлияла личность такого же образованного и одаренного человека, к тому же — хирурга-капитана.

Еще одна аналогичная фигура в истории пиратства — капитан Уильям Дампир. Философ и ученый, он гордился тем, что разбирается в пистолетах не хуже, чем в трудах Платона. Будучи известным буканиром, он вместе с тем регулярно вел весьма ценные наблюдения за туземцами, изучал животных и растения неведомых европейцам земель. Дампир совершил три кругосветных путешествия, написал несколько книг, содержащих фундаментальные исследования животного и растительного мира малоизвестных уголков земли. Книги эти — «Новое путешествие вокруг света», «Путешествия и описания», «Рассуждение о ветрах», «Путешествие в Новую Голландию» и другие — привели в восторг научный мир Европы. Портрет капитана Дампира был помещен в Национальной галерее.

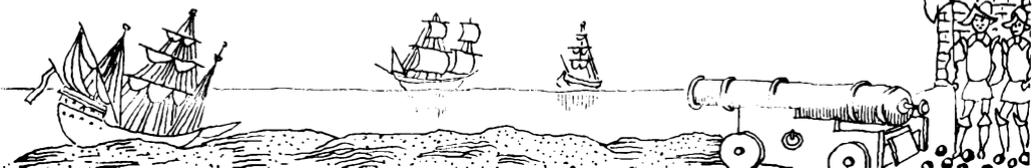
В его весьма разнообразной жизни имелся и такой эпизод. Во время Войны за испанское наследство Дампир был капером. Имея небольшую эскадру из двух кораблей, «Сент-Джордж» («St. George») и «Санк Пор» («Cinque Ports»), он

нападал на французские и испанские суда в Тихом океане. Однажды моряк с «Санк Пор» крепко повздорил то ли со своим капитаном Стрэдлингом, то ли с Дампиром. Во всяком случае, капитаны приняли совместное решение: высадить вспльчивого подчиненного на ближайший необитаемый островок Мас-а-Тьерра, входящий в небольшой архипелаг Хуан-Фернандес, что расположен неподалеку от побережья Чили. Скандалисту оставили оружие, запас продовольствия и боеприпасов, а кроме того, Библию, несколько книг по мореходству и инструменты. Спустя четыре года Дампир вновь оказался в районе архипелага Хуан-Фернандес, вспомнил о высаженном моряке и решил его навестить. Тот оказался в относительно добром здравии, был принят на борт и доставлен в Англию. Наказанного столь жестоко моряка звали Александр Селкирк — впоследствии, как мы знаем, он стал главным претендентом на роль прототипа Робинзона Крузо.

Самому Уильяму Дампиру тоже довелось побывать в роли Робинзона. Правда, недолго — несколько месяцев. В феврале 1700 года его судно потерпело кораблекрушение. Дампир потерял почти все свое имущество, но спас дневники и гербарий. В апреле того же года он и его товарищи были взяты на борт проходившим в этих краях английским судном.

Вообще пиратское сообщество было чрезвычайно пестрым. Большую его часть составляли эмигранты из Старого Света — из Англии, Франции, Голландии, а также из Испании и Португалии. Правда, уроженцы Пиренейского полуострова относились в основном к представителям гонимых меньшинств — евреям, маранам (крещеным евреям) и морискам (крещеным маврам). Все они бежали в Новый Свет от преследований инквизиции и легко нашли общий язык с английскими и французскими врагами бывшей родины.

Около трети корсаров были, по мнению исследователей, чернокожими — беглыми рабами с плантаций или же африканцами, освобожденными из трюмов кораблей работорговцев. Попадались среди «Берегового братства» и местные уроженцы — сыновья колонистов. Одним из них был майор Стид Боннет, также стремящийся в прототипы капитана Блада.

Его называли «пират-джентльмен». Он родился и прожил большую часть своей жизни все на том же острове Барбадос. Стив Боннет был старшим сыном богатого английско-го плантатора. Унаследовав поместье отца, Боннет женился на дочери другого крупного землевладельца. Он имел все: богатство, хорошее образование, чин майора в местных войсках, солидное общественное положение. Но, похоже, все это не спасало молодого джентльмена от скуки. Во всяком случае, в один прекрасный день господин Боннет купил судно, вооружил его и нанял экипаж в семьдесят человек — разумеется, тайно. С этого момента уважаемый плантатор начал вести двойную жизнь. Оставив жене и особо близким друзьям доверенность на управление поместьем, Стив Боннет отправился в «деловую поездку», то есть занялся морским разбоем. Спустя какое-то время его другом и наставником стал знаменитый Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода.

Пиратская карьера майора Стива Боннета оказалась недолгой. В 1718 году во время очередной «деловой поездки» его поймали и повесили.

Любопытная деталь: пират-джентльмен был страстным библиофилом. Его подчиненные знали, что, прежде чем потопить захваченный корабль, они должны были перетащить в каюту своего капитана все найденные на борту книги. Бьюсь об заклад, что в библиотеке Стива Боннета почетное место занимали «Оды» Горация, которые, как сообщает Р. Сабатини, на досуге и в периоды хандры любил почитать капитан Блад.

Nota bene

Увы. Капитан Блад никогда не существовал в действительности. Сабатини воспользовался биографиями и чертами характера множества людей для создания этого образа. Но и этого было мало. Потому что все те люди, которых можно назвать прототипами капитана Блада, были не самыми приятными джентльменами. Беспринципные авантюристы, кровожадные головорезы, интриганы и заговорщики, они в лучшем случае могли бы похвастаться личной храбростью, но не благородством, интеллектом или обая-

нием Питера Блада. И то сказать: сколько бы вы ни искали в документах той поры, вам не удалось бы найти среди подлинных пиратов (даже если их называли корсарами или каперами, флибустьерами или буканирами) благородных мстителей, воевавших по-джентльменски, избегавших жестокости или проявлявших иные высокие качества человеческой натуры.

Помню, впервые читая знаменитую книгу Александра Эксквемелина «Пираты Америки», содержащую, что называется, сведения о флибустьерах Карибского моря из первых рук, я был невероятно разочарован даже не столько жестокостью или алчностью Моргана, Л'Оллонэ, Леграна, сколько явной заурядностью подавляющего большинства этих романтических героев. Они показались мне тогда невообразимо скучными.

И, конечно же, баснословные сокровища в их добыче почти не встречались. В основном пираты довольствовались не золотом и алмазами, а выделанными кожами, какао и тому подобными грузами, которые они могли захватить на торговых судах. Нечасто герои Тортуги рисковали нападать на крупные флотилии, перевозившие подлинные ценности. Иной раз случалось, но очень, очень редко.

Однако у литературы свои законы. Ей нужны романтические герои. И потому на страницах книг продолжали появляться благородные пираты, обаятельные грабители, честные рэкетиры и самоотверженные гангстеры. Повсюду — в Новом Свете и Старом, в Америке и России, в Англии и Японии.

И, разумеется, в русской литературе Флибустьерским морем было, безусловно, Черное. А русской Тортугой — конечно, Одесса. В ряду же благородных разбойников первое место занимает неподражаемый Бенья Крик.

А в знаменитой пиратской песне из «Острова сокровиш», оказывается, нет никакой разбойничьей романтики. «Пятнадцать человек на сундук мертвеца» — помните? «Йо-хо-хо, и бутылка рому...» «Мертвецом» на тогдашнем жаргоне называлась всего-навсего пустая, опорожненная бутылка. «Сундук мертвеца» — ящик пустой тары. Только и всего.

Беня Крик, командир РККА,
или Король, родившийся в Одессе

1. Товарищ Лютов и товарищ Бабель

Когда в раннеперестроечные годы были опубликованы дневники Исаака Бабеля времен службы писателя в Первой конной, многих поразила почти документальная точность его знаменитой «Конармии».

Например, в дневнике мы читаем вот такую запись:

«Начальник конского запаса Дьяков — феерическая картина, красные штаны с серебряными лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона, короткие седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична, привозят из отдела снабжения, разломал стол, но достал. Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, был атлетом, полуграмотен, теперь “я инспектор кавалерии”, генерал, Дьяков — коммунист, смелый старый буденновец...»

«...Крестьянин захлебывается от негодования, показывает полумертвого одра, которого ему дали взамен хорошей лошади. Приезжает Дьяков, разговор короткий, за такую-то лошадь

можешь получить 15 тысяч, за такую — 20 тысяч. Ежели поднимется, значит это лошадь»*.

А вот в «Конармии»:

«На огненном англоарабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса — краснокожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар...

— Вон, товарищ начальник, — завопил мужик, хлопая себя по штанам, — вон чего ваш брат дает нашему брату... Видал, чего дают? Хозяйствуй на ей...

— А за этого коня, — раздельно и веско начал тогда Дьяков, — за этого коня, почтенный друг, ты в полном своем праве получить в конском запасае пятнадцать тысяч рублей, а ежели этот конь был бы повеселее, то в ефтим случае ты получил бы, желанный друг, в конском запасае двадцать тысяч рублей. Но, однако, что конь упал — это не хватк. Ежели конь упал и подымается, то это — конь; ежели он, обратно сказать, не подымается, тогда это не конь...»

И это всего лишь один эпизод из множества. Такова отличительная черта замечательного писателя: взять реальную историю, конкретный факт, фигуру конкретного человека — и превратить в образ, метафору, блистательную поэму в прозе. Вот запись в дневнике:

«...Рынок. Маленький еврей-философ. Невообразимая лавка — Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия — все говорят, что они воюют за правду, и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе. Замечательные слова, бороденка, разговариваем, чай и три пирожка с яблоками...»

Ценители и знатоки Бабеля мгновенно узнают в этом коротком наброске один из лучших рассказов «Конармии» — «Гedaли»:

«Лавка Гedaли спряталась в наглухо закрытых торговых рядах. Диккенс, где была в тот вечер твоя тень? Ты увидел бы

---

* Исаак Бабель. Из дневника 1920 года. Здесь и далее цитируется по изданию: Исаак Эммануилович Бабель. Избранное. — М.: ЭКСМО, 2007.

в этой лавке древностей золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой “1810” и сломанную кастрюлю.

Старый Гедали расхаживает вокруг своих сокровищ в розовой пустоте вечера — маленький хозяин в дымчатых очках и в зеленом сюртуке до полу. Он потирает белые ручки, он щиплет сивую бороденку и, склонив голову, слушает невидимые голоса, слетевшиеся к нему...»

«— Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы — революция. А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция?»

В Конармии Исаак Бабель служил под именем Кирилла Лютова (так же зовут рассказчика в «Конармии»). И точно так же, как двоится фигура автора (попробуй угадай, кто тот «я», с которым сейчас имеешь дело, Лютов или Бабель), двоится и само произведение. И так во всем — во всех рассказах, не только в «Конармии». Бабель смотрел на действительность сквозь магический кристалл своего таланта и создавал шедевры. Кому-то нравилось то, что в итоге появлялось на свет, у кого-то вызывало возмущение. Можно вспомнить разгромную статью С. М. Буденного в связи с вышедшей «Конармией», в которой герой гражданской войны (и один из героев «Конармии») возмущался тем, как показал Бабель его самого и его верных товарищей-бойцов. М. Горький тогда выступил в защиту писателя (в статье «Как я учился писать»):

«Товарищ Буденный охаял Конармию Бабеля, — мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев»*.

Ну да, украсил — но именно *украсил*, не сочинил, не придумал. Словом, магия его кристалла не всякому была по душе.

---

* М. Горький. О литературе. — М.: Художественная литература, 1961.

Тем не менее еще раз подчеркнем: смотрел он сквозь него *на действительность*. Пришли из реальности и «Карл-Янкель», и «История моей голубятни», и все прочие замечательные произведения писателя, его герои и их удивительные похождения.

Коли так — значит и герои поистине неподражаемых «Одесских рассказов» имели прототипов среди реальных обитателей «Жемчужины у моря». В том числе и самый яркий из них — Беня Крик, налетчик и грабитель, фигура безумно романтическая и, несмотря на принадлежность к уголовному миру, невероятно привлекательная для читателей. Несмотря на то что подавляющее их большинство — вполне законопослушные граждане, которым отнюдь не снятся по ночам лихие подвиги этого героя.

Но как раз относительно именно фигуры Бени Крика закрались у меня некоторые сомнения, которые и оформились, в конечном счете, в эту главу. Даже не сомнения, а вопросы: насколько далеко, как и почему расходятся биографии героя и его прототипа — прототипа, указанного самим писателем. Указанного, поскольку имя своему герою он дал другое. Кстати, случай нечастый: Бабель куда чаще сохраняет своим героям имена их прототипов, нежели придумывает новые. Достаточно вспомнить ту же «Конармию». А здесь он взял фигуру поистине легендарную, «украсил» ее и переименовал. Почему? Дьякова не переименовывал, Карлу-Янкелю оставил его настоящее имя, а герою «Одесских рассказов» придумал совсем другое. И ладно бы просто придумал. Придумывают ведь для того, чтобы не называть реальное лицо, послужившее прототипом, разве не так? А тут в первой же публикации Бабель назвал его. Словно постарался немедленно развеять все возможные сомнения.

2. Король и император

«Героем является знаменитый одесский бандит Мишка Япончик, стоявший одно время во главе еврейской самообороны и вместе с Красными войсками боровшийся с белогвардейскими армиями, впоследствии расстрелян». Такое

редакторское предисловие предшествовало публикации первого из «Одесских рассказов» И. Э. Бабеля — рассказа «Король». Именно в этом произведении впервые появляется Беня Крик — один из самых колоритных персонажей писателя (если не самый колоритный). Рассказ вышел в журнале «ЛЕФ» в 1923 году.

Казалось бы, с чем тут спорить? Уж автор-то прекрасно знает, «с кого писался» тот или иной герой. Я и не спорил. Просто, ознакомившись с биографией прототипа, засомневался в справедливости существующего мнения. Несмотря на то что мнение это подкреплено авторитетом самого Исаака Бабеля.

Засомневался — и сомнения эти не преодолены по сей день.

Для начала напомним один диалог из рассказа «Король»:

«Перед ужином во двор затесался молодой человек, неизвестный гостям. Он спросил Беню Крика. Он отвел Беню Крика в сторону...

— В участок вчера приехал новый пристав, велела вам сказать тетя Хана...

— Я знал об этом позавчера, — ответил Беня Крик. — Дальше.

— ...Пристав собрал участок и сказал им речь. “Мы должны задушить Беню Крика, — сказал он, — потому что там, где есть государь император, там нет короля”...»

Итак, Беня Крик — некоронованный король Молдаванки. Впрочем, нет, почему некоронованный? Вполне коронованный:

«...Музыкальный ящик проиграл свой марш, машина вздрогнула и умчалась.

— Король, — глядя ей вслед, сказал шепелявый Мойсейка, тот самый, что забирает у меня лучшие места на стенке.

Теперь вы знаете все. Вы знаете, кто первый произнес слово “король”».

Вот так Беня Крик стал королем. Короновал его кладбищенский нищий Мойсейка, «гордый еврей, живущий при покойниках», как назвал себя в том же рассказе его коллега Арье-Лейб. С учетом того, что кладбищенский нищий, живущий при покойниках, может в данном случае рассмат-

риваться как пародийно заниженный образ священнослужителя, коронация выглядит вполне «легитимно», хотя и произошла она при действующем императоре. В Российской империи. Задолго до революции. И даже задолго до Первой мировой войны — во всяком случае, о войне в этих рассказах нет ни малейшего намека.

Вообще определить время действия «Одесских рассказов» не так-то просто, они то и дело ускользают во вневремя, в сказочный мир, ничего общего с реальностью не имеющих. Но ведь мы уже убедились в том, что «украшенная» реальность произведений Бабеля — это все-таки реальность. Давайте попробуем понять, когда же происходят события рассказов. Хотя бы приблизительно, пользуясь мелкими деталями, «проговорками» Бабеля, рассыпанными по всем текстам.

«Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна. *Вам двадцать пять лет* (курсив мой. — Д. К.). Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле». Значит, в рассказах Бене Крику двадцать пять — двадцать шесть лет. Это первая зацепка.

А вот и вторая:

«...Однажды во время погрома его хоронили с певчими. Слободские громилы били тогда евреев на Большой Арнаутской. Тартаковский убежал от них и встретил похоронную процессию с певчими на Софийской. Он спросил:

— Кого это хоронят с певчими?

Прохожие ответили, что это хоронят Тартаковского. Процессия дошла до Слободского кладбища. Тогда наши вынули из гроба пулемет и начали сыпать по слободским громилам...»

Речь идет скорее всего об одесском погроме 1905 года. Следовательно, Бене Крику, который вскоре после этого обратился к мосью Тартаковскому с учтивым письмом, именно в 1905 году было двадцать пять лет. А стало быть, родился он в 1880 году.

И лишь через одиннадцать лет, 30 октября 1891 года, родился Моисей Вольфович Винницкий, получивший впо-

следствии кличку Мишка Япончик. И значит, в том году, когда Бенья Крик стал королем, его «прототипу» было всего-навсего четырнадцать лет.

Впрочем, в те времена выросли быстро. И во время упоминаемого Бабелем погрома Мойше Винницкий — вместе с другими молодыми ребятами, участниками отряда «Еврейской самообороны» — дает отпор погромщикам. Видимо, именно к этим ребятам относятся слова Арье-Лейба из бабелевского рассказа: «Тогда наши вынули из гроба пулемет и начали сыпать по слободским громилам».

«Вот и след!» — воскликнет тут читатель. Соглашусь: в принципе это действительно след. Пусть не самого Мишки Япончика, но событий, к которым он имел отношение. Правда, совершенно очевидно, что Бенья Крик в этих событиях как раз и не участвует. К нему они не имеют никакого отношения. Он в это время, несмотря на двадцатипятилетний (или около того) возраст, воюет с отцом, биндюжником Менделем Криком. Война между отцом и сыном, как помнит читатель, в конце концов приводит к трагедии, окрашивающей похождения Бени Крика в иные, мрачные тона.

Участия в «Еврейской самообороне» Мишке Япончику показалось мало. Он вступает в анархистскую террористическую организацию «Молодая воля», членам которой по 15–19 лет. И в то время, когда 25-летний Бенья Крик со товарищи занимается рэккетом (если помните, он требовал денег у богача Тартаковского, а не получив их, пошел на вооруженный грабёж), товарищи Моисея Винницкого поручают этому шестнадцатилетнему парню серьезное дело. Он должен убить полицмейстера Михайловского полицейского участка подполковника В. Кожухаря, которого «молодовольцы» считали прямым организатором погрома.

Моисей (правильнее — Мойше-Яков, как его назвали при рождении) выполнил поручение. И именно это преступление стало причиной его первого ареста. Юный Мойше-Яков был приговорен к смертной казни.

Напомню: незадолго до этого ему исполнилось всего шестнадцать лет. Суд это учел. В Российской империи несовершеннолетних не казнили. Виселицу заменили двенадцатилетней каторгой.

И тут я хочу обратить внимание читателей вот на что. Уже сам факт смертного приговора однозначно указывает: юный террорист рассматривался судом как преступник политический, а не уголовный. Потому что в те времена к смертной казни приговаривали за преступления политические. Уголовники, за редчайшими исключениями, получали каторжные работы. В случае с нашим героем исключение оказалось иного рода: несовершеннолетие, и только оно, спасло Моисея Винницкого от петли.

Каторгу Винницкий отбыл почти «от звонка до звонка» — десять лет как отдать. Его освободила Февральская революция. Самодержавие свергнуто. Императора больше нет. Главный аргумент пристава из бабелевского рассказа больше смысла не имеет: императора нет, следовательно, король вполне может существовать.

Подведем небольшой итог (промежуточный).

Беня Крик, «король Молдаванки», — это романтический уголовник, вся карьера которого (за исключением финала) пришлось на дореволюционное и даже довоенное время.

Моисей Винницкий, которого Бабель объявил прототипом своего «короля», некоторое время занимался антиправительственной, революционной деятельностью и террором, затем десять лет находился в тюрьме и никак не мог быть «королем» уголовников. До 1907 года по молодости просто не успел бы, а с 1907-го и по февраль 1917-го — не мог стать таковым физически, ибо находился вдали от родных мест: сидел в каторжной тюрьме.

Нет, не был он королем и не соперничал с императором. И настоящий (не придуманный) одесский пристав не задумывал облаву на уголовника Мишку Япончика и его друзей, как придуманная Бабелем «новая метла» — на уголовника Беню Крика. Потому что, похоже, уголовника Мишки Япончика не было. А был юный революционер Моисей (Мойше-Яков) Винницкий. Кстати, кличку свою он получил именно тогда, в молодые годы: за скуластое лицо и узкий разрез глаз товарищи называли его Японцем. Какие товарищи? А соратники по борьбе, члены анархистской террористической организации «Молодая воля».

Тут я хочу кое-что пояснить. Однажды, беседа с друзьями на литературные темы, я высказал все это, приведя примерно те же аргументы. И мгновенно получил ответ в том смысле, что, мол, какая разница, ради чего Мишка Япончик и его соратники грабили и убивали. Главное — то, что они грабили и убивали, следовательно, убийцы. Следовательно, грабители. Следовательно, уголовники. И точка.

Я полностью согласен с тем, что преступление остается преступлением, какими бы высокими идеалами ни мотивировал преступник свои деяния. Но речь не о том, как мы сегодня воспринимаем деятельность тогдашних революционеров. Речь о том, как воспринимали это тогдашнее общество и тогдашняя юстиция. А дореволюционное общество и дореволюционная юстиция считали Мишку Япончика и подобных ему деятелей не уголовными, а именно *политическими* преступниками. Революционеры, например, одними из первых в России занялись тем, что сегодня называется рэкетом. То есть обложили данью богатых людей, вымогая деньги «на революцию» и угрожая в случае отказа поджогами предприятий, забастовками рабочих и прочими малопривычными акциями, сулящими большие убытки.

Вернемся к нашему герою.

Существует легенда, не подтвержденная документами: будто в каторжной тюрьме соседом Мишки Япончика по камере был не кто иной, как легендарный бессарабский разбойник, а впоследствии красный командир Григорий Иванович Котовский. Скорее всего это именно легенда — более вероятно, что Котовский познакомился с Япончиком в Одессе, в 1918 году. Одесса была занята белыми, встреча проходила на конспиративной квартире.

3. Как это делалось в Одессе

Итак, грянула Февральская революция. Всем политзаключенным объявлена амнистия. Повзрослевший Мишка Япончик возвращается в Одессу. Чем он занимался здесь? Вообще-то можно было бы его, конечно, назвать просто главарем одесских налетчиков и наконец-то увенчать короной.

И действительно, грабежи богатых людей, налеты на кассы и банки и тому подобные подвиги наконец-то сделали Япончика «королем» одесского уголовного мира. А главным украшением «короны» был, конечно, рэкет — привычный и, как полагали в те времена, вполне «интеллигентный» метод отнятия денег у богатых людей. Кстати говоря, эту особенность «политических» грабителей Бабель использует в описании биографии Бени Крика. Беня Крик занимается именно рэкетом.

Вот один пример.

«...Беня написал Эйхбауму письмо: мосье Эйхбаум, положите, прошу вас, под ворота на Софиевскую, 17, завтра утром 20 тысяч рублей. Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что это не слыхано и вся Одесса будет о вас говорить. С почтением — Беня Король».

А вот и второй:

«Многоуважаемый Рувим Осипович! Будьте настолько любезны положить к субботе под бочку с дождевой водой... — и так далее. — В случае отказа, как вы это себе в последнее время стали позволять, вас ждет большое разочарование в вашей семейной жизни. С почтением знакомый вам Бенцион Крик».

Как видим, он не занимается традиционными грабежами и налетами, не останавливает запоздавших прохожих на улице, не выходит, вооружившись револьвером или кистенем, на большую дорогу. И в этом его образ сближается с методами тогдашних «революционеров» (и, заметим в скобках, уголовников более позднего периода, будь то американские гангстеры или российские братки).

Но все-таки есть нечто, мешающее даже на этом этапе карьеры Мишки Япончика отождествить его с романтическим Беней Криком, королем налетчиков из бабелевских рассказов.

В то постреволюционное время, время красного террора и гражданской войны, провести четкий водораздел между чистыми уголовниками и уголовниками с политической окраской было трудновато. До революции, впрочем, тоже. Кем считать, например, Камо? Или того же Кобу? Или Красина, сбывавшего деньги и ценности, полученные в резуль-

тате «эксов» (то есть налетов на банки, кассы и прочее)? Вот и бывший политкаторжанин Моисей Винницкий в рамках понятия «уголовник» не укладывается. Во-первых, сам он по-прежнему числил себя в анархистах. Да и в документах того времени его людей называли не бандитами, а боевиками. Виктор Савченко в книге «Авантюристы гражданской войны»* пишет, что вернувшийся с каторги Япончик не прерывал своих старых связей с анархистами. Сам он сформировал «еврейскую боевую дружину», которая противостояла погромщикам (и среди белогвардейцев, и среди украинских националистов антисемитизм был популярен), участвовала в акциях анархистов (нападения на полицейские участки, экспроприации и т. д.).

Во-вторых, он действительно помогал деньгами и оружием «красному» подполью. Его непосредственные подчиненные отстреливали по ночам деникинских офицеров, а за ним самим охотилась контрразведка.

«После победы над “украинцами” в Одессе была провозглашена Одесская советская республика со своим правительством — Совнаркомом. Еврейская боевая дружина Япончика вошла в состав Одесской советской армии как резерв правительства и командования и была переведена на государственное содержание. М. Винницкий после “одесского Октября” стал известным и “славным” революционером»**.

Одесская советская армия впоследствии влилась в РККА.

И в начале 1919 года «король одесских налетчиков» стал командиром Красной армии.

Собственно говоря, об этой истории писали многие — как правило, в фарсово-анекдотических тонах. Дескать, явился как-то к представителям командования Красной армии король налетчиков Мишка Япончик и предложил сформировать полк из своих бандитов. Дальше все авторы рассказывают одно и то же: как этот полк сформировали (правда, не в две тысячи бойцов, а лишь в семьсот), как опе-

---

* В. Савченко. Авантюристы гражданской войны. — М.: АСТ, Фолио, 2000.

** В. Савченко. Авантюристы гражданской войны. — М.: АСТ, Фолио, 2000.

реточно выглядели бойцы и сам Япончик, назначенный командиром полка, и как, провожая его на фронт, играли два еврейских оркестра...

Красивая картинка, хоть сейчас снимай новую версию «Интервенции». Правда, однако, заключается в том, что... Впрочем, для начала — документ. Вот такой:

«Я, нижеподписавшийся, прошу уважаемую редакционную коллегияу напечатать нижеследующее:

Я, Моисей Винницкий, по кличке «Мишка-Япончик», приехал четыре дня тому назад с фронта, прочел в «Известиях» объявление ОЧК, в котором поносят мое доброе имя.

Со своей стороны могу заявить, что со дня существования ОЧК я никакого активного участия в этом учреждении не принимал.

Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по указу Временного Правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, — могу показать документы, находившиеся в контрразведке, а также и приказ той же контрразведки, в котором сказано, что за поимку меня обещали 100 тысяч рублей, как за организатора отрядов против контрреволюционеров, но только благодаря рабочим массам я мог, укрываясь в лачугах, избежать расстрела.

В начале настоящего года, когда пронесся слух о предстоящем погроме, я не замедлил обратиться к начальнику еврейской боевой дружины тов. Кошману с предложением войти с ним в контакт для защиты рабочих кварталов от погрома белогвардейцев всеми имеющимися в моем распоряжении средствами и силами.

Я лично всей душой рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян отзовется и скажет, кто мною был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется. Что же касается буржуазии, то если мною и предпринимались активные действия против нее, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ее, но именем такого грабителя я горжусь, и, покуда моя голова на плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой.

Как один из примеров провокации моим именем даже при советской власти приведу следующий факт.

По просьбе начальника отряда, тов. Трофимова, мы совместно отправились к начальнику отряда Слободского района тов. Каушану с просьбой, чтобы тов. Каушан разрешил мне препроводить в ОЧК для предания суду революционного трибунала Ивана Гричко, который, пользуясь моим именем, убил рабочего и забрал у него 1500 рублей, у которого были также найдены мандаты для рассылки с вымогательскими целями писем в разные места с подписью «Мишка-Япончик»; тов. Каушан разрешил, и я препроводил убийцу рабочего в ЧК.

В заключение укажу на мою деятельность с приходом советской власти. Записавшись добровольцем в один из местных боевых отрядов, я был назначен в конце апреля в 1 Заднепровскую дивизию, куда я немедленно отправился. Проезжая мимо станции Журавлевка Ю. З. Ж. Д., стало известно, что под руководством петлюровского офицера (Орлика) был устроен погром в Тульчине, куда пошел Жмеринский полк для ликвидации погромной банды. К несчастью, командир отряда был убит, не дойдя к месту назначения. Красноармейцы, зная мою железную волю, на всеобщем собрании избрали меня командиром. Завидуя моему успеху, некоторые несознательные элементы изменническим образом передали меня в руки бандита Орлика, который хотел расстрелять меня, но, благодаря вмешательству крестьян села Денорварка (в нескольких верстах от Тульчина Под. Губ.), стоявших за советскую власть, я был спасен.

Все вышесказанное подтверждаю документами, выданными мне тульчинским военным комиссаром за № 7.

После целого ряда военных испытаний я попал в Киев, где после обсуждения всего вышеприведенного я получил от народного военного комиссара назначение в первый Подольский полк, где подольским воен. губ. комиссаром была возложена на меня задача, как на командира бронепоезда за № 870932, очистить путь от ст. Вапнярка до Одессы от григорьевских банд, что мною было выполнено; подтверждается документом командующего 3 армии за № 1107.

На основании вышеприведенного я отдаю себя на суд рабочих и крестьян, революционных работников, от кото-

рых я жду честной оценки всей моей деятельности на страх врагам трудящегося народа.

Прошу все рабочие и крестьянские газеты перепечатать настоящее письмо.

Моисей Винницкий под кличкой
«Мишка-Япончик»*.

Письмо было опубликовано в «Известиях» в конце мая 1919 года. Ну да, его стиль может вызвать улыбку. Он весьма похож, например, на стиль героя бабелевского же рассказа «Соль». Но нас в данном случае интересует совсем другое: оскорбленный до глубины души Мишка Япончик подробно излагает свою революционную биографию. И оказывается, что карьера Мишки Япончика как командира Красной армии началась задолго до формирования «одесского полка». Что же до полка из «уголовников» — действительно, в июне 1919 года Япончик предложил сформировать полк из одесских боевиков и студентов. Были в нем, разумеется, и просто уголовники — но они отнюдь не составляли большинство. Собственно говоря, основой полка стала та самая «еврейская боевая дружина». Большинство полка, повторяю, составляли те, кого называли боевиками, — анархисты-террористы, революционеры с дореволюционным стажем. Чуть больше семисот штыков. 54-й имени Ленина полк РККА (так он официально назывался) выступил на Южный фронт в распоряжение Ионы Якира, а Якир придал одесситов бригаде, которой командовал Григорий Котовский.

4. Смерть и преображение Моисея Винницкого

По прибытии на фронт в районе Крыжополя полк получил приказ выбить с позиций петлюровские части. Приказ был выполнен: «одесситы», забросав окопы противника ручными гранатами, захватили позиции. Дальнейшие события раз-

---

* Цит. по статье: В. Маргулиес. Мишка Япончик/Журнал «Лехаим», 2007, № 6.

личные источники сообщают по-разному, в основном путано и невнятно. Большая часть источников излагает версию начальника Особого отдела 3-й армии, старого большевика Ф. Т. Фомина: воинство Япончика на радостях от быстрой победы перепилось, опомнившиеся петлюровцы их выбили с захваченных позиций, после чего новоиспеченные красные бойцы драпанули с фронта вместе со своим командиром.

Честно сказать, это объяснение (самое распространенное в популярной литературе) немного меня смущает. Во-первых, его автор — Фомин — был врагом Япончика еще с 1918 года. Во-вторых, Фомину же принадлежит и тот рассказ о формировании 54-го полка, который я упоминал ранее и который обходит молчанием как предыдущую службу Мишки Япончика в Красной армии, так и истинный состав вновь сформированного соединения. Именно у Фомина впервые появляется «опереточная» картинка блатных, решивших от греха подальше слянуть на фронт...

Иными словами, версию можно принять, если считать солдат 54-го полка действительно трусливыми уголовниками. И это уже — полная фантастика. «Трусливо сбегали из тыла на фронт» — прямо как из старого анекдота: «Трусливо отсиживался в окопах или героически нес службу в тылу?» Понятно, что легенда о трусости бойцов Япончика не имеет даже намека на правдоподобие. Ядро 54-го полка составляли люди, участвовавшие в десятках стычек с превосходящими силами противниками — с белогвардейцами и гайдамаками. Они не боялись охотиться на белогвардейцев в оккупированной белыми и интервентами Одессе. Их командир, как к нему ни относиться, судя по документам и свидетельству очевидцев, тоже был не робкого десятка. То, что случилось в действительности тогда, жаркой июльской ночью 1919 года, можно объяснить десятком причин. И такая причина, как трусость, если и будет, то на последнем месте по достоверности.

Так или иначе, в результате какой-то невнятицы полк то ли отступил, то ли был разбит. Прискакавший в расположение части комбриг Григорий Котовский (54-й полк подчинялся непосредственно ему) приказал отвести одесситов

в тыл для переформирования и военной учебы. При посадке в поезд их разоружили. Тут новое несоответствие рассказу «старого чекиста». Согласно Фомину, «одесситы» сами захватили поезд, угрожая оружием, вышвырнули из него пассажиров (предварительно ограбив), а потом отправились в Одессу. И возглавлял это безобразие якобы их командир...

Вместо учебы «одесситов» подвели под шашки котовцев — около сотни человек, подчиненных командира Винницкого, погибли от рук своих же. Тоже не очень понятно — как и где, документы не сохранились.

Самого же Япончика, его жену и ближайшее окружение каким-то образом выманили из поезда, в котором комполка РККА Моисей Винницкий надеялся добраться до комдива РККА Ионы Якира, и застрелили. Без всяких судов и арестов.

Остальные бойцы 54-го полка были распределены в другие части.

История Мишки Япончика — революционера и красного командира — на этом закончилась. И началась история «короля» одесских налетчиков Бени Крика, полностью вытеснившая благодаря литературному гению Исаака Бабеля подлинные события из общественной памяти.

Впрочем, история имела шанс вернуться — в 1925 году, когда комкор Григорий Котовский, герой гражданской войны, был застрелен неким Меиром Зайдером по кличке Майорчик. Официальная версия гласила, что убийство совершено было «от обиды»: якобы Котовский отказался повесить Зайдера в звании, и тот его застрелил. Об убийце говорилось, что был он когда-то не то уголовником, не то хозяином борделя в Одессе. И очень неохотно, вскользь проговаривалось, что, во-первых, Меир Зайдер был человеком, который в 1918 году в оккупированной белыми Одессе свел двух не то революционеров, не то уголовников — Григория Котовского и Моисея Винницкого, а во-вторых — что Майорчик оказался едва ли не единственным представителем командования 54-го полка, случайно уцелевшим в 1919 году. В 54-м полку Меир Зайдер был начальником штаба, правой рукой Мишки Япончика. Впрочем, в некоторых статьях эта версия (высокая должность Майорчика)

оспаривается. Что же, не буду настаивать на том, что Зайдер занимал пост начальника штаба полка. Но факт его близости с Япончиком не отрицает никто. И факт его роли в сближении Япончика и Котовского тоже никем не оспаривается.

Если вспомнить, что именно бригада Котовского расправилась с ядром «одесского полка», можно вполне предположить, что это убийство оказалось мстью за смерть Мишки Япончика. Ведь Моисея Винницкого и Григория Котовского связывали не только должностные отношения. Они были старыми товарищами по борьбе в подполье, отряду Котовского оружие шло через Япончика, люди Мишки прятали Котовского во времена, когда его разыскивала деникинская контрразведка. Разумеется, Япончик никак не ожидал, что старый товарищ распорядится его «разменять». Между тем даже поверхностного взгляда хватает, чтобы понять: именно из-за того, что Япончик доверял Котовскому, Якир направил последнего на ликвидацию 54-го полка. Возможно, это было еще и проверкой лояльности Григория Котовского к большевикам и командованию Красной армии: ведь Котовский принял командование над 2-й пехотной бригадой 45-й стрелковой дивизии лишь в июле 1919 года, и это была его первая должность в РККА. Бригада состояла из трех полков и кавалерийского дивизиона и в первых боях показала себя не ахти как...

Складывается впечатление, что решение о ликвидации Япончика и расформировании его полка было принято заранее. Почему? Тут, разумеется, может быть несколько ответов, но, вероятнее всего, командованию Красной армии не улыбалось иметь под боком довольно крупное воинское соединение, в котором большевистское влияние сводилось к нулю (люди Япончика отказались принимать комиссаров). Учитывая недавний мятеж бывшего командующего армией Григорьева (против которого, кстати, успел повоевать и Япончик) и некоторые другие мятежи, размахом поменьше, красные командиры решили избавиться от популярного и своенравного одессита.

Убийца Котовского вышел на свободу через два года, по амнистии в честь десятилетия Октябрьской революции.

Вскоре его самого убил один из старых «котовцев» — некто Григорий Вальдман, уголовник с дореволюционным стажем. Вальдман арестован не был.

«Одесские рассказы» Исаака Бабеля — не единственное художественное произведение, в котором появляется Мишка Япончик. В ряде случаев он носит вымышленные, но очень прозрачные имена: Филипп (Филька-анархист) в знаменитой пьесе Льва Славина «Интервенция» (в фильме Г. Полоки эту роль сыграл Ефим Копелян), Яшка Барончик в советско-болгарском фильме 1967 года по сценарию Константина Исаева «Первый курьер» (в роли Барончика снялся Николай Губенко). Под собственным именем Япончик появился в фильме «Эскадра уходит на запад» и в оперетте «На рассвете». Интересно, что во всех этих произведениях в отличие от рассказов Бабеля прослеживается связь персонажей с революцией. Правда, по-разному. В «Интервенции» Филька-анархист помогает большевистскому подполью раздобыть оружие (поклон в адрес реального Мишки Япончика), но за большие деньги. Когда же его просят помочь освободить арестованного большевика Мишеля Бродского, которому грозит смертная казнь, Филька отмахивается:

«САНЬКА. Филипп! В эту минуту Мишеля мучают, может быть. Товарища! Революционера! Ты же идейный, Филипп! Ты же за революцию!»

ФИЛИПП. Не закручивай мне, девушка! Это тебе не митинг. Плевал я на революцию!»

В «Первом курьере» Яшка Барончик показан с большей симпатией — как человек, помогающий революционерам переправлять в Россию революционную литературу. Он, конечно, бандит и налетчик, но революционеры ему нравятся: «Ей-богу, если б не серьезные дела, пошел бы в революцию!»

Настоящий Мишка Япончик как раз и пошел в революцию. И серьезных дел у него не было. Более серьезных, чем революция и гражданская война. Он был уголовным преступником не в большей степени, чем его друг-враг Григорий Котовский, убийство которого очень напоминало разборку в криминальных кругах, — или погибший при не менее смут-

ных обстоятельствах знаменитый анархист матрос Железняк. Почему же Котовский и Железняк вошли в новейшую мифологию как герои гражданской войны, а Моисей Винницкий — как романтический, обаятельный уголовник, никакого отношения не имевший к борьбе за светлое будущее и справедливое общество? Неизвестно. Видимо, это и есть последняя тайна Мишки Япончика.

Nota bene

Разбойник или грабитель, вор или мошенник — представители этих сомнительных профессий пришли в литературу тысячелетия назад. Не буду сейчас говорить о том, что герои Гомера (тот же Одиссей, например) ничем не отличаются от пиратов. Нет, я имею в виду тех, кого сами современники считали уголовными преступниками. У того же Геродота можно прочесть увлекательнейший рассказ о ловком египетском воре — грабителе пирамид, который будто бы женился на дочери фараона Рамсеса III (в древнегреческом варианте — Рампсинита). Удивительно, что до сих пор никому из современных авторов исторических триллеров не пришло в голову просто-напросто пересказать этот захватывающий сюжет о семейке воров, специализировавшихся на расхищении сокровищ, которые закладывались в гробницы египетских вельмож и фараонов. Ну, я надеюсь, сей пробел скоро будет заполнен. Так вот, Геродот — это V век до нашей эры! Его «История» писалась почти две с половиной тысячи лет назад!

Но если мы зададимся целью найти в литературном произведении первое описание человека, сделавшего целью своей жизни борьбу с преступниками и защиту общества от уголовников, то вряд ли нам удастся найти его у античных или средневековых писателей. Разумеется, в мифах герои (Геракл, Тесей и прочие) боролись с разбойниками (вроде Прокруста и иных мерзавцев). Но представить себе, что для Геракла или Одиссея делом всей жизни становится выслеживание убийц, воров и грабителей, трудновато. И хотя в последнее время появилось множество детективных романов, в которых с таинственными преступниками воюют

знаменитые деятели прошлого, читатель прекрасно понимает: романы эти в большой степени всего лишь игра в историю. Они написаны сегодня, с точки зрения сегодняшней морали и в соответствии с сегодняшним уровнем общественного развития.

Многие историки литературы объявляют первым детективным произведением трагедию «Царь Эдип», однако сам Софокл ставил перед собой совсем другую цель. Да что говорить! Мысль о *детективном расследовании* ему вообще не могла прийти в голову.

На Востоке ситуация иная. Детективные рассказы, например, в средневековом Китае были жанром весьма распространенным и очень популярным (первый сборник детективных сюжетов появился еще в XI веке). Но у нас пока речь идет о европейской культуре.

Тем удивительнее скорость, с которой мифологизировался жанр, появившийся лишь в первой половине XIX века. И Великий сыщик стал одним из излюбленных героев современной мифологии. Но именно в силу относительной молодости жанра (для истории культуры полтора-два века — не возраст!) в основных чертах характера этого героя угадываются черты реальных людей, живших тогда и отразившихся в магическом зеркале литературы.

Акцент Эркюля Пуаро, или Рука Парижа

1. Место действия — Франция

«— Послушать вас, так это очень просто, — улыбнулся я. — Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен — очень недалекий малый. Этот прием — сбивать с мысли своего собеседника какой-нибудь фразой «к случаю» после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показательный трюк. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

— Вы читали Габорио? — спросил я. — Как по-вашему, Лекок — настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

— Лекок — жалкий сопляк, — сердито сказал он. — У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тош-

нит. Подумаешь, какая проблема — установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Леккок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать»*.

Вот так небрежно и вполне уничижительно отозвался величайший сыщик всех времен и народов о своих, возможно, менее гениальных, но все-таки предшественниках. Что интересно: доктор Уотсон поинтересовался его мнением о литературных персонажах, плодах фантазии американского и французского писателей. И Холмс высказался о них, во-первых, с горячностью и эмоциональностью, необычных для него, а во-вторых, как о живых людях. Тут, впрочем, ничего неожиданного нет: естественно, персонаж к персонажу отнесется как к живому человеку.

Тем не менее он не отрицает, что именно месье Дюпен и месье Леккок могут считаться его предшественниками. Пусть Холмс посмеивается над ними, пусть раздражается из-за сравнения с этими, как он считает, весьма посредственными и недалекими сыщиками, но он — их преемник. В каком-то смысле — родственник.

Долгое время я воспринимал этот факт как должное, то есть не замечал в нем никакой странности.

Но однажды задумался: как так получилось, что предшественниками Холмса оказались французы? Мало того, если одного из них придумал французский писатель и журналист Эмиль Габорио, то другого — американский романтик Эдгар По. С чего бы это? Почему действие первого в мировой литературе детектива — рассказа «Убийства на улице Морг» — происходит в Париже? Даже если взять за точку отсчета не 1841 год, когда появился первый из трех детективных рассказов Эдгара По, а 1816-й, год появления детективной новеллы Э. Т. А. Гофмана «Мадемуа-

---

* А. Конан Дойл. Этюд в багровых тонах. Перевод Н. Трениевой. Здесь и далее произведения о Шерлоке Холмсе цитируются по изд. Артур Конан Дойл. Собрание сочинений в 14 томах. — М.: Терра, Литература, Наташа, 1997.

зель де Скюдери», то и в ней местом действия оказывается все тот же Париж. Предположим, Париж в XIX веке был культурной столицей мира, но как и почему он вдруг стал столицей детективной, местом действия первых детективов, причем, заметьте, написанных не французскими писателями?

Стоит обратить внимание именно на Эдгара По. Великий американский романтик знал цену словам, именам и названиям. Когда он задумал написать «готический» рассказ, то из-под его пера вышел «Метценгерштейн». Правда, место действия там Венгрия, зато замки — Метценгерштейн и Берлифитцинг — вполне германские, а герои — немецкие аристократы. Да и подзаголовок при одном из переизданий гласил: «История в немецком стиле». Ничего удивительного, сумрачные рассказы о сверхъестественном прочно связывались с Германией. Рассказ о карнавале, о его яркой, пугающей стихии в «Маске Красной смерти» помещен в итальянскую обстановку. На Луну, с помощью воздушного шара, летит голландец Ганс Пфаль, уроженец страны отважных путешественников и изобретателей. К Южному полюсу устремляется юный американец. Что же до детектива — для созданного Эдгаром По жанра, для первого *детективного* рассказа (все-таки «Мадемуазель де Скюдери» можно отнести к детективу с несколькими серьезными оговорками) писатель избрал местом действия не Бостон и не Нью-Йорк, не Ричмонд и не Филадельфию, а Париж. И героем сделал именно француза:

«Весну и часть лета 18... года я прожил в Париже, где свел знакомство с неким мосье С.-Огюстом Дюпенем. Еще молодой человек, потомок знатного и даже прославленного рода, он испытал превратности судьбы и оказался в обстоятельствах столь плачевных, что утратил всю свою природную энергию, ничего не добивался в жизни и меньше всего помышлял о возвращении прежнего богатства. Любезность кредиторов сохранила Дюпену небольшую часть отцовского наследства, и, живя на ренту и придерживаясь строжайшей экономии, он кое-как сводил концы с концами, равнодушный к приманкам жизни...

Одной из фантастических причуд моего друга — ибо как еще это назвать? — была влюбленность в ночь, в ее особое очарование...»*

Таким предстает перед читателем первый в мировой литературе частный детектив. Слово «частный» в данном случае обозначает лишь то, что он не служит в полиции, а вовсе не то, что за определенную плату занимается шекотливыми делами на грани закона. И уж тем не менее не говорит о том, что данный персонаж открыл частное сыскное агентство.

Напомним: Дюпен и его неназванный друг-рассказчик узнают из газет о кошмарном преступлении, совершенном в доме на улице Морг, — жутких убийствах некоей мадам Л'Эспанэ и ее дочери Камиллы. Полиция арестовала подозреваемого, но некоторые обстоятельства дела заинтересовали Дюпена. С разрешения префекта полиции он посещает место преступления, после чего определяет истинного преступника и добивается освобождения невиновного.

Кроме «Убийств на улице Морг», Эдгар По написал еще два рассказа о придуманном им сыщике шевалье Дюпене — «Похищенное письмо» и «Тайна Мари Роже». Таким образом, Эдгар По написал не только первый детективный рассказ, но и первый детективный сериал. Для него самого это единственный цикл, в котором действуют одни и те же герои. Когда Александр Куприн писал, что весь Шерлок Холмс, как в футляр, помещается в гениальный рассказ «Убийства на улице Морг», он, я думаю, все-таки имел в виду именно приоритет американского писателя.

Итак, первый сыщик мировой литературы (во всяком случае, западной литературы) тотчас вызывает к жизни первый детективный сериал. Причем ни до, ни после рассказов о Шарле Огюсте Дюпене Эдгар По не придумывал сквозных героев; романтический сыщик, влюбленный в ночь, остался единственным. Уже по одной этой причине есть резон познакомиться с месье Дюпеном поближе и присмотреться к нему внимательнее.

* Эдгар Аллан По. Убийства на улице Морг./Перевод Ревекки Гальпериной. В книге: Эдгар Аллан По. Убийства на улице Морг. — СПб.: Азбука-классика, 2007.

Кстати, я написал «Шарль Огюст Дюпен» не случайно. У самого Эдгара По первое имя сыщика нигде не встречается, во всех трех рассказах он — С. Auguste Dupin. Однако исследователи творчества американского писателя указывают*, что у самого шеваляе Дюпена, придуманного Эдгаром По, мог быть только один прототип — именно Пьер Шарль Франсуа Дюпен (1784–1873), французский математик и экономист, человек блестящего аналитического ума, входивший вместе с Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в элиту знаменитой Политехнической школы — той самой школы, где разрабатывались методы *научного расследования*. Надо полагать, инициал «С.» в имени сыщика означает именно Charles, и тогда в русских переводах надо писать не «С. Огюст Дюпен», как это делается повсеместно, а «Ш. Огюст Дюпен».

Итак, о Шарле Огюсте Дюпене. Прежде всего надо сказать, что в прошлом у него имеется некая черная полоса, жизненная катастрофа. Рассказчик не заостряет внимания на деталях (собственно, для Эдгара По даже те несколько фраз, которые он посвятил прошлому своего героя, настоящее многословие). Еще один нюанс — отношения с полицией, точнее — с руководством полиции, с префектом. Вряд ли случайному человеку префект полиции позволит посещать и осматривать место преступления, вряд ли к мнению случайного человека он будет прислушиваться. Вряд ли, опять-таки, к случайному человеку префект полиции будет обращаться в щекотливых обстоятельствах — как, например, в истории с «Похищенным письмом»:

«...Дверь распахнулась и в библиотеку вошел наш старый знакомый, мосье Г., префект парижской полиции...

Мы сердечно его приветствовали, потому что дурные качества этого человека почти уравновешивались многими занятными чертами... Перед его приходом мы сумерничали, и теперь Дюпен встал, намереваясь зажечь лампу, но он тут же вновь опустился в свое кресло, едва Г. сказал, что пришел посоветоваться с нами — а вернее, с моим дру-

---

* См., напр.: Allen Salisbury. Edgar Poe: The Lost Soul of America/Fidelio., Vol. XV, № 1–2, Spring/Summer 2006.

гом — о деле государственной важности, которое уже доставило ему много неприятных хлопот»*.

Таким образом, помимо того, что Эдгар По сообщает нам о влюбленности в ночь и аналитических способностях своего героя, автор дает нам понять о жизненной катастрофе, случившейся у Дюлена в прошлом, а также о его особых отношениях с полицейским начальством. Запомним это и оставим на время романтического шевалье, чтобы познакомиться поближе со вторым соперником Холмса, которого упомянул доктор Уотсон. Вот он, агент сыскной полиции месье Лекок:

«Помощником Жевроля в ту пору был ставший на праведный путь бывший правонарушитель — великий пройдоха и весьма искусный в сыском деле молодчик, к тому же люто завидовавший начальнику полиции, которого он считал посредственностью. Звали его Лекок»**.

Такую отнюдь не лестную характеристику дает своему герою Эмиль Габорио в первом романе «Дело вдовы Леруж». Собственно, Лекок в этом романе — еще не гений сыска, а всего лишь помощник и напарник действительно выдающегося мастера — сыщика папаши Табаре. Лекок же помогает ему и учится у него. Видимо, поначалу автор отводил Лекоку не первое место среди героев. Трудно сказать, почему писатель заменил одного героя другим. Так или иначе, уже со второго романа («Преступление в Орсивале») этот персонаж становится главным героем уголовных романов Эмиля Габорио. Отныне его изображение по праву украшает самое начало (вслед за Дюпеном, разумеется) условной портретной галереи великих сыщиков мировой литературы.

Кстати о портрете. Воображаемому художнику пришлось бы немало попотеть, пытаясь создать портрет гения сыска. И вот почему:

---

* Эдгар Аллан По. Похищенное письмо/Перевод Ирины Гуровой. В книге: Эдгар Аллан По. Убийства на улице Морг. — СПб.: Азбука-классика, 2007.

** Эмиль Габорио. Дело вдовы Леруж/Перевод Е. Баевской и Л. Цывьяна. В книге: Французский классический детектив. — М.: Эксмо, 2009.

«...г-н Лекок выглядит так, как желает выглядеть. Его друзья утверждают, будто он обретает собственное, неподдельное лицо лишь тогда, когда приходит к себе домой, и сохраняет его лишь до тех пор, пока сидит у камелька в домашних туфлях, однако это утверждение невозможно проверить.

Достоверно одно: его переменчивая маска подвержена невероятнейшим метаморфозам; он по желанию лепит, если можно так выразиться, свое лицо, как скульптор лепит податливый воск, причем он способен менять все — вплоть до взгляда, что недоступно даже самому Жевролю, наставнику и сопернику Лекока»*.

Артистизм, любовь к переодеваниям, умение каждый раз выглядеть так, как того требуют интересы дела, — это те качества, которые позаимствуют у детища Габорио его наследники: от Холмса и до сыщика Путилина. Речь идет, разумеется, не о реальном И. Д. Путилине, а о его литературном двойнике, герое повестей русского дореволюционного писателя Романа Доброго.

Важными качествами, конечно же, были редкая наблюдательность агента сыскальной полиции Лекока и его умение мыслить логически:

«— ...может быть, граф лег первым.

Следователь, врач и мэр подошли к кровати.

— Нет, сударь, — ответил г-н Лекок, — и я вам это докажу. Доказательство нехитрое, и, вникнув в него, десятилетний ребенок и тот не позволит обмануть себя этим искусственным беспорядком. Подушки совершенно измяты. Не так ли? Но обратите внимание на валик в изголовье: на нем нет ни одной складочки из тех, что остаются от головы спящего и от движения его рук. Это не все: посмотрите вот на эту часть постели, от середины до края. Одеяла были тщательно подоткнуты, верхняя и нижняя простыни плотно прилегают одна к другой. Просуньте руку внутрь, как я, — он просунул руку между простынями, — и вы почувствуете сопротивление, которого не было бы, если бы кто-нибудь до этого растянулся во весь рост под одеялом. А господин де Треморель

---

* Эмиль Габорио. Преступление в Орсивале. Перевод Е. Баевской и Л. Цывьяна, 1990.

был мужчина крупный и занимал постель во всю ее длину. <...> Перейдем к нижнему матрасу. О нижнем матрасе редко вспоминают, когда требуется зачем-нибудь смять постель или, наоборот, придать ей первоначальный вид. Погляди-те-ка сюда.

Он приподнял верхний матрас, и все убедились, что нижний лежал совершенно ровно: на нем не было ни малейшей вмятины.

— Вот вам и нижний матрас, — буркнул Лекок и наморщил нос, наверняка вспомнив какую-нибудь любопытную историю.

— По-моему, можно считать доказанным, — согласился следователь, — что господин де Треморель не ложился*.

Цепочка выводов немногим отличается от аналогичных у Эдгара По и Артура Конан Дойла.

2. Шерлок Холмс, врач-диагност

Итак, первые литературные сыщики были французами. Ну а дальше? Похоже, «острый галльский смысл» сменился британским рационализмом, так что французский акцент у знаменитых сыщиков исчез. В конце концов, самым великим сыщиком всех времен и народов признан непревзойденный Шерлок Холмс. А это уже образец британского джентльмена. N'est-ce pas? Не так ли?

Давайте проверим. Прототипом великого сыщика для Конан Дойла стал один из его учителей — профессор Эдинбургского университета Джозеф Белл (1837–1911). Тут, кстати говоря, никаких сомнений и разночтений быть не может: писатель сам об этом рассказал. И в каждой статье, посвященной Шерлоку Холмсу, об этом непременно говорится. Действительно, блестящий врач-диагност Джозеф Белл любил демонстрировать студентам, как важны для медика наблюдательность и внимание к мелочам. Пациент не всегда и не все рассказывает, в том числе и све-

* Эмиль Габорио. Преступление в Орсивале. Перевод Е. Баевской и Л. Цывьяна, 1990.

дения, необходимые для установления правильного диагноза и, соответственно, правильного лечения. Значит, врач сам должен по внешнему виду пациента, особенностям его рук, походки, одежды, манеры говорить — словом, по малозаметным деталям уметь установить, в какой местности живет пациент, какой образ жизни ведет, чем занимается и чем занимался в прошлом. Впрочем, предоставим слово Конан Дойлу, вернее, его герою:

— ...Наблюдательность — моя вторая натура. Вы, кажется, удивились, когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана?

— Вам, разумеется, кто-то об этом сказал.

— Ничего подобного. Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана. Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти посылки. Ход моих мыслей был таков: “Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее. Лицо изможденное — очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане”. Весь ход мыслей не занял и секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились». («Этюд в багровых тонах»).

Согласно Джону Диксону Карру, биографу сэра Артура Конан Дойла, точно так же профессор Белл повергал в изумление своих студентов, за несколько секунд определяя профессию пришедшего на прием больного:

«Худой, с очень ловкими руками, с копной черных волос, щеточкой торчащих на голове, сидел он за столом в просторном помещении в окружении студентов и фельдшеров. В обязанности Артура входило приглашать пациентов.

— Этот человек, — объявлял доктор Белл с густым шотландским акцентом, — сапожник-левша... Вы, господа, несомненно, заметили потертости на его вельветовых штанах

в тех местах, где сапожники зажимают колодку. Правая сторона гораздо более потерта, чем левая.левой рукой он забивает гвоздики в подошву...»*

Джозеф Белл впоследствии признавал свое родство с героем, придуманным его бывшим учеником, хотя обязательно замечал, что в Шерлоке Холмсе куда больше черт самого Артура Конан Дойла. И был, несомненно, прав в этом — хотя можно заметить, что тут ничего оригинального нет: каждый писатель наделяет своего персонажа собственными чертами характера. Эдинбургский профессор весьма интересовался успехами своего литературного двойника. Подозреваю, что, не вызови Конан Дойл к жизни великого сыщика, Джозеф Белл применял бы свою удивительную наблюдательность только в медицинской диагностике. Но оказавшись прототипом сыщика, он уже не мог не интересоваться и криминалистикой. В конце концов он попытался раскрыть нашумевшую в конце XIX века в Великобритании Ардламонтскую тайну.

В 1892 году в поместье Ардламонт, в Шотландии, произошло убийство, вызвавшее большой скандал. Некий Альфред Джон Монсон, опекун семнадцатилетнего Сесила Хамбро, отпрыска аристократического рода, заставил юношу застраховать свою жизнь на 20 тысяч фунтов в пользу жены Монсона. Вскоре после этого юноша едва не погиб на рыбалке (лодка оказалась просверлена каким-то злоумышленником, Сесил же не умел плавать), а еще спустя некоторое время застрелился на охоте — якобы по неосторожности. Монсон был арестован. Однако присяжные вынесли очень странный для того времени вердикт: «Обвинение не доказано». Общественное мнение склонялось к вине Монсона, о деле и необычном вердикте писали все британские газеты. Джозеф Белл решил применить свои дедуктивные методы в расследовании Ардламонтского дела. Увы... Литература успешнее подражает жизни, нежели жизнь — литературе. Белл потерпел неудачу.

В этом смысле второй «прототип», Артур Конан Дойл, действовал не в пример удачнее — на его счету успешное

---

* Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла; Пирсон Х. Конан Дойл. Его жизнь и творчество (Гл. из романа). Пер. с англ. — М.: Книга, 1989.

расследование. Дело Джорджа Идалджи закончилось победой писателя, ставшего временно коллегой своего героя: он добился освобождения невинного, ставшего жертвой судебной ошибки и расовых предрассудков. Второе его вмешательство в криминалистику — дело Оскара Слейтера, обвиненного в убийстве, — также следует признать удачным, хотя Слейтера освободили лишь спустя восемнадцать лет после суда, и по отношению к Конан Дойлу Слейтер повел себя так, что писатель вполне справедливо назвал его в письме «неблагодарной свиньей».

В Ардламонтском деле, помимо участия в нем Джозефа Белла, интересно еще одно удивительное совпадение. Нынешнего владельца этого поместья зовут... Уотсон*! Правда, он не врач, а актер. Господин Уотсон уже давно и безуспешно пытается продать поместье, пользуясь дурной славой.

Чтобы проститься с доктором Беллом, скажем о двух его недавних воскресениях — правда, не в литературе, а в кинематографе. Сначала он появился в образе самого себя — Джозефа Белла, профессора Эдинбургского университета. В мини-сериале «Комнаты страха» прототип Шерлока Холмса занимается тем, чем занимался его литературный двойник, — расследует преступления. И помогает ему в этом молодой ученик — Артур Конан Дойл.

Вторая отсылка к Джозефу Беллу, появившаяся в современном киноискусстве, куда интереснее. Я имею в виду знаменитый сериал «Доктор Хаус», пользующийся огромным успехом и не сходящий с телевизионных экранов несколько последних лет. Авторы прямо признаются в том, что их главный герой — это очередная инкарнация великого сыщика. Правда, занимается он не раскрытием преступлений, а распознаванием редких болезней. Действительно, доктору Хаусу приданы черты Шерлока Холмса (не буду их перечислять). Но получилось так, что в силу профессиональной принадлежности он словно подает руку через голову сыщика Шерлока Холмса врачу Джозефу Беллу.

Итак, прототипами Шерлока Холмса (с этим согласны все литературоведы) служат два вполне британских джентльме-

---

* Scotland: Murder Most Horrid. The Times, 11.09.2005.

на — писатель Артур Конан Дойл и его старый учитель доктор медицины Джозеф Белл. Казалось бы, можно констатировать смену национального акцента в детективном жанре.

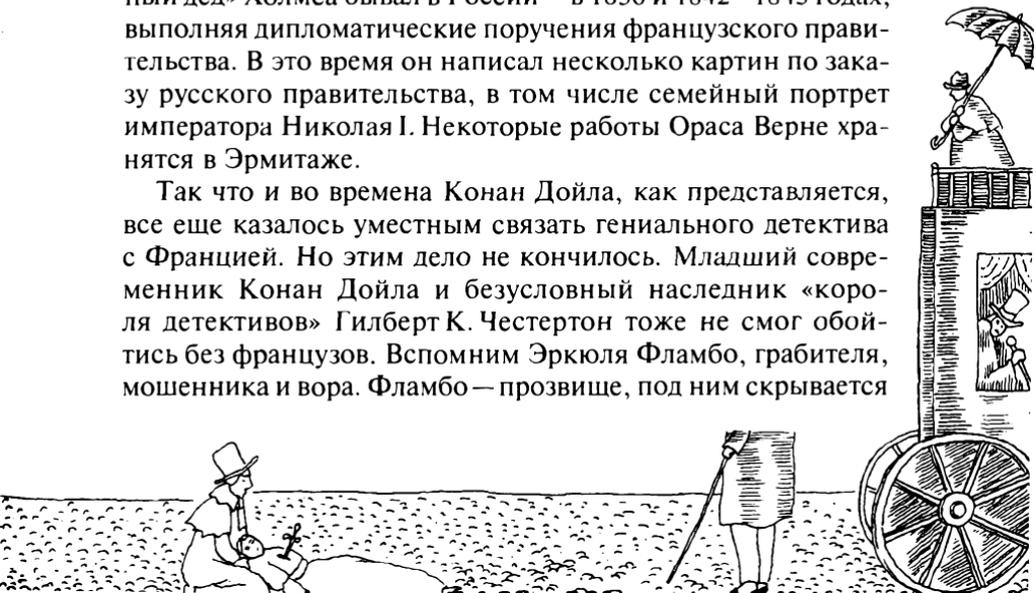
Тем не менее и в биографии великого сыщика обнаруживается все тот же «французский след». Вот он:

«— В вашем собственном случае, — сказал я, — из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

— В какой-то степени, — ответил он задумчиво. — Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такую жизнь, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне, французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы» (рассказ «Случай с переводчиком»).

Вот это, как мне кажется, очень неожиданная деталь: сам автор устами героя признает его выдающиеся «дедуктивные» способности наследственными, связанными с французским происхождением. Кстати, «двоюродный дед» Шерлока Холмса художник-баталист Орас Верне необыкновенно похож на придуманного ему родственника. С автопортрета на нас смотрит худощавый мужчина с высоким лбом, орлиным носом, иронической улыбкой. И с трубкой в руке. Читателям, вероятно, будет интересен тот факт, что «двоюродный дед» Холмса бывал в России — в 1836 и 1842–1843 годах, выполняя дипломатические поручения французского правительства. В это время он написал несколько картин по заказу русского правительства, в том числе семейный портрет императора Николая I. Некоторые работы Ораса Верне хранятся в Эрмитаже.

Так что и во времена Конан Дойла, как представляется, все еще казалось уместным связать гениального детектива с Францией. Но этим дело не кончилось. Младший современник Конан Дойла и безусловный наследник «короля детективов» Гилберт К. Честертон тоже не смог обойтись без французов. Вспомним Эркюля Фламбо, грабителя, мошенника и вора. Фламбо — прозвище, под ним скрывается

французский преступник-виртуоз Эркюль Дюрок. Впервые он появляется в рассказе «Сапфировый крест», где его заманивает в ловушку маленький священник-детектив — отец Браун. Затем Фламбо, все еще в роли преступника, возникает в «Станных шагах», в «Летучих звездах». После последнего преступления Фламбо-Дюрок сам становится сыщиком и помощником отца Брауна.

Конечно же, «французский след», «рука Парижа» появились в истории детектива не случайно. Прежде всего потому, что именно во Франции впервые была создана уголовная полиция — национальное управление безопасности «Сюртэ Насьональ» (*La Sûreté Nationale*). Это случилось в 1812 году. Все последующие учреждения подобного рода, вроде лондонского Скотленд-Ярда, создавались уже по французскому образцу. Ну а немецкого писателя Гофмана, по всей видимости, это подвигло на перенесение действия своего детектива «Мадемуазель де Скюдери» в Париж. Впрочем, если бы дело было только в учреждении, вряд ли культурный, литературный эффект этого события оказался столь оглушительным. Нет, еще важнее (для культуры, разумеется) стала фигура создателя этой уникальной организации.

3. Великий каторжник, великий детектив

Его звали Эжен Франсуа Видок, и он был не только организатором первой в мире криминальной полиции, но и создателем первого в мире частного сыскаго агентства. Иными словами, Видок был первым в мировой истории частным детективом. Прибавьте к профессии фантастически пеструю биография этого человека и его незаурядную личность, а также литературный дар: в 1828 году увидели свет «Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции». Словом, присмотревшись к этому человеку, можно понять, что отнюдь не случайным было столь сильное его влияние на отцов жанра — от Эдгара По и до Конан Дойла. И можно убедиться, что влияние это отнюдь не завершилось автором Шерлока Холмса. Так же как императоры, наследовавшие

Юлию Цезарю, стали называться цезарями (кесарями, царями), сыщики более поздних эпох могли взять себе название «видок» в качестве титула: Огюст Дюпен Видок I, Божьей милостью Лекок Видок II и так далее. А почему бы и нет? Видока по праву можно назвать первым и истинным императором сыщиков.

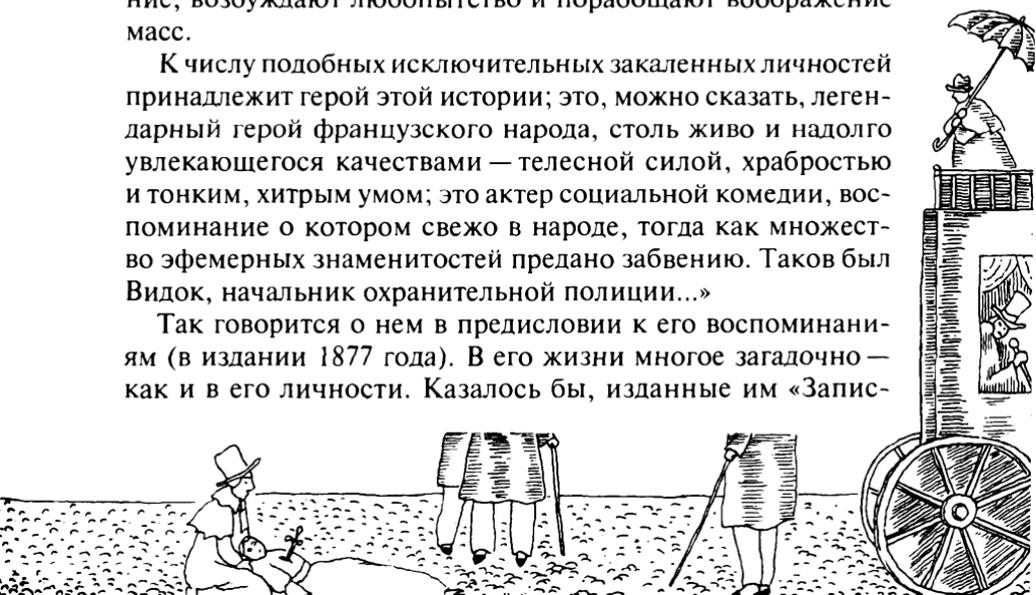
Обычно, рассматривая проблему прототипов тех или иных литературных персонажей, мы сталкиваемся с ситуацией, когда одному герою приданы черты нескольких реальных людей. Писатель представляется нам этакой гоголевской Агафьей Тихоновной: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»

Случай Видока куда интереснее: один и тот же реальный человек стал прототипом сразу нескольких литературных героев у разных писателей, да еще и эксплуатировавших разные его черты.

«Во все времена существовали натуры, одаренные богаче других, с большей энергией и большими задатками; эти люди, смотря по тому, в какую сферу занесет их судьба, делаются героями или злодеями, в том и другом случае оставляя глубокий след за собою. Но какова бы ни была их роль на свете, они далеки от обыденной пошлости и, как все выходящее из ряда, невольно привлекают всеобщее внимание, возбуждают любопытство и порабащают воображение масс.

К числу подобных исключительных закаленных личностей принадлежит герой этой истории; это, можно сказать, легендарный герой французского народа, столь живо и надолго увлекающегося качествами — телесной силой, храбростью и тонким, хитрым умом; это актер социальной комедии, воспоминание о котором свежо в народе, тогда как множество эфемерных знаменитостей предано забвению. Таков был Видок, начальник охранительной полиции...»

Так говорится о нем в предисловии к его воспоминаниям (в издании 1877 года). В его жизни многое загадочно — как и в его личности. Казалось бы, изданные им «Запис-

ки» должны были в подробностях поведать о его жизненном пути, но нет, даже для того, кто внимательно ознакомился с этим объемистым произведением, автор «Записок Видока», равно как и их герой, остается загадочной личностью. Слишком разнообразная, противоречивая личность встает перед нами. Родившийся в 1775 году в семье булочника, он уже в подростковом возрасте выказывает склонность к поведению, никак не свойственному молодым людям его сословия. Уже в 14 лет он убивает своего учителя фехтования (случайно, как утверждает юный Эжен Франсуа), бежит из дома, после множества приключений оказывается на военной службе; здесь его необузданный нрав превращает его в настоящего бретера, числящего за собой многочисленные дуэли. Конфликт с офицером приводит его в тюрьму; отсюда он бежит...

Словом, не жизнь, а приключенческий роман. Видок становится уголовником. Грабителем, мошенником, даже корсаром (или капером), некоронованным королем преступного мира. Он нерелко оказывается в тюрьме и на каторге и столь же часто бежит, так что в конце концов получает прозвище «король побегов». А еще его называли «король риска».

У Оноре де Бальзака среди сквозных персонажей «Человеческой комедии» есть человек по имени Вотрен. Это бывший каторжник. Он фактически списан с Видока (сам Эжен Франсуа был недоволен этим портретом), и мы вполне можем представить себе «короля риска» именно таким, каким Бальзак изобразил Вотрена в повести «Отец Горио»:

«Посредствующим звеном между двумя описанными личностями и прочими жильцами являлся человек сорока лет с крашеными бакенбардами — г-н Вотрен. Он принадлежал к тем людям, о ком в народе говорят: “Вот молодчина!” У него были широкие плечи, хорошо развитая грудь, выпуклые мускулы, мясистые, квадратные руки, ярко отмеченные на фалангах пальцев густыми пучками огненно-рыжей шерсти. На лице, изборожденном ранними морщинами, проступали черты жестокосердия, чему противоречило его приветливое и обходительное обращение. Не лишенный

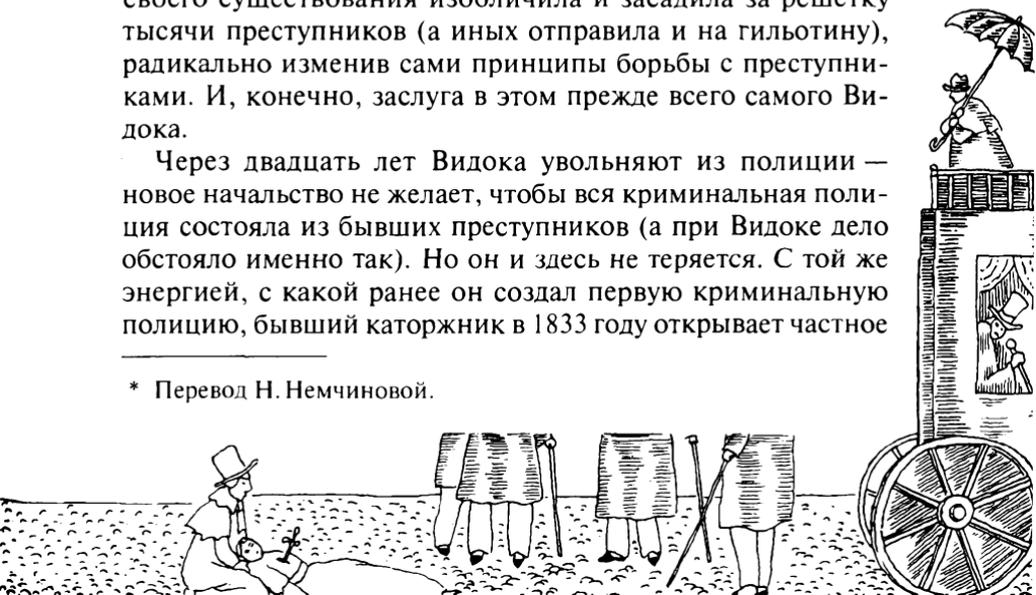
приятности высокий бас вполне соответствовал грубоватой его веселости»*.

При всей лестности «королевских» прозвищ Видок в один прекрасный день осознает, что трон короля каторжников его более не прельщает. Он решает покончить с преступным прошлым и стать добропорядочным гражданином Франции. И в 1809 году предлагает свои услуги шефу Первого управления полиции господину Анри, а через него — префекту полиции барону Паскью. Не сразу, но его услуги принимают. За освобождение из тюрьмы он начинает работать на полицию и вскоре преуспевает так, что среди самих полицейских о нем начинают ходить легенды. А в 1812 году он создает организацию «Сюртэ Насьональ», первую в Европе криминальную полицию, и становится ее главой. Странно это выглядит в воспоминаниях Видока. Буквально за несколько страниц до описания эдакой метаморфозы автор не стеснялся в выражениях, касавшихся блюстителей закона. Самым мягким из них было слово «шайка». И вдруг — он готов примкнуть к этой шайке. Причем, по его утверждению, не для того, чтобы освободиться из тюрьмы (он подумывал о побеге, и побег ему удался бы, как и в прежние годы). Нет, с ним происходит некое нравственное преображение. И презрительные слова с этого момента достаются его бывшим коллегам-подельникам. Впрочем, в адрес полиции он по-прежнему отпускает колкости.

Так или иначе, видоковская «Сюртэ» за два десятка лет своего существования изобличила и засадила за решетку тысячи преступников (а иных отправила и на гильотину), радикально изменив сами принципы борьбы с преступниками. И, конечно, заслуга в этом прежде всего самого Видока.

Через двадцать лет Видока увольняют из полиции — новое начальство не желает, чтобы вся криминальная полиция состояла из бывших преступников (а при Видоке дело обстояло именно так). Но он и здесь не теряется. С той же энергией, с какой ранее он создал первую криминальную полицию, бывший каторжник в 1833 году открывает частное

* Перевод Н. Немчиновой.

детективное бюро (опять-таки первое в мире). Скончался он в 1857 году, успев опубликовать, помимо уже упоминавшихся «Записок», словарь воровского жаргона, а также несколько уголовных романов, в частности, «Настоящие тайны Парижа» — ответ на знаменитый роман Эжена Сю «Парижские тайны». Юрген Торвальд, автор знаменитой книги «Век криминалистики», так пишет о нем:

«Доскональное знание преступного мира, его членов, их привычек и методов преступлений, терпение, интуиция, умение вжиться в образ наблюдаемого, потребность быть в курсе каждого дела, дабы никогда не потерять «чутье на преступника», цепкая зрительная память и, наконец, архив, в котором были собраны сведения о внешности и методах «работы» всех известных ему преступников, составляли прочную основу успешной деятельности Видока. Даже когда для Видока стало невозможным скрывать далее свою роль шефа Сюртэ, он все равно продолжал систематически появляться в тюрьмах, хотя бы для того, чтобы напоминать лица уголовников...

...Сами инспекторы регулярно посещали тюрьмы и приказывали водить вокруг себя в тюремном дворе заключенных для того, чтобы, как некогда Видок, тренировать «фотографическую память» на лица, запечатлевая их в своей памяти. Такой «парад» оставался самым распространенным методом опознания ранее судимых преступников, а иногда помогал найти среди заключенных тех, кто разыскивался за совершенные другие преступления»*.

Таким был этот человек, чьими литературными отражениями в той или иной степени можно считать и Дюпена, и Лekoка, и Вотрена, и Шерлока Холмса, и еще немало персонажей мировой литературы. От его биографии ведет свое происхождение соперничество-сотрудничество частного сыщика и полиции. От его же методов возникла привычка к переодеванию и использованию грима, которая присуща и Лekoку, и Холмсу.

Одни персонажи взяли от него происхождение и стремление систематизировать методы расследования преступле-

---

* Ю. Торвальд. Век криминалистики. — М.: Проспект, 2009.

ний (тренировка зрительной памяти и наблюдательности, составление личного архива и т. д.). Другие — французское происхождение, склонность к бахвальству, тщеславие. Третьи — принадлежность как к миру борцов с преступностью, так и к самому преступному, теневому миру. Таковы, например, вор-джентльмен Арсен Люпен, придуманный французским писателем Морисом Лебланом; Эркюль Фламбо-Дюрок у Честертона, сначала вор, а затем — сыщик и помощник патера Брауна; взломщик (и по совместительству — частный детектив) Барни Роденбарр из романов американского писателя Лоренса Блока; Саймон Темплер по кличке Святой из произведений Лесли Чартериса... И, конечно же, многих героев классического детектива роднит с Видоком загадочность натуры и туманная пелена, окутывающая прошлое.

Таким образом, французский акцент у литературных сыщиков — знак их родства с реальным французом, первым сыщиком Европы Эженом Франсуа Видоком. Кстати, последний в ряду великих сыщиков золотого века детектива, Эркюль Пуаро, хоть он и бельгиец, говорит с французским акцентом и носит французское имя. О, разумеется, половина населения Бельгии — франкофоны. Но все-таки...

Ну и для полноты картины: действие первого детективного романа Джона Диксона Карра — Париж, главный герой (ставший его первым сериальным героем) — сыщик Анри Беколин.

4. Всего лишь эмигрант

Поскольку я уже заговорил об Эркюле Пуаро, не могу не обратиться к одной загадке, связанной с возникновением этого образа. Существуют различные версии, объясняющие его имя и происхождение. Тем не менее все эти версии касаются влияния на молодую Агату Кристи литературных произведений. Вспоминают, например, о том, что Фламбо, один из героев Честертона, тоже носил имя Эркюль (французское произношение античного имени Геркулес). Был свой Эркюль (Эркюль Попо) у писательницы Мари Белок

Лаундс. Наконец, в детективных рассказах Фрэнка Хауэлла, активно печатавшегося в 1910-х годах в «Детективном журнале» (The Detective Magazine), появляется месье Пуаро, отставной бельгийский полицейский.

Ничуть не оспаривая эти версии, я хочу предложить кандидатуру реального персонажа, черты характера и страницы биографии которого также могли стать основой литературного образа.

Впервые Агата Кристи представляет своего героя читателям в романе «Загадочное происшествие в Стайлзе», написанном в 1916 году, а опубликованном в 1920-м:

«Однажды в Бельгии я встретил известного детектива, и он совершенно увлек меня. Это был замечательный человек. Обычно он говорил, что хорошая работа детектива заключается всего лишь в методе... Он был странным человеком: небольшого роста, внешне настоящий денди и необыкновенно умен...»*

Сама писательница тоже предстала перед читателями — в образе юной медсестры:

«Молодая девушка в форме VAD** легко пробежала через лужайку... Цинтия Мёрдок была юным созданием, полным жизни и энергии. Она сбросила свою маленькую форменную шапочку VAD, и меня сразу захватили красота вьющихся каштановых волос и белизна маленькой ручки, которую она протянула за чашкой чаю...

Цинтия торжественно повела нас вверх по лестнице в свое святилище.

— Сколько склянок! — воскликнул я, оглядывая шкафы небольшой комнаты. — Вы и в самом деле знаете, что в каждой из них?

— О-о-ох! Скажите что-нибудь пооригинальнее, — простонала Цинтия. — Каждый, кто сюда приходит, произ-

---

* Агата Кристи. «Загадочное происшествие в Стайлзе»/Пер. А. Вашенко. В кн.: Агата Кристи. Убийство на поле для гольфа. — М.: Эксмо, 2008.

** VAD (Voluntary Aid Detachment) — добровольческий вспомогательный отряд; такие подразделения были созданы в 1909 году для оказания медицинской помощи в военных условиях.

носит именно это! Мы даже подумываем учредить награду тому, кто, войдя к нам первый раз, не произнесет таких слов! И я знаю ваш следующий вопрос: “Сколько людей вы уже успели отравить?”...»*

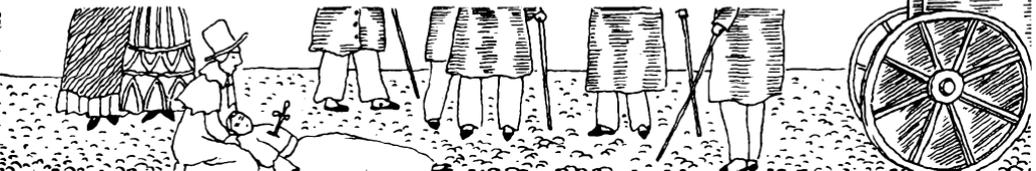
Будущая писательница в годы Первой мировой войны действительно служила в военном госпитале, в аптеке. Ее биографы пишут, что именно там она получила сведения о различных ядах, которыми впоследствии активно пользовалась в своих книгах.

Итак, в первой же книге Эркюль Пуаро — бывший полицейский офицер, бельгиец, бежавший в Англию от немецких оккупантов. Говорит, как это часто подчеркивается, с французским акцентом, пересыпает свою речь французскими словечками и поговорками. Отличается острой наблюдательностью, аналитическим умом. В то же время тщеславен, очень самоуверен. Имя — из античной мифологии.

Что ж... Жил-был на свете некий человек, имя которого родители позаимствовали из античной мифологии — Орест. Родился он в Голландии, служил в разведке и контрразведке Бельгии, затем Франции. После оккупации Франции бежал в Англию. Был и здесь следователем контрразведки, раскрыл немало немецких шпионов в годы Второй мировой войны. Написал книги воспоминаний об этом периоде своей деятельности — «Охотник за шпионами» и «Тайный фронт». Книги еще в начале 1950-х годов были переведены на русский язык и изданы в СССР. По ним можно вполне составить себе портрет автора. Он был, безусловно, гениальным сыщиком, блестящим аналитиком — и в то же время тщеславным, самоуверенным и даже немного самовлюбленным человеком. После выхода первой книги ему даже пришлось оправдываться:

«У читателя, знакомого с моими ранее изданными книгами, могло сложиться впечатление, что я был чуть ли не единственным офицером союзной контрразведки. Многие дела, которыми мне довелось заниматься, действительно носили

* Агата Кристи. «Загадочное происшествие в Стайлзе»/Пер. А. Вашенко. В кн.: Агата Кристи. Убийство на поле для гольфа. — М.: Эксмо, 2008.

характер операций, осуществляемых усилиями одного человека. Однако так было далеко не всегда»*.

Этот человек — подполковник Орест Пинто. Если бы книги Агаты Кристи об Эркюле Пуаро появились во второй половине 1940-х годов, ни тени сомнения у меня не возникло бы относительно того, кто из реально живших в те времена людей был прототипом знаменитого сыщика. Слишком много совпадений. При чтении мемуаров Ореста Пинто перед глазами то и дело встает образ сыщика-эмигранта, гениального и по-детски тщеславного. Возможно, мы имеем дело с удивительным и загадочным совпадением, каких в истории детективного жанра немало. Но возможно и другое. Офицером разведки Орест Пинто стал еще в 1913 году (он родился в 1889-м). Соответственно и в годы Первой мировой войны оставался таковым. Вспомним, что «Цинтия Мэрдок», будущая Агата Кристи, тогда же служила в военном госпитале. Почему бы не предположить, что они познакомились — году эдак в тысяча девятьсот четырнадцатом или пятнадцатом? А когда начинающая писательница обратилась к детективному жанру, ей вполне мог вспомниться чудаковатый молодой офицер-беженец, говоривший с акцентом и, возможно, поразивший ее своей проницательностью...

Впрочем, это всего лишь гипотеза. Ни доказать, ни опровергнуть ее скорее всего не удастся.

Nota bene

Эжен Франсуа Видок был столь яркой личностью, что мимо него никак не могло пройти современное искусство. Подарив множеству персонажей зародившегося детектива различные стороны своей натуры и биографии, он и сам в конце концов превратился из прототипа в персонажа. Ничего удивительного в этом нет: квазидокументальность давно является частью современной литературной игры. Как я уже говорил, во множестве исторических триллеров и детекти-

---

* Орест Пинто. Тайный фронт. В книге: Дж. Мартелли, О. Пинто. Тайный фронт. Человек, спасший Лондон. — М.: Воениздат, 1966.

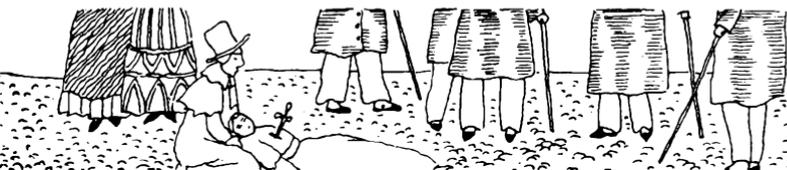
вов появляются Аристотель и Леонардо, Ульянов и Рузвельт, Черчилль и Линкольн, Лонгфелло и Гофман. Но реальные люди, носившие эти имена и жившие в соответствующие эпохи, изрядно удивились бы литературным своим отражениям.

И реальный Видок, возможно, с удовольствием посмотрел бы очень стильный фильм о себе («Видок» режиссера Жана-Кристофа Комара по сценарию автора популярных детективов Жана-Кристофа Гранже), но вряд ли признал бы себя в персонаже, которого играет Депардьё. То же можно сказать и по поводу цикла рассказов «Новые приключения Ш. Огюста Дюпена» французского писателя и художника Жерара Доле. Но есть, впрочем, в этих произведениях жанровая особенность, которая хотя и своеобразно, но отражает подлинную особенность личности французского сыщика, первого сыщика Европы. И фильм, и рассказы относятся не столько к детективному жанру, сколько к научно-фантастическому. Тем самым авторы показали удивительную современность настоящего Видока, его интерес к новинкам науки и техники, к изобретениям и открытиям.

В то же время настоящего Видока, возможно, позабыл бы его портрет, данный в рассказах Доле. А возможно, и возмутил бы. Ибо реальный Видок в этих рассказах явно проигрывает и в интеллекте, и в логических способностях вымышленному Дюпену. Если учесть, что Видок может считаться прототипом Дюпена, ситуация довольно забавная.

Парадокс: персонаж современной массовой литературы по имени Эжен Франсуа Видок меньше похож на реального Видока (даже пушкинский Видок Фиглярин ближе к французскому прототипу!), чем его отражения, преломленные талантами Эдгара По, Артура Конан Дойла или Эмиля Габорио и носящие совсем другие имена.

Среди этих имен порой встречаются и совершенно неожиданные. Но их носители похожи на легендарного сыщика, как внуки бывают похожими на дедов. Даже больше похожими, чем на родителей. Тем более что и занимаются они все тем же — расследованием преступлений. С артистизмом и изобретательностью, свойственными оригиналу.

Дело гражданина Корейко, или Следствие ведет знаток

1. Наследство сэра Артура

«— ...Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза. <...> Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам»*.

Эти слова полицейский инспектор Лестрейд произносит в начале одного из самых изяшных рассказов А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе — «Шесть Наполеонов». Сокровища запрятаны в некий предмет, представляющий собой точную копию еще нескольких, — этот сюжетный ход представляется чрезвычайно выигрышным; неудивительно, что им воспользовались авторы одного из самых популярных (и экранизируемых) романов советской литературы — «Двенадцати стульев». Вокруг истории написания замечательной книги

* Перевод М. и Н. Чуковских.

создалось множество легенд. Согласно самой распространенной версии, идею книги Илье Ильфу и Евгению Петрову подсказал Валентин Катаев, старший брат Петрова. Он и сам написал об этом в романе «Алмазный мой венец», нисколько не скрывая и того, что позаимствовал сюжетный ход в рассказе Конан Дойла:

«...Мое воображение кипело, и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о бриллиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура. Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось «Шесть Наполеонов» Конан-Дойля...»*

Конечно, есть разница: если в «Наполеонах» Холмс (и читатель вместе с ним) пытается понять, кто воспылил такой ненавистью к покойному императору, что разбивает его гипсовые бюсты везде, где находит, — то читатель романа Ильфа и Петрова изначально знает: стулья Гамбса «ненавидит» и потрошит сладкая парочка авантюристов. Финалом эпопеи становится убийство Остапа Бендера Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым.

Илья Ильф и Евгений Петров превратили этот сюжет в многоплановое, блистательное и бессмертное произведение. Посвятили они его Валентину Петровичу Катаеву, а не сэру Артуру Конан Дойлу. Удивительно, кстати говоря: ведь не только сюжет, но и кровавая развязка веселой истории пришла в книгу из «Шести Наполеонов». Правда, сами авторы объясняли финал иначе:

«Сначала мы отвечали подробно, вдавались в детали, рассказывали даже о крупной ссоре, возникшей по следующему поводу: убить ли героя романа «12 стульев» Остапа Бендера или оставить в живых? Не забывали упомянуть о том, что участь героя решилась жребием. В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынул

---

* В. Катаев. Алмазный мой венец. — М.: Советский писатель, 1979.

череп — и через полчаса великого комбинатора не стало, он был прирезан бритвой»*.

А вот текст «Шести Наполеонов»:

«Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно...»

Так что Киса Воробьянинов перерезает бритвой горло Остапу Бендеру точно так же, как в рассказе Конан Дойла головорез Беппо убивает своего поделщика Пьетро Венуччи.

Словом, сюжет «Двенадцати стульев» — безусловно детективный, причем он прямо связан с детективной классикой. Это давно известно.

Что же касается героев, то мало кого из них, кажется, можно соотнести с фигурой сыщика — слуги закона, гонителя преступников, вершителя правосудия. Во всяком случае, по прочтении «Двенадцати стульев» такого героя выявить невозможно. И если бы Ильф и Петров ограничились написанием только этого одного романа, можно было бы говорить о сатире, о юморе, даже об авантюрно-приключенческом жанре. О плутовском романе (это определение почему-то более всего любят применять к романам о великом комбинаторе). Но вовсе не о детективе.

Появление же «Золотого тельца» вернуло всю историю именно в детективное русло, туда, откуда все началось, — к канону классического детектива. Причем за счет кардинального изменения характера главного героя. Ну хорошо, не изменения — развития.

Но прежде чем говорить об этом подробно, рассмотрим, насколько классический детектив вписывался в советскую литературу. Вообще — существовал ли он, классический детектив в советских одеждах?

---

* Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок/От авторов. Здесь и далее роман «Золотой теленок» цитируется по изданию: Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. Первый полный вариант романа. — М.: Вагриус, 2000.

2. История Видока, рассказанная на советский лад

В отличие от «полицейского» (вернее, «милицейского») романа собственно детектив, «классический», как принято называть этот жанр сейчас, представлен был в советской литературе весьма скудно. Тому есть несколько причин.

Прежде всего при социализме невозможно существование самого института частных детективов. Но даже если бы мы попытались представить себе героя неформального, сыщика-любителя (журналиста, ученого и т. д.), то и это оказалось бы, за редчайшим исключением, невозможным: герой-одиночка, самостоятельно раскрывающий преступления, находящийся в постоянном соперничестве с официальными органами правопорядка, несет, по сути, антигосударственный заряд. Помните? «Единица — вздор, единица — ноль».

Существительное «индивидуализм», как правило, припечатывалось прилагательным «буржуазный». Жанровая идеология в данном случае вступала в противоречие с идеологией государственной. Поэтому «милицейский» роман как разновидность романа производственного — поощрялся. А детективный — вынужден был маскироваться, иной раз настолько изошренно, что перед фантазией авторов ничего другого не остается, кроме как снять шляпу. Собственно говоря, такие произведения по пальцам пересчитать можно.

«Три дня в Дагезанс» Павла Шестакова. Тут ситуация повторяет «Чисто английское убийство» Сирила Хэйра. Тем не менее это не подражание, а вполне самостоятельная книга, использовавшая уже существовавший в литературе детективный канон. Роман был раскритикован на самом высоком уровне (на правлении Союза писателей СССР) — за то, что Шестаков, как было сказано, попытался протаскать в советскую литературу чуждые ей принципы «буржуазного» (читай: «классического») детектива.

Повесть Аркадия и Георгия Вайнеров «Завешание Колумба». Следует обратить внимание, что и у Шестакова, и у Вай-

неров главный герой-сыщик — отнюдь не любитель: в этих произведениях действуют их постоянные герои (у Шестакова — следователь Мазин, у Вайнеров — Стас Тихонов). Просто авторы поставили их в ситуацию, где они вынуждены действовать как частные лица, используя только профессиональные навыки и личные качества и не имея возможности действовать официально.

Историко-детективный роман белорусского писателя Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Увы, действительно сильные стороны этой книги — пропитанная мистикой атмосфера со старинным проклятием и загадочными смертями, хорошо проработанная детективная интрига — оказались почти сведенными на нет социально-политическими сентенциями совершенно в духе школьного марксизма (я имею в виду, конечно же, советскую школу). Большая часть персонажей выбраны словно лишь для того, чтобы продемонстрировать тезисы о классовой борьбе, о реакционности эксплуататоров и прогрессивности эксплуатируемых, а финал свидетельствует о приобщении главного героя к революционной борьбе за светлое будущее.

К уже названным произведениям можно добавить повести Ирины Стрелковой («Похищение из провинциального музея») и Леонида Боброва («Нас было тринадцать»), вспомнить о фантастических детективах-памфлетах Павла Багряка, Анатолия Днепровца, Зиновия Юрьева... После чего останется с грустью констатировать, что в советской литературе классический детектив в основном отсутствовал: те книги, о которых шла речь выше, — редкие исключения, не нарушающие общую картину.

Но литература не терпит «жанровой пустоты». Особенно это касается литературы массовой. Налагаются ограничения на утопии и антиутопии — их черты и особенности немедленно проявляются, например, в шпионском детективе. Научная фантастика вдруг прорастает в производственном романе (книги Даниила Гранина — прекрасная тому иллюстрация). И так далее.

С классическим детективом происходило то же самое. Он проявлялся то в фантастике, то в сатирической литературе;

иногда это проявление полное и открытое, иногда — частичное и скрытое.

Вот и в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова все это присутствует. В «Двенадцати стульях» имеются отсылки к классическому образцу жанра — рассказу Артура Конан Дойла «Шесть Наполеонов». Рассматривая дилогию как единое произведение, получаем биографию авантюриста, который поначалу был уголовником, а затем стал... сыщиком. Своего рода советский Видок. И впрямь, действия Остапа Бендера в первой части его биографии легко подпадают под соответствующие статьи Уголовного кодекса:

«— Ничего! Этот стул обошелся вдове больше, чем нам.

Остап вынул из бокового кармана золотую брошь со стекляшками, дутый золотой браслет, полдюжины золоченых ложечек и чайное ситечко.

Ипполит Матвеевич в горе даже не сообразил, что стал соучастником обыкновенной кражи»*.

Сравним с «Золотым теленком»:

«Я, конечно, не херувим, у меня нет крыльев. Но я чту уголовный кодекс. Это моя слабость».

Однако не только эта особенность отличает вторую часть жизнеописания Остапа Бендера от первой (речь идет исключительно о жанровой функции героя). В «Золотом теленке» он, подобно Эжену Франсуа Видоку, из авантюриста-уголовника превращается в сыщика! И весь сюжет романа — не что иное, как расследование преступлений, совершенных подпольным миллионером Корейко. В сущности, фигуру Остапа Бендера вполне можно было бы рассматривать в главе, посвященной прототипам знаменитых сыщиков. Почему бы и нет?

Подобная двойственность героя вполне в духе классического детектива: есть вор-джентльмен Арсен Люпен из рассказов Мориса Леблана, есть «Святой» Саймон Темплер из произведений Лесли Чартериса, есть Барни Роденбарр, герой Лоренса Блока, и им подобные.

---

* Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа. — М.: Вагриус, 1997.

Имея такую наследственность и таких «родственников», Бендер неизбежно должен был стать не просто сыщиком, но очередным Великим Сыщиком. И стал им. Причем действует он в полном соответствии с канонами классического детектива. Что же до мотивов его поведения — так ведь и перечисленные выше джентльмены вовсе не горят желанием передавать разоблаченных ими убийц в руки официального правосудия. Они предпочитают либо самостоятельно вознаградить себя за напряженную интеллектуальную деятельность (как Арсен Люпен), либо взять возмездие на себя («Святой», Барни, доктор Лектер).

Остап Бендер просто удивительно похож на них — своими приемами, привычками, типом интеллекта. Его энергия сродни энергии идущего по следу Лекока, его артистизм напоминает артистизм Люпена, а саквояж вполне пригодился бы Шерлоку Холмсу — обитатель Бейкер-стрит частенько прибегал к переодеваниям, в том числе и весьма экзотическим (например, в китайца — завсегдатая опиумокурильни):

«Бендер присел над чемоданчиком, как бродячий китайский фокусник над своим волшебным мешком, и одну за другой стал вынимать различные вещи. Сперва он вынул красную нарукавную повязку, на которой золотом было вышито слово “распорядитель”. Потом на траву легла милицмейская фуражка с гербом города Киева, четыре колоды карт с одинаковой рубашкой и пачка документов с круглыми сиреневыми печатями. <...> Затем на свет были извлечены: азбука для глухонемых, благотворительные открытки, эмалевые нагрудные знаки и афиша с портретом самого Бендера в шалварах и чалме...»

Весь этот реквизит ничем не отличается от комплекта париков, нарядов, гримерных принадлежностей Холмса или Лекока.

3. Дедуктивный метод Бендера

Понятно, что главное для фигуры сыщика не темное прошлое и не любовь к переодеванию. Борхес писал: «...в основе детектива лежит тайна, раскрываемая работой ума, умствен-

ным усилием»*. Невозможно представить себе классический детектив без «дедуктивного метода», когда Холмс демонстрирует Уотсону (нам с вами) цепочку логических умозаключений. Как обстоят дела в этом смысле у Бендера?

Точно так же. Вот он, образец «следственной дедукции» героя:

«Они вошли в гогочущий, наполненный посетителями зал, и Балаганов повел Бендера в угол, где за желтой перегородкой сидели Чеважевская, Корейко, Кукушкин и Дрейфус. Балаганов уже поднял руку, чтобы указать ею миллионера, когда Остап сердито шепнул:

— Вы бы еще закричали во всю глотку: “Вот он, богачей! Держите его!” Спокойствие. Я угадаю сам. Который же из четырех.

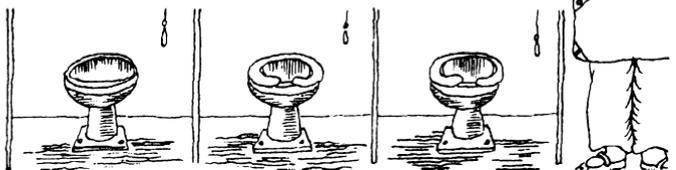
Остап уселся на прохладный мраморный подоконник и, по-детски болтая ногами, принялся рассуждать:

— Девушка не в счет. Остаются трое: красномордый подхалим с белыми глазами, старичок-боровичок в железных очках и толстый барбос серьезнейшего вида. Старичка-боровичка я с негодованием отмечаю. Кроме ваты, которой он заткнул свои мохнатые уши, никаких ценностей у него не имеется. Остаются двое: Барбос и белоглазый подхалим. Кто же из них Корейко? Надо подумать.

Остап вытянул шею и стал сравнивать кандидатов. Он так быстро вертел головой, словно следил за игрой в теннис, провожая взглядом каждый мяч.

— Знаете, бортмеханик, — сказал он наконец, — толстый барбос больше подходит к роли подпольного миллионера, нежели белоглазый подхалим. Вы обратите внимание на тревожный блеск в глазах барбоса. Ему не сидится на месте, ему не терпится, ему хочется поскорее побежать домой и запустить свои лапы в пакеты с червонцами. Конечно, это он — собиратель каратов и долларов. Разве вы не видите, что эта толстая харя является не чем иным, как демократической комбинацией из лиц Шейлока, Скупого рыцаря и Гарпагона? А тот другой, белоглазый, просто ничтожество, совет-

* Хорхе Луис Борхес. «Детектив». Из сборника «Думая вслух» (1979). Перевод Б. Дубина.

ский мышонок. У него, конечно, есть состояние — 12 рублей в сберкассе, и предел его ночных грез — покупка волосатого пальто с телячьим воротником. Это не Корейко. Это мышь, которая...

Но тут полная блеска речь великого комбинатора была прервана мужественным криком, который донесся из глубин финсчетного зала и, несомненно, принадлежал работнику, имеющему право кричать:

— Товарищ Корейко! Где же цифровые данные о задолженности нам Коммунодела? Товарищ Полыхаев срочно требует.

Остап толкнул Балаганова ногой. Но барбос спокойно продолжал скрипеть пером. Его лицо, носившее характернейшие черты Шейлока, Гарпагона и Скупого рыцаря, не дрогнуло. Зато красномордый блондин с белыми глазами, это ничтожество, этот советский мышонок, обаянный мечтою о пальто с телячьим воротником, проявил необыкновенное оживление. Он хлопотливо застучал ящиками стола, схватил какую-то бумажонку и быстро побежал на зов».

Разумеется, это пародия на Шерлока Холмса и его многочисленные литературные реинкарнации, на глубокомысленные умозаключения Великого Сыщика по поводу возраста, профессии и рода занятий незнакомых ему людей. «Золотой теленок» — не детективный роман, а пародия на него (разумеется, помимо того, что это еще и сатирический роман, и бытописательский, и даже философский).

4. Детективное агентство «Рога и копыта»

Перейдем от образа сыщика к образу преступника. Преступлением, отворяющим дверь детективному сюжету, традиционно считается убийство. В «Золотом теленке» речь идет как будто о преступлениях «вегетарианских»: финансовая афера, мошенничество, хищение средств и т. д. В детективе же лишь убийство считается достойным интеллектуального мастерства главного героя. Согласимся с шотландским врачом (*шотландским врачом* — как и Джозеф Белл!)

Сазерлендом Скоттом: «Детектив без убийства — это омлет без яиц»*. В отличие от кражи или мошенничества убийство необратимо. Поэтому именно оно заслуживает настоящего возмездия и требует присутствия настоящего Великого Сыщика. Как обстоит дело с этим условием? Пусть даже в детективе пародийном?

Что же, и это условие соблюдено. Вот оно, первое преступление Корейко, подмеченное многими критиками:

«...Одним из наиболее удачных его дел было похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего на Волгу. Корейко был комендантом поезда. Поезд вышел из Полтавы в Самару, но до Самары не дошел, а в Полтаву не вернулся. Он бесследно исчез по дороге. Вместе с ним пропал и Александр Иванович...»

В самом начале своей подпольной карьеры Корейко похищает продовольствие, предназначенное для голодающих Поволжья, то есть совершает не просто убийство, но — массовое убийство.

Вообще же размах деятельности этого чудовища столь велик, что порой он производит впечатление почти ирреального существа (а может быть, и без «почти»): то выплывает в Туркестане, то в Киеве, то в Москве. И пространство, и время действий Корейко столь неопределенны по координатам и продолжительности, что весьма напоминают аналогичные «параметры» волшебных сказок со всеми их «долго ли, коротко ли», «не по дням, а по часам», «за морями, за горами» и т. д. Вспомним: большинство литературных критиков сходятся на том, что классический детектив — это современная сказка, лишь рядящаяся в одежды реальности. Корейко — это преступник-злодей космического масштаба, советский Мориарти, вполне достойный противник Великого Сыщика.

* Слова взяты из забытой уже книги Сазерленда Скотта «У них в чернилах — кровь: Шествие современного детективного романа» (Sutherland Scott. Blood in Their Ink: The March of the Modern Mystery Novel. London, Stanley Paul & Co, 1953). Сазерленд Скотт — псевдоним шотландского врача и писателя Уильяма Ключни Харви (1900 — ?), автора детективных романов, в которых действовал постоянный герой — сыщик Септимус Доддс. (Прим. ред.)

Я не случайно упомянул профессора Мориарти. Вот как отзывается о нем его соперник Шерлок Холмс:

«Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. <...>... вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила — могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. <...> Он — Наполеон преступного мира... Он — организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум»* (рассказ «Последнее дело Холмса»).

А вот зицпредседатель Фунт говорит о Корейко:

«Вокруг ГЕРКУЛЕС'а кормилось несколько частных акционерных обществ. Было, например, общество “Интенсивник”. Председателем был приглашен Фунт. “Интенсивник” получал от ГЕРКУЛЕС'а большой аванс на заготовку чего-то лесного... И сейчас же лопнул. Кто-то загреб деньги, а Фунт сел на полгода... После “Интенсивника” образовалось товарищество на вере “Трудовой кедр” — разумеется, под председательством благообразного Фунта. Разумеется, аванс в ГЕРКУЛЕС'е на поставку выдержанного кедра. Разумеется, неожиданный крах, кто-то разбогател, а Фунт отработывает председательскую ставку — сидит. Потом “Пилопомощь” — ГЕРКУЛЕС — аванс — крах — кто-то загреб — отсидка. И снова аванс — ГЕРКУЛЕС — “Южный лесорубник” — для Фунта отсидка — кому-то куш...

...за всеми лопнувшими обществами и товариществами, несомненно, скрывалось какое-то одно лицо...

— Во всяком случае, — добавил ветхий зицпредседатель, — во всяком случае, этот неизвестный человек — голова!..»

Так что Корейко в романе вполне может рассматриваться как советский пародийный вариант профессора Мориарти. И пародийность тут, кстати говоря, не очень смешна и даже страшновата. Подпольный миллионер в «Золотом

---

* Перевод Деборы Лившиц.

теленке» обладает всеми чертами настоящего злодея, живущего в непроглядной тени, прячущегося от солнечного многообразия жизни. Причем злодея почти мистического характера, демонические черты в этом образе прослеживаются очень легко:

«Человек без шляпы, в серых парусиновых брюках, кожаных сандалиях, надетых по-монашески на босу ногу, и белой сорочке без воротничка, пригнув голову, вышел из низенькой калитки дома № 16. Очутившись на тротуаре, выложенном голубоватыми каменными плитами, он остановился и негромко сказал:

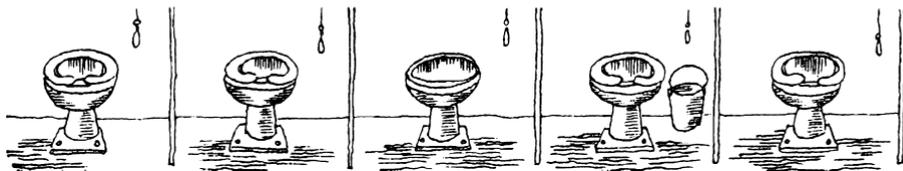
— Сегодня пятница. Значит, опять нужно идти на вокзал.

Произнеся эти слова, человек в сандалиях быстро обернулся. Ему показалось, что за его спиной стоит гражданин с цинковой мордой соглядатая. Но Малая Касательная улица была совершенно пуста».

Действительно, Корейко ничуть не смешон. Он страшен, он чужой. Он — истинный злодей. И поначалу он как будто одерживает победу над сыщиком. Да и Бендер на первых порах действует вроде бы не по канону. Подослав Балаганова и Паниковского ограбить Корейко, он затем собирается шантажировать его:

«Рано утром Бендер раскрыл свой акушерский саквояж, вынул оттуда милицейскую фуражку с гербом города Киева и, засунув ее в карман, отправился к Александру Ивановичу Корейко... Войдя в дом № 16 по Малой Касательной улице, он напялил на себя *официальную фуражку* и, сдвинув брови, постучал в дверь».

Как читатель наверняка помнит, наш герой в своей попытке терпит позорное поражение. Ничего подобного! Это вовсе не Великий Сыщик проигрывает преступнику, это не Арсен Люпен потерял лицо, не Ниро Вульф, не Шерлок Холмс и — представьте себе! — не сыщик О. Бендер. Нет, проиграл комиссар Галлимар, он же инспектор Лестрейд, он же инспектор Крамер, он же, в данном случае, «киевский околоточный»... Извечный лжегерой детектива, полицейский, чья неумелость, а порой и откровенная тупость призваны оттенить интеллектуальную мощь истинного героя. Раздвоение Бендера на лжегероя-полицейского и героя-

сыщика имеет опять-таки откровенно пародийный характер. Но я ведь уже говорил: «Золотой теленок» еще и *пародийный* роман! Вопрос в том, что он пародирует. А пародирует он все ту же классическую детективную схему.

«Полицейский» терпит поражение, и лишь после этого в поединке с Великим Преступником вступает Великий Сыщик:

«Остап молча прошел к бамбуковому столику, положил перед собой папку и крупными буквами вывел надпись:

“Дело Александра Ивановича Корейко. Начато 25 июня 1930 года. Окончено.... го дня 193... г.”».

В городе Черноморске появляется контора «Рога и копыта», выполняющая, по сути, функции частного детективного агентства. Ну да, под прикрытием. Это не имеет значения. «Рога и копыта» — самая настоящая детективная контора, первая, описанная в советской литературе. Остап Бендер и в этом случае напоминает Видока: знаменитый француз, потерпев неудачу в качестве официального полицейского, открывает первую (в Европе) частную детективную контору. Разумеется, это всего лишь совпадение, забавное и поучительное.

Частный сыщик Бендер ведет следствие по всем правилам. Преступник уверен, что он натянул нос полиции, а в это время по его следу уже идет настоящий мастер сыска:

«И в то время как Корейко с улыбкой вспоминал о жулике в милицейской фуражке, который сделал жалкую попытку третьесортного шантажа, начальник отделения носился по городу в желтом автомобиле и находил людей и людишек, о которых миллионер-конторщик давно забыл, но которые хорошо помнили его самого. *Несколько раз Остап беседовал с Москвой, вызывая к телефону знакомого частника, известного доку по части коммерческих тайн.* Теперь в контору приходили письма и телеграммы, которые Остап живо выбирал из общей почты... Кое-что из этих писем и телеграмм пошло в папку с ботиночными тесемками».

Как видим даже из этого абзаца, все соответствует нормам следствия: сбор информации, опрос свидетелей, даже привлечение экспертов («по части коммерческих тайн»). Разумеется, и следствие описывается пародийно:

«...Скумбриевич попытался взять курс на берег, но Остап отрезал ему дорогу и погнал в открытое море. Затем голоса усилились, и стали слышны отдельные слова: “Интенсивник”, “А кто брал? Папа римский брал?», “При чем тут я?”

Берлага давно уже переступал босыми пятками, оттискивая на мокром песке индейские следы. Наконец с моря донесся крик:

— Можно пускать!

Балаганов спустил в море бухгалтера, который с необыкновенной быстротой поплыл по-собачьи, колотя воду руками и ногами. При виде Берлагы Егор Скумбриевич в страхе окунулся с головой.

Первым вернулся Берлага. Он присел на корточки, вынул из кармана брюк носовой платок и, вытирая лицо, сказал:

— Сознался наш Скумбриевич! Очной ставки не выдержал».

«...Дверь полыхаевского кабинета задрожала, отворилась и оттуда лениво вышел Остап Бендер... Вслед за ним из-под живительной тени пальм и сикомор вынырнул Полыхаев... Он побежал за Остапом, позорно улыбаясь и выгибая стан.

— Что же будет? — бормотал он, забегая то с одной, то с другой стороны. — Ведь я не погибну? Ну, скажите же, золотой мой, серебряный, я не погибну? Я могу быть спокоен?

<...>

— Полное спокойствие может дать человеку только страховой полис, — ответил Остап, не замедляя хода. — Так вам скажет любой агент по страхованию жизни. Лично мне вы больше не нужны. Вот государство, оно, вероятно, скоро вами заинтересуется».

Все идет, как того и требует детектив, — вплоть до финала (финала расследования — не финала романа), когда наш сыщик припирает преступника к стенке неопровержимыми доказательствами. Противник поначалу, как и положено, отвергает предъявляемые обвинения:

«— Тысячу раз я вам повторял, — произнес Корейко, сдерживаясь, — что никаких миллионов у меня нет и не было».

Но любопытство — то самое любопытство, которое и в «настоящих» классических детективах заставляет пре-

ступника сидеть до конца и при посторонних выслушивать разоблачения Эркюля Пуаро или Ниро Вульфа, — овладевает и подпольным миллионером (на самом деле любопытство в данном случае — синоним уже упомянутого ранее страха):

«Корейко склонился над столом и прочел на папке: “Дело Александра Ивановича Корейко. Начато 25 июня 1930 г. Окончено 10 августа 1930 г.”.

— Какая чепуха! — сказал он, разводя руками. — Что за несчастье такое! То вы приходили ко мне с какими-то деньгами, теперь дело выдумали. Просто смешно...

<...>

Александр Иванович взглянул на первую страницу дела и, увидев наклеенную на ней собственную фотографию, неприятно улыбнулся и сказал:

— Что-то не пойму, чего вы от меня хотите? Посмотреть разве из любопытства».

Ну а далее мы становимся свидетелями блистательной речи Бендера и полного изобличения преступника. И вдруг...

«Увлечшийся Остап повернулся к Александру Ивановичу и указал на него пальцем. Но эффектно описать рукой плавную дугу, как это дельвали присяжные поверенные, ему не удалось. Подзащитный неожиданно захватил его руку на лету и молча стал ее выкручивать. В то же время г. подзащитный другой рукой вознамерился вцепиться в горло г. присяжного поверенного. С полминуты противники ломали друг друга, дрожа от напряжения».

Даже этот эпизод заставляет нас вспомнить о той парочке, которую явно пародирует «Золотой теленок», — о Холмсе и Мориарти:

«Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва»*. (А. Конан Дойл «Пустой дом».)

---

* Перевод Деборы Лившиц.

5. Метаморфозы прототипа

Относительно прототипов персонажей Ильфа и Петрова, особенно главного героя, существует несколько версий. В некоторых статьях прототипом Бендера называют, например, Валентина Катаева. Сам же Катаев указывает на другого человека — в романе «Алмазный мой венец»:

«Брат футуриста был Остап, внешность которого соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер. Он не имел никакого отношения к литературе и служил в уголовном розыске по борьбе с бандитизмом, принявшим угрожающие размеры. Он был блестящим оперативным работником»*.

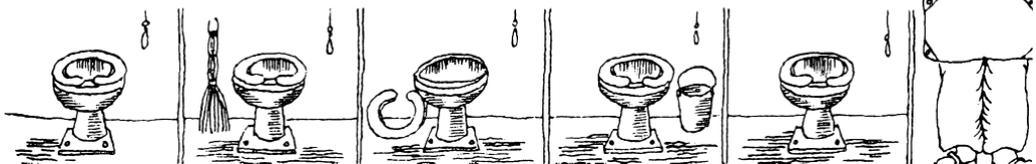
Речь идет о некоем Осипе (не Остапе) Беньяминовиче Шоре. Осип Шор служил агентом (то есть сыщиком) одесского уголовного розыска, в котором определенное время работал и Евгений Петров. Футурист, упоминаемый Катаевым, — Анатолий (Натан) Фиолетов. Он был убит налетчиками, согласно Катаеву — по ошибке: его приняли за брата. На самом деле Анатолий Фиолетов и сам служил в уголовном розыске, причем был он старшим братом Осипа, так что скорее всего никакой ошибки не было. Вот как об этом случае рассказывал много лет спустя сам Осип Шор:

«— О брате как о поэте вряд ли я могу вам что-нибудь сообщить, а вот обстоятельства его смерти я до сих пор помню во всех деталях.

Дело в том, что после уголовного розыска Анатолий вернулся... в уголовный розыск. Он все время ощущал потребность в острых действиях, в смене впечатлений. Это помогло ему писать стихи. В это время И. В. Шерешевский там уже не работал, поэтому он об этом, естественно, ничего не знал.

Днем 14 ноября 1918 года Анатолий и агент угрозыска Войцеховский были на задании в районе Толкучего рынка. Возвращаясь, они зашли позвонить по телефону в мастерскую, которая помещалась на Большой Арнаутской в доме

* Валентин Катаев. Алмазный мой венец. — М.: АСТ-Пресс, 1994.

№ 100. Следом за ними туда вошли двое неизвестных. Один из них подбежал к Анатолию. Анатолий сделал попытку вынуть из кармана пистолет, но незнакомец, который стоял в стороне, опередил его. Пуля догнала и Войцеховского, опытного старого работника, хоть он и попытался выскокить из мастерской.

Как потом удалось выяснить, за Анатолием и Войцеховским неизвестные следили еще на толкучке и, воспользовавшись тем, что они вошли в небольшое помещение, свели счеты с сотрудниками уголовного розыска»*.

Так или иначе, пусть не единственным, но одним из прототипов Остапа Бендера Осип Шор вполне мог быть. А этот выбор и, разумеется, долитературная профессия одного из авторов вполне могли повлиять на жанровые особенности бессмертной дилогии. Жизнь Осипа Шора была пестрой и многообразной, исполненной авантюрами и рискованными приключениями. Сегодня, правда, уже трудно отличить подлинные события от разнообразных фантазий и выдумок, а сам он никаких воспоминаний не оставил. Доподлинно известно, что Осип Шор родился в Николаполе, гимназию окончил в Одессе, пытался получить высшее образование, но помешала Октябрьская революция. Далее — Одесса, в которой он в конце концов и стал сыщиком. Агентом уголовного розыска. И если Осип Шор был одним из прототипов Остапа Бендера, то, возможно, детективную окраску дилогии (в первом романе менее выраженную, во втором — совершенно отчетливую) вызвала именно эта его профессия. Насколько можно понять из скудных сведений об Осипе Шоре (еще раз обращаю внимание читателей на то, что большая часть его походов, ныне переписываемая одними авторами у других, вымышлена и не заслуживает доверия), убийство брата рассекло его жизнь на две части. Он уволился из уголовного розыска. О дальнейшей жизни этого человека ходит не меньше легенд.

А жизнь его литературного отражения тоже разрезана на две части — бритвою сумасшедшего уездного «предводи-

---

* В кн.: Анатолий Фиолетов. О лошадях простого звания. — Одесса: Друк, 2000.

теля команчей». Смерть превращает веселого авантюриста и уголовника в частного детектива. Остап Бендер, зарезанный Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым в финале «Двенадцати стульев», не в переносном, а в прямом смысле воскресает в «Золотом теленке» — только уже в новой ипостаси:

«Балаганов хотел было пошутить... но, подняв глаза на Остапа, сразу осекся. Перед ним сидел атлет с точеным, словно выбитым на монете, лицом. Смуглое горло перерезал хрупкий вишневый шрам. Глаза сверкали грозным весельем...»

И в другом месте:

«Был такой взбалмошный старик, из хорошей семьи, бывший предводитель дворянства, он же регистратор ЗАГСа, Киса Воробьянинов. Мы с ним на паях искали счастья на сумму в сто пятьдесят тысяч рублей. И вот перед самым размежеванием добытой суммы глупый предводитель полоснул меня бритвой по шее. Ах, как это было пошло, Корейко!»

Наверное, первые читатели второго романа знаменитой дилогии были изрядно удивлены воскресением героя. Если бы не пояснения в тексте насчет усилий хирургов, спасших зарезанного искателя бриллиантов мадам Петуховой, впору было бы считать «Золотой теленок» настоящей советской готикой, а гроссмейстера О. Бендера — воплощением потусторонних сил, неумолимо преследующих грешника Корейко. Что, кстати, не лишено некоторых оснований.

Образ сыщика в детективе представляет собою как бы реализацию страхов и надежд прочих персонажей. Надежд тех, кто служит жертвой (или потенциальной жертвой) преступника, и страхов собственно преступников. Очень ярко это показано, например, в рассказах Агаты Кристи под общим названием «Загадочный мистер Кин».

Если «предысторию» охоты на подпольного миллионера, занимающую лишь первые четыре главы романа, рассматривать как своеобразный пролог, то в Черноморске Бендер появляется только после того, как читателю уже явлен гражданин Корейко:

«К утру побелевший от бессонницы Александр Иванович забрел на окраину города. Когда он проходил по Бессарабской улице, ему послышались звуки матчиша. Удивленный, он остановился.

Навстречу ему, оттуда, где кончается улица и начинается поле, спускался с горы большой желтый автомобиль. За рулем, согнувшись, сидел усталый шофер в хромовой тужурке. Рядом с ним дремал широкоплечий малый, свесив набок голову в стетсоновской шляпе с дырочками. На заднем сиденье развалились еще двое пассажиров: пожарный в полной выходной форме и атлетически сложенный мужчина в морской фуражке с белым верхом».

Непреодолимый страх перед «соглядатаем с цинковой мордой», которым охвачен Александр Корейко, в конце концов обретает материальное воплощение — правда, это не «цинковая морда», а атлет «в морской фуражке с белым верхом». И уже через несколько страниц начинается увлекательнейшая история противостояния Великого Преступника и Великого Сыщика. Которая завершается, как того и требует жанр, победой последнего.

Но «Золотой теленок» не детектив. Поэтому после финала «сыщицкой» линии следует еще один финал — собственно романа:

«Он опомнился на льду, с расквашенной мордой, с одним сапогом на ноге, без шубы, без портсигаров, украшенных надписями, без коллекций часов, без блюда, без валюты, без креста и брильянтов, без миллиона.

<...>

Великий комбинатор тупо посмотрел на остатки своего богатства и продолжал двигаться дальше, скользя в ледяных ямках и кривясь от боли.

Долгий и сильный пушечной полноты удар вызвал колебание ледяной поверхности. Напропалую дул теплый ветер. Бендер посмотрел под ноги и увидел на льду большую зеленую трещину. Ледяное плато, на котором он находился, качнулось и стало лезть под воду».

Nota bene

Если попытаться проследить родство Остапа Бендера не с реальными прототипами (что чрезвычайно сложно), а с другими литературными героями, то, вне всякого сомнения, таковых окажется немало. Причем среди них будут

не только сыщики. В этой толпе литературных родственников можно разглядеть и «двоюродного дядю» Шерлока Холмса, и прапрапрадеда с материнской стороны — «турецкоподданного» Ходжу Насреддина (в данном случае я имею в виду реальное турецкое происхождение Насреддина, а не тот инсказательный смысл, который вкладывали в слово «турецкоподданный» Ильф и Петров*).

Впрочем, тут мы опять выходим не только на фольклорного и литературного персонажа, но и на реального человека, жившего давным-давно. Да-да, не удивляйтесь: героя многочисленных анекдотов, распространенных по всему мусульманскому миру, от Мавритании на востоке до Индонезии на западе, вовсе не следует считать исключительно плодом народного творчества.

Впрочем, он не единственный: вспомним Василия Ивановича Чапаева или даже Владимира Ильича Ленина. Кстати, образ первого прошел эволюцию, сходную с эволюцией Ходжи Насреддина: реальный человек стал героем литературного (и кинематографического) произведения, затем попал в анекдоты, а потом, на новом этапе, вновь оказался героем литературным («Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина), но уже несущим черты фольклорного, анекдотического героя.

Образ Насреддина в замечательных книгах Бориса Привалова и Леонида Соловьева точно так же представляет собой развитие фольклорного персонажа, мало похожего на своего реального прототипа, который жил почти семьсот лет назад.

* См. «Комментарий» Д. Фельдмана и М. Одесского (Илья Ильф, Евгений Петров: Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа. — М.: Вагриус, 1997): «Ссылка на турецкое подданство отца [Бендера] не воспринималась современниками в качестве однозначного указания на этническую принадлежность героя. Скорее тут видели намек на то, что отец Бендера жил в южнорусском портовом городе, вероятнее всего — Одессе, где многие коммерсанты, обычно евреи, принимали турецкое подданство, дабы дети их могли обойти ряд дискриминационных законоположений, связанных с конфессиональной принадлежностью, и заодно получить основания для освобождения от воинской повинности». (Прим. ред.)

Подлинный Насреддин был учителем (а возможно, еще и судьей), очень образованным и очень веселым человеком. Он родился в 1208 году (605 году Хиджры) в селении Хорту, близ города Эскишехир, а умер в 1284 году (683 году Хиджры) в городе Акшехир, в возрасте семидесяти шести лет. Его могила находится в Акшехире. На надгробии, правда, фигурирует дата «386 год Хиджры», а это означает 993 год по христианскому календарю. Говорят, будто дату на могиле нужно читать наоборот: не 386, а 683.

Скорее всего эта могила имеет такое же отношение к подлинному Ходже Насреддину, как, например, «камера» в замке Иф к Эдмону Дантесу. Да и вряд ли при жизни почтенному Насреддину пришлось испытать хотя бы сотую долю тех приключений, которые приписывала ему народная молва в течение столетий. Но что-то же, наверное, было! Просто так стать героем анекдотов обыкновенному человеку нелегко. Нужно обладать многими качествами, сумма которых встречается не так часто. Некоторые из этих качеств остроумного и находчивого турецкого судьи — достопочтенного Ходжи Насреддина — перешли к дальнему потомку вместе с «турецким подданством». Если вспомнить, как Бендер лечил от кошмарных снов Хворобьева или как, по его же словам, ему довелось побывать в роли Христа и даже накормить пятью хлебами пять тысяч страждущих, если вспомнить религиозный диспут с ксендзами, родство это вспоминается почти сразу.

А еще, как мне кажется, Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей вполне может претендовать на пусть и дальнее, но все же, родство с Карлом Фридрихом Иеронимом фрайхерром фон Мюнхгаузеном, великим выдумщиком и просто веселым, остроумным и никогда не унывавшим человеком.

Самый правдивый человек на свете,
или Ротмистр русской службы

1. Паж герцога Брауншвейгского

В 1744 году в Риге царил большое оживление. Здесь ожидали санный поезд юной пятнадцатилетней принцессы Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской, дочери Цербстского герцога и невесты цесаревича Петра. Впоследствии этой девушке суждено было войти в мировую и российскую историю под именем императрицы Екатерины II.

Официально, конечно, ожидали не знатных особ, а неких уважаемых иностранок — юная принцесса и ее мать, Иоганна Елизавета, путешествовали инкогнито. Но в действительности, разумеется, известно было всё и всем. Путешественник должен был встречать почетный караул из солдат расквартированной здесь первой роты Брауншвейгского кирасирского полка. Командовал ротой и караулом молодой офицер этого же полка, двадцатичетырехлетний поручик барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Наш герой. Так и хочется сказать вслед Григорию Горину: «Тот самый Мюнхгаузен». Потому что именно *тот самый*, великий выдумщик (не будем использовать слово «враль», ибо барон никогда не врал — он фантазировал, да и то не все-

гда). Уроженец нижнесаксонского города Боденвердера. Затем он же командовал эскортом из двадцати кирасиров с трубачом, который провожал высоких гостей через три дня из Риги в Санкт-Петербург.

До нас дошли записки Екатерины Великой, но — увы! Царственная писательница начинает свои воспоминания с прибытия в Москву, поэтому мы не знаем, произвел ли на нее впечатление статный молодой офицер. На ее мать — да, произвел. Впрочем, не только поручик, командовавший эскортом, но и весь эскорт — статные, красивые солдаты лучшей в кирасирском полку отборной роты (лейб-компания). Что Иоганна Елизавета не замедлила записать в своем дневнике.

О внешности барона Мюнхгаузена мы вполне можем судить по копиям с его единственного портрета, написанного художником Г. Брукнером (правда, несколько позже — в 1752 году). Вот он перед нами — высокий, румяный, в весьма идущем ему кирасирском мундире, черной кирасе, черной треуголке с золотым галуном. Прибавим еще и то, что в кирасиры вообще набирались рослые, физически крепкие молодые люди — все-таки специфика службы в тяжелой кавалерии обязывала.

Но, повторяю, мы не знаем, какое впечатление произвел молодой офицер на будущую императрицу. Как, впрочем, не знаем, какое впечатление произвела юная и не очень богатая немецкая принцесса на своего земляка. Хотя...

«Медвежьи шкуры я отослал русской императрице — на шубы для ее величества и для всего двора. Императрица выразила свою признательность в собственноручном письме, доставленном мне чрезвычайным посланцем. В этом письме она предлагала мне разделить с ней ложе и корону. Принимая, однако, во внимание, что меня никогда не прельщало царское достоинство, я в самых изысканных выражениях отклонил милость ее величества. Послу, доставившему письмо императрицы, было приказано дожидаться и лично вручить ее величеству ответ. Второе письмо, вскоре полученное мною, убедило меня в силе владевшей ею страсти и в благородстве ее духа. Причина последней ее болезни — как она, нежная душа, соблаговолила пояснить в бесе-

де с князем Долгоруким — крылась исключительно в моей жестокости»*.

При всей анекдотичности этого «свидетельства» можно предположить, что скорее София Фредерика произвела достаточно сильное впечатление на поручика фон Мюнхгаузена — настолько сильное, что на склоне лет он нафантазировал себе страсть императрицы к собственной персоне... Да, что и говорить, юная невеста цесаревича потрясла воображение молодого барона. И это при том, что именно в 1744 году барон связал себя узами брака — женился на Якобине фон Дунтен, дочери своего друга рижского судьи Георга Густава фон Дунтена. Венчание состоялось в деревне Пернигеле (Лиепупе) под Ригой, в старой церкви, развалины которой можно видеть и сегодня. Забегая вперед, скажем, что брак Мюнхгаузена оказался счастливым: барон и баронесса прожили в мире и согласии сорок пять лет. Омрачало семейное счастье лишь отсутствие детей...

Как же оказался в России молодой отпрыск старинного нижнесаксонского рода? Да очень просто. В 1735 году юный барон поступил на службу в пажи к владетельному герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому Фердинанду Альбрехту II. Брат герцога Антон Ульрих Брауншвейгский с 1733 года находился в России. Тогдашняя русская императрица Анна Иоанновна пригласила его для создания в русской армии тяжелой кавалерии — кирасирских подразделений. В придачу к тому он стал женихом Анны Леопольдовны. Анна Леопольдовна, крестница русской императрицы, была дочерью Екатерины Иоанновны, старшей дочери царя Ивана V Алексеевича, и герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда. Таким образом, молодой герцог Брауншвейгский оказался женихом внучки старшего брата и соправителя Петра I.

Брак был отсрочен, но герцог Антон Ульрих оставался в России и командовал одним из только что сформированных кирасирских полков.

* Здесь и далее цит. по: Готфрид Август Бюргер. Удивительные путешествия барона Мюнхгаузена. Пер. с нем. — Минск: Беларусь, 1993.

В 1735 году русская армия начала боевые действия против Турции. Как вспоминал впоследствии (мог вспоминать, во всяком случае) барон Мюнхгаузен, «мы отправлялись в поход, как мне кажется, отчасти ради того, чтобы восстановить честь русского оружия, несколько пострадавшую при царе Петре в боях на реке Прут. Это нам полностью удалось после тяжелых, но славных походов под предводительством великого полководца, уже упомянутого нами выше». Антон Ульрих Брауншвейгский со своим полком участвовал в кампании с 1737 года и показал себя храбрым офицером, не раз рисковавшим жизнью в боях с турками.

В одной из атак, которую возглавил лично фельдмаршал Миних, Антон Ульрих и его свита оказались в числе немногих, устремившихся вслед за командующим в самое пекло боя. Лошадь под герцогом была убита; сам он, правда, остался цел, но два юных пажа, сопровождавших молодого полковника, были смертельно ранены и вскоре скончались.

Обратившись с письмом к брату, Антон Ульрих попросил прислать ему новых слуг. Этими новыми пажами, вызвавшимися добровольно поехать служить в далекую Россию, были два молодых родовитых дворянина из числа пажей герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского: фон Хойм и фон Мюнхгаузен. В следующем, 1738 году уже и Мюнхгаузен, в качестве пажа герцога Антона Ульриха, принял участие в боевых действиях. Герцог командовал отрядом из трех полков (плюс, разумеется, свита). 28 августа на реке Билочь его отряд успешно отразил атаку турецкой конницы. Бой был жарким, как писал Миних императрице, русская артиллерия разметала турок как солому. Тем не менее в целом поход оказался выматывающим и неуспешным. Миниху не удалось навязать неприятельскому войску генеральное сражение, которое, как он полагал, переломило бы ситуацию в пользу русской армии. В конце концов армия отступила, и Антон Ульрих Брауншвейгский вместе со свитой вернулся в Санкт-Петербург.

Можно предположить, что в походе один из его новых пажей зарекомендовал себя с лучшей стороны, потому что по окончании войны было удовлетворено его прошение о переходе из пажей на военную службу. Правда, ходатайствовала за него герцогиня Бирон, с семейством кото-

рой у герцога Брауншвейгского сложились не самые добрые отношения. Тем не менее Мюнхгаузена принимают в кирасирский полк, тот самый, шефом которого был его господин. И этот факт отражен в дошедших до нашего времени и недавно опубликованных документах:

«...Сего декабря 5-го дня государственная Военная коллегия приказали: Пожалованного из пажей *Гиранимуса Карла Фридриха фон Минихаузина* в кирасирской Брауншвейгской полк в корнеты определить в том полку на порозжую вакансию и жалованье давать, а при первой даче за повышение вычсть на госпиталь»*.

2. Русский кирасир

Полк, в котором наш герой начал свою военную карьеру, имел славную историю. В армиях всех государств давно существовали подразделения тяжелой кавалерии, и вот в первой трети XVIII века они появились и в России. Полк Мюнхгаузена был сформирован 12 ноября 1732 года как 3-й кирасирский полк. В начале лета 1733 года, по прибытии в Россию, Антон Ульрих Брауншвейгский стал его шефом. И полк получил название Бевернский кирасирский — по названию принадлежавшего герцогу замка Беверн. С апреля 1738 года, по той же причине, полк стал называться Брауншвейгским кирасирским. Так что наш герой поступил корнетом на службу именно в Брауншвейгский полк. По указанию Анны Иоанновны в офицеры полка принимали в основном немцев. Ну а сам род войск, как я уже отмечал, предполагал недюжинную физическую силу — что у солдат, что у офицеров. И тогда, и спустя много лет в кирасирский полк, ставший со временем гвардейским, предписано было принимать «рослых, рыжих, длинноносых».

* Барон Мюнхгаузен — российский кирасир: Документы 1739—1741 гг./Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. П. Капитонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 10—55. [Т.] VI.

Между тем через год, в 1739-м, шеф нашего барона наконец-то женится на племяннице русской императрицы принцессе Анне Леопольдовне. В 1740 году у них рождается сын, названный Иваном и объявленный наследником российского престола. Когда наследнику исполнилось два месяца, умерла Анна Иоанновна. Согласно ее воле, двухмесячный младенец стал императором Иваном VI (если считать от Ивана I Калиты; в официальных прижизненных источниках он упоминается как Иоанн III, то есть третий после Иоанна Грозного). Но вот регентом при нем, безраздельным властителем Российской империи, Анна Иоанновна поставила не Анну Леопольдовну и Антона Ульриха Брауншвейгских, а своего фаворита герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона.

Отношения между родителями императора и регентом не сложились, Бирон всячески затирал их, самовластно управляя страной. Недовольные биронщиной фельдмаршал Миних, граф Остерман и семейство императора составили заговор. И уже в следующем, 1741 году в России происходит дворцовый переворот, всесильный Бирон отстраняется от власти. Правительницей огромной страны при малолетнем сыне Иване Антоновиче становится Анна Леопольдовна, ее муж — герцог Брауншвейгский — получает чин генерал-лиссимуса. Радужные перспективы, большие надежды.

Спустя две недели после этого события Мюнхгаузен скромно напоминает о себе поздравлением своему недавнему шефу. Тут как по волшебству о нем вспоминает военное начальство, и вот уже он, обойдя дюжину других кандидатов, производится в чин поручика и назначается командиром первой роты. Той самой, расквартированной в Риге.

Не будем связывать быстрое продвижение по службе исключительно с высокой протекцией, это все-таки несправедливо. Судя по документам, дошедшим до нашего времени, Мюнхгаузен был образцовым офицером, исполнительным, дисциплинированным. Сохранившиеся документы могут показаться скучными: бесконечные отчеты о состоянии амуниции, прошения о поставке в роту лошадей, аттестации увольняющихся в запас унтер-офицеров и тому подобное. Но, повторяю, за всей этой канцелярщиной встает добросовестный командир, радеющий за свое подразделение

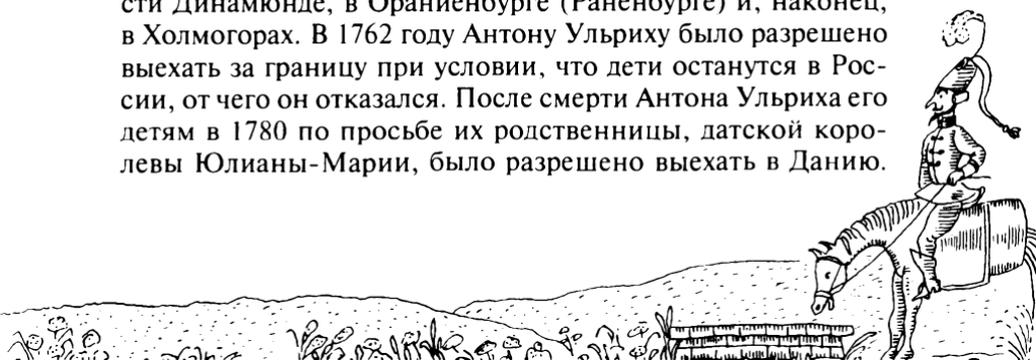
и солдат. Русской грамоты барон не знал, так что документы только подписывал — и подписывал по-немецки «Lieutenant v. Munchhausen». А вот говорил он по-русски свободно.

В офицерской своей ипостаси Мюнхгаузен не участвовал в боевых действиях. Несмотря на то что полк принял участие в русско-шведской войне, лейб-компания оставалась нести службу в Рижском гарнизоне. Военный опыт барона так и ограничился участием в турецком походе в свите герцога Брауншвейгского.

Продвижение по службе зависело в большей степени от личных качеств нашего барона, нежели от протекции. Во всяком случае, зависело не только от протекции. А вот задержка в карьерном росте как раз оказалась связанной с судьбой новоиспеченного генералиссимуса и, по совместительству, отца Ивана Антоновича — самого несчастного из русских императоров. Меньше года Антон Ульрих Брауншвейгский успел покрасоваться в новом мундире. В декабре 1741 года произошел новый дворцовый переворот, приведший к власти дочь Петра Великого — Елизавету Петровну. А брауншвейгское семейство было свергнуто. Младенец-император заточен в Шлиссельбургскую крепость.

Двадцать три года спустя, уже во время правления Екатерины II, гвардейский подпоручик Мирович попытался освободить несчастного узника и провозгласить его императором. Он, по всей видимости, не знал, что у коменданта крепости был приказ: в случае попытки освобождения Ивана Антоновича — заколоть свергнутого императора. Что он и сделал. Мирович же был обезглавлен. История эта темная, по сей день она вызывает множество вопросов, на которые ответов нет и, по всей видимости, никогда не будет.

Что до родителей несостоявшегося императора и прочих родственников, то их, лишив всех чинов и званий, поначалу содержали под арестом два года в Риге, затем в крепости Динамюнде, в Ораниенбурге (Раненбурге) и, наконец, в Холмогорах. В 1762 году Антону Ульриху было разрешено выехать за границу при условии, что дети останутся в России, от чего он отказался. После смерти Антона Ульриха его детям в 1780 по просьбе их родственницы, датской королевы Юлианы-Марии, было разрешено выехать в Данию.

Заметим в заключение рассказа о несчастливом герцоге, что, по отзывам современников, был он человеком простодушным, храбрым в военных делах, но робким в делах придворных. Иными словами, воевать умел, а интриговать — нет.

Поручик Мюнхгаузен, как уже было сказано, командовал расквартированной в Риге первой ротой Брауншвейгского полка, в то время как остальные подразделения полка (еще девять рот) размещались в маленьком городке Венден (ныне — Цесис), бывшем некогда резиденцией магистров Ливонского ордена. Так что скорее всего именно барону пришлось сопровождать в заключение собственного благодетеля. Вполне возможно...

Полк, конечно же, получил новое имя — в честь привезенного в Россию нового наследника русского престола Петра Федоровича, будущего Петра III. Судьба нового шефа впоследствии оказалась не менее трагической, чем судьба его предшественника.

Что до продвижения по службе нашего героя, то оно оказалось резко заторможенным. И в следующий чин — ротмистра — барон Мюнхгаузен был произведен очень не скоро: в 1750 году. Это был последний чин в русской армии, который получил наш герой.

«...Я вскоре ушел в отставку и покинул Россию во время великой революции, лет сорок тому назад, когда император, еще покоившийся в колыбели, вместе со своей матерью и отцом, герцогом Брауншвейгским, фельдмаршалом фон Минихом и многими другими был сослан в Сибирь».

Тут, конечно, нарушена хронология. Революция, о которой говорится в этом отрывке (тот самый переворот Елизаветы), случилась в 1741 году, то есть после нее наш герой служил еще около десяти лет — уже при новой императрице. Но действительно, пробив ротмистром неполные два года, Мюнхгаузен взял годовой отпуск для устройства семейных дел и вместе с женой (детей у них не было) уехал на родину. Дважды он продлевал отпуск и даже обращался в Военную коллегию с просьбой об отставке и присвоении в связи с этим очередного звания — подполковника. Барону ответили, что для такого дела необходимо прибыть в Россию и подать прошение лично. Мюнхгаузен в Россию не поехал. Поче-

му-то не прельщали его больше ни Рига, ни Санкт-Петербург. В 1754 году его окончательно уволили из полка как самовольно оставившего службу. Двоюродный брат барона, канцлер курфюршества Ганновер, обращался с ходатайством о пенсии для своего родственника, но успеха не добился.

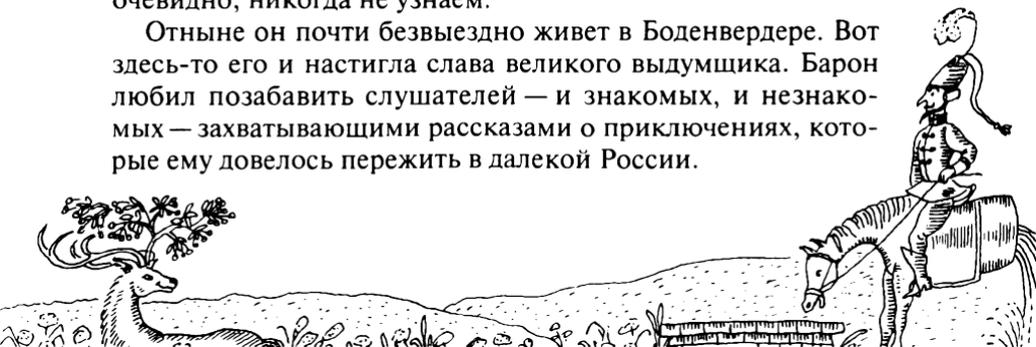
Тем не менее Мюнхгаузен очень гордился чином, полученным в русской армии. Во время Семилетней войны, когда его родные края заняли союзники русских — французы, барон Мюнхгаузен, как ротмистр русской службы, был освобожден от различных неприятностей (вроде постоя солдат).

Мюнхгаузен завещал, чтобы его похоронили в офицерском мундире кирасирского полка. Эта просьба барона была исполнена.

3. На родине

Итак, в 1752 году ротмистр Его императорского высочества Великого Князя Петра Федоровича кирасирского полка (такое название в тот момент носил его полк) барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен навсегда оставил Россию и с женою вернулся на родину, где он не был четверть столетия. Причин было несколько. Одна из них — приведение в порядок наследственных дел, которые оказались несколько запущенными и запутанными после смерти матери и старшего брата барона, а также после гибели на поле брани младшего брата — во время боевых действий на территории Бельгии. Но, конечно, не последнюю роль играла и бесперспективность военной службы в России. Ни покровителей, ни богатства у барона там не было, ни на какой чин выше ротмистра он рассчитывать не мог. Возможны и какие-то другие причины, по которым барон упорно отказывался возвращаться в Россию даже на время. Но этого мы, очевидно, никогда не узнаем.

Отныне он почти безвыездно живет в Боденвердере. Вот здесь-то его и настигла слава великого выдумщика. Барон любил позабавить слушателей — и знакомых, и незнакомых — захватывающими рассказами о приключениях, которые ему довелось пережить в далекой России.

Почти сразу же началась и литературная жизнь этих рассказов. В 1761 году три истории были опубликованы анонимно в книге «Чудак» («Der Sonderling»), затем еще несколько — в альманахе «Путеводитель для веселых путешественников» (в 1781 и 1782 годах). Наконец, в 1785 году, опять-таки анонимно, книга о похождениях барона Мюнхгаузена вышла в Англии под названием «Baron Munchhausen's Narrative of his Marvellous Travels and Campaigns in Russia» («Рассказ барона Мюнхгаузена о его удивительных путешествиях и кампаниях в России»). Написал ее писатель и историк Рудольф Эрих Распе.

Книга Распе, а вернее, ее немецкая обработка, принадлежащая перу известного поэта-романтика Готфрида Августа Бюргера (автора знаменитой «Леноры», переведенной на русский язык В. А. Жуковским), вызвала бурную реакцию барона. Он даже собирался подать на Бюргера в суд, но затем отказался, ибо ему объяснили: Бюргер ничего не сочинил, он всего лишь перевел анонимное английское издание на немецкий язык. Анонимным изданием, как читатель уже понял, была книга Распе.

Занятная деталь: книга вышла в Туманном Альбионе по той причине, что профессор Распе вынужден был срочно бежать в Англию. На родине его обвинили в краже нумизматической коллекции, принадлежавшей ландграфу Вестфалии. Собственно, сам же Распе эту коллекцию и собирал, путешествуя по Вестфалии. Не знаю, оправдывает ли это его хоть в какой-то степени — равно как и бедность, на которую он ссылался как на причину совершенного им преступления.

После выхода книг Распе и Бюргера в Боденвердер устремились любопытствующие, чтобы своими ушами услышать рассказы о разрезанной воротами лошади, полетах на ядре и прочие правдивые истории барона Мюнхгаузена. Так что барону, плюнув на суд, пришлось выдерживать осаду праздных зсвак, норовивших проникнуть в его дом.

Помимо того, что его имя вдруг превратилось в синоним безудержного обманщика, на барона обрушились и личные невзгоды. В 1790 году умерла Якобина, с которой он прожил сорок пять лет. Семейное счастье четы Мюнхгаузенов омрачалось лишь отсутствием детей. Как говорится, седи-

на в бороду — бес в ребро. После четырех лет вдовства семидесятичетырехлетний барон женится вторично — на двадцатилетней (по некоторым источникам — семнадцатилетней) Бернардине фон Брун.

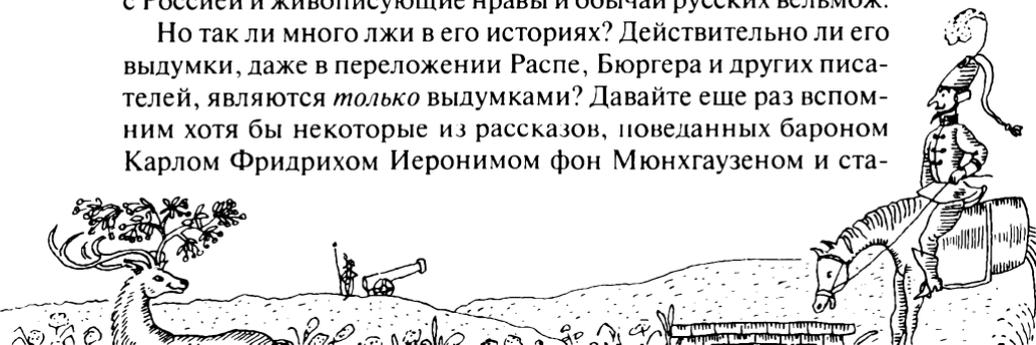
Юная баронесса, судя по всему, оказалась особой темпераментной и любвеобильной. Во всяком случае, родившуюся у нее дочь барон своей не признал, затеял дорогостоящий и скандальный бракоразводный процесс, в результате которого его молодая жена бежала за границу, а сам он вконец разорился. Здоровье тоже было подорвано.

22 февраля 1797 года барон Мюнхгаузен скончался от апоплексического удара. Говоря современным языком — от обширного инсульта. Согласно одной из легенд, он и перед смертью успел выдать очередную байку: на вопрос доктора (или служанки), почему у него нет двух пальцев на ноге (они были отморожены в России), умирающий прошептал: «Их отгрыз медведь на охоте...»

С тех пор как мир познакомился с рассказами барона Мюнхгаузена и до нашего времени его имя обозначает человека с буйной фантазией, записного враня, потчующего простодушных слушателей небылицами. Правда, враня безобидного, вполне бескорыстного, даже обаятельного. И на том, как говорится, спасибо. Есть даже такой термин — «синдром Мюнхгаузена»: это расстройство, при котором человек симулирует, выдумывает, изобретает симптомы болезни или даже искусственно наделяет себя этими симптомами, чтобы на него обратили внимание врачи и назначили лечение.

В России, бывшей местом действия большей части приключений барона, с его байками познакомились в 1791 году, когда вышел их пересказ, принадлежавший Н. Осипову, под названием «Не любо — не слушай, а лгать не мешай». По вполне понятным причинам из русского издания как раз и были изъяты почти все истории Мюнхгаузена, связанные с Россией и живописующие нравы и обычаи русских вельмож.

Но так ли много лжи в его историях? Действительно ли его выдумки, даже в переложении Распе, Бюргера и других писателей, являются *только* выдумками? Давайте еще раз вспомним хотя бы некоторые из рассказов, поведенных бароном Карлом Фридрихом Иеронимом фон Мюнхгаузенем и ста-

рательно донесенных до потомков уже названными писателями. И воспользуемся в основном книгой Бюргера, которая кажется мне более интересной и (да простят меня поклонники Распе) более талантливой.

4. Самый правдивый человек на земле

«Я выехал из дома, направляясь в Россию, в середине зимы, с полным основанием заключив, что мороз и снег приведут наконец в порядок дороги в северной Германии, Польше, Курляндии и Лифляндии, которые, по словам всех путешественников, еще хуже, чем дороги, ведущие к храму Добродетели, не потребовав на это особых затрат со стороны достопочтенных и заботливых властей в этих краях. Я пустился в путь верхом, ибо это самый удобный способ передвижения, если только с конем и наездником все обстоит благополучно».

Так начинается книга Готфрида Августа Бюргера о похождениях барона Мюнхгаузена. И так начинается его первая небывлица. Как, наверное, помнят читатели, остановившись в заснеженном поле, барон привязал коня к торчащему из снега колышку, а сам лег рядом и уснул. Утром конь оказался привязанным к кресту колокольни. Оказалось, за ночь снег засыпал деревню по самую верхушку колокольни, а утром растаял. Можно представить, как хохотали над этой историей слушатели барона в Боденвердере, а потом читатели его приключений во всем мире. Но...

По колокольню, конечно, деревни снегом не заносило, но по стрехи крыш — случалось. Да так, что утром приходилось лопатами откапывать проход от двери. Ну да, барон всего лишь экстраполировал реальную ситуацию. Превратил двухметровый снежный покров в десятиметровый. Но и только.

Или вот некоторые другие истории.

«Заметив, куда опустились куропатки, я поспешно зарядил ружье, использовав для этого вместо дроби шомпол, верхний конец которого я, насколько возможно в такой спешке, немного заострил. Затем я подкрался к куропаткам и, лишь только они вспорхнули, выстрелил и имел удоволь-

ствие наблюдать, как мой шомпол с нанизанными на нем семью куропатками в нескольких шагах от меня медленно опускался на землю».

Вот уж поистине настоящая завиральная охотничья байка! Но не для тех, кто по долгу службы постоянно имел дело с огнестрельным оружием. Вот что сообщал английский посланник из Санкт-Петербурга в августе 1739 года: «Несколько дней тому назад во время смотра выстрелило ружье одного солдата; вылетевший из дула шомпол раздробил ногу лошади принца Антона Ульриха. Лошадь и всадник упали наземь, к счастью, принц не пострадал»*. Не мог не знать об этом случае барон Мюнхгаузен — ведь шомпол покалечил лошадь его шефа! Ну а дальше и в самом деле включилось пылкое воображение молодого офицера.

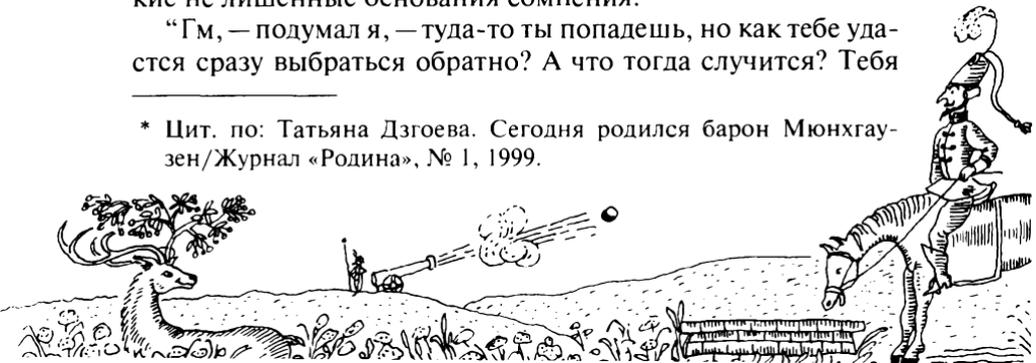
«Мы осаждали не помню уже сейчас какой город, и фельд-маршалу было необычайно важно получить точные сведения о положении в крепости. Было чрезвычайно трудно, почти невозможно пробраться сквозь все форпосты, караулы и укрепления. Да и не нашлось бы толкового человека, способного удачно совершить такое дело».

Скорее всего речь тут идет о крепости Бендеры, которую Миних считал целью похода и которую подчиненные ему войска так и не взяли. Действительно, командующий весьма нуждался в точных сведениях об укреплениях крепости, об артиллерийских батареях, подступах и так далее. Но, как сказано в книге, не нашлось толкового человека для этого дела. И как бы этот человек проник во вражескую крепость? Абсурд! «Разве что верхом на ядре!» — насмешливо подумал юный паж герцога Брауншвейгского. И...

«Одним махом вскочил я на ядро, рассчитывая, что оно занесет меня в крепость. Но когда я верхом на ядре пролетел примерно половину пути, мною вдруг овладели кое-какие не лишние основания сомнения.

“Гм, — подумал я, — туда-то ты попадешь, но как тебе удастся сразу выбраться обратно? А что тогда случится? Тебя

* Цит. по: Татьяна Дзгоева. Сегодня родился барон Мюнхгаузен/Журнал «Родина», № 1, 1999.

сразу же примут за шпиона и повесят на первой попавшейся виселице”.

Такая честь была мне вовсе не по вкусу.

После подобных рассуждений я быстро принял решение, и, воспользовавшись тем, что в нескольких шагах от меня пролетало выпущенное из крепости ядро, я перескочил с моего ядра на встречное и таким образом, хоть и не выполнив поручения, но зато целым и невредимым вернулся к своим».

Даже не знаю, чего в этом рассказе больше — насмешки над штафирками, развесив уши слушающими бывалого человека, или едкая ирония по поводу заведомо невыполнимых заданий, которые имеют обыкновение давать высокопоставленные командиры. И того, и другого поровну. Но вот — никак не буйная фантазия.

Словом, среди «фантастических» рассказов барона Мюнхгаузена по крайней мере часть в действительности не содержит никакой выдумки. Или содержит очень малую долю фантастики. Иные же рассказы вообще следует рассматривать как всего лишь шутки, не претендующие на правдивость изначально. Такими можно считать эпизоды с ответом на вопрос о разведке турецких позиций или с лошадью, разрезанной пополам крепостными воротами (случай, относящийся все к тому же турецкому походу русской армии фельдмаршала фон Миниха).

И ведь здесь есть еще один нюанс, на который мало кто обращает внимание. Печально, но факт остается фактом: все герои той давней кампании, включая и командующего Миниха, и храброго, но несчастного герцога Брауншвейгского, и прочих офицеров, канули в неизвестность. Их имена были вычеркнуты из русской истории новыми властителями империи. И эта пелена забвения позволяет теперь рассказывать все что угодно. О полетах на ядре, о разрезанных воротами лошадях. О том, как в турецком плену приходилось пасти турецких пчел, и о том, как довелось добратся даже до Луны...

Есть среди рассказней барона Мюнхгаузена и безусловные плоды фантазии. Но — не его фантазии. Примером тому — следующая история, которую я просто не могу не привести целиком. Вот она.

«Не могу сейчас точно сказать, было ли это в Эстляндии или в Ингерманландии, помню только, что случилось это в дремучей лесной чаще, когда я вдруг увидел, что за мной со всех ног несется чудовищной величины волк, подгоняемый нестерпимым зимним голодом. Он вскоре настиг меня, и спастись от него не было никакой надежды. Машинально кинулся я ничком в сани, предоставив лошади, во имя общего нашего блага, полную свободу действий. И тут почти сразу произошло именно то, что я предполагал, но на что не смел надеяться. Волк, не удостоив такую мелкоту, как я, своим вниманием, перескочил через меня, с яростью накинулся на лошадь, растерзал и сразу же проглотил всю заднюю часть бедного животного, которое от страха и боли понеслось еще быстрее. Отделавшись, таким образом, благополучно, я тихонько приподнял голову и, к ужасу своему, увидел, что волк чуть ли не целиком вгрызся в лошадь. Но лишь только он успел забраться внутрь, как я, со свойственной мне быстротой, схватил кнут и принялся изо всей мочи хлестать по волчьей шкуре. Столь неожиданное нападение, да еще в то время, как он находился в таком футляре, не на шутку напугало волка. Он изо всех сил устремился вперед, труп лошади рухнул наземь, и — подумать только — вместо нее в упряжке оказался волк! Я не переставал стегать его кнутом, и мы бешеным галопом, вопреки нашим общим ожиданиям и к немалому удивлению зрителей, в полном здравии и благополучии въехали в Санкт-Петербург».

Впервые прочитав об этом эффектном приключении неустрашимого барона Мюнхгаузена, я не мог отделаться от мысли, что где-то что-то подобное читал. И даже видел.

Наконец вспомнил.

«Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: “Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?” Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал

его серый волк и сказал ему: “Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?” Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуше коня...»*

Вот где я читал похожую историю — в собрании русских народных сказок. А видел огромного волка в качестве лошади, понятное дело, на знаменитой картине В. Васнецова. Вот он, еще один источник рассказов чудесного нашего барона — русские народные сказки, с которыми он вполне мог познакомиться в России. Именно к ним восходят почти все приключения барона Мюнхгаузена, связанные с охотой и животными: с медведем, которого он держал за лапы, пока тот не помер от голода; с шубой, которую покусала бешеная собака, и оттого шуба регулярно весною бесилась сама, — и другие, подобные этим.

Что же до самых фантастических, самых невероятных историй — о путешествии на Луну, о морских приключениях и так далее, — то к их появлению барон Мюнхгаузен скорее всего непричастен. Их, конечно же, присочинил Распе, а вслед за ним Бюргер. Собственно говоря, в них-то как раз индивидуальность нашего героя пропадает, он превращается в обычного фольклорного героя.

Вот вкратце история этого удивительного человека, одного из самых обаятельных героев мировой литературы. Не будет преувеличением сказать, что обаяние свое литературный Мюнхгаузен (от первых сочинений Распе и Бюргера и вплоть до замечательной пьесы Григория Горина «Самый правдивый») в значительной степени позаимствовал у реального человека — барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена.

Немецкий писатель Карл Хэнзель, автор вышедшей в 1961 году биографии «подлинного» Мюнхгаузена «Это был Мюнхгаузен» («Das war Munchhausen»), оказался свидетелем

---

* Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке/Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 1.

того, как было вскрыто захоронение знаменитого рассказчика. Вот как он описывает это в своей книге:

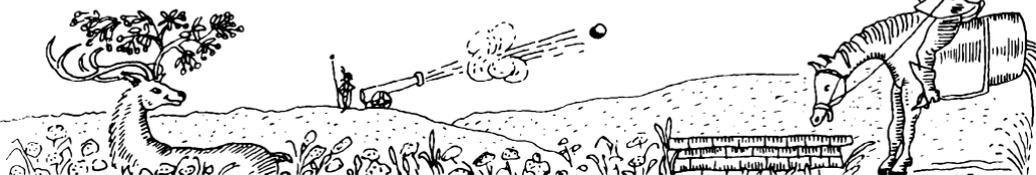
«Когда гроб открыли, у мужчин выпали инструменты из рук. В гробу лежал не скелет, а спящий человек с волосами, кожей и узнаваемым лицом: Иероним фон Мюнхгаузен. Широкое круглое доброе лицо с выступающим носом и немного улыбающимся ртом...»*

Nota bene

При всей кажущейся простоте личности Мюнхгаузена, отличающегося от своих слушателей разве что большим воображением и мастерством рассказчика, есть в его биографии (даже столь невероятной, как та, что была описана Распе и Бюргером) нечто загадочное. Некие недосказанности, на которые внимание обращаешь далеко не сразу. Сразу-то с чего задумываться? Полет фантазии просто ошеломляет. Но потом начинают бросаться в глаза кое-какие неопределенности, умолчания. И они не имеют отношения к вытаскиванию себя за волосы из болота или к аэродинамическим свойствам ядра как средства передвижения.

Вот, например: какова все-таки была истинная причина отъезда ротмистра Мюнхгаузена из России в Германию? Только ли дела, связанные с наследством? Но ведь мать его умерла в 1747 году! Получив известие об этом, а затем — известие о гибели в Бельгии брата, барон отнюдь не торопится оставлять службу. Через несколько лет после этих событий он подает прошение о получении очередного чина, становится из поручика ротмистром, еще через два года просит об отпуске «для устройства семейных дел» и наконец-то уезжает. Вместе с женой. При этом продолжает числиться на службе. Дважды он подает прошение о продлении отпуска. Спустя несколько лет пытается уйти в отставку с повышением в чине до подполковника. Для того чтобы прошение оказалось удовлетворенным, барону достаточно было приехать в Санкт-Петербург и обратиться в Воен-

* Цит. по: Л. Левин. Барон Мюнхгаузен — реальность и миф/«Наука и жизнь», № 3, 2004.

ную коллегия лично. Он уклоняется от этого. И его в конце концов увольняют как не явившегося на службу из отпуска. Понятно, что увольнение с такой формулировкой лишило его, офицера одного из лучших подразделений русской армии, многих льгот, отнюдь не лишних. Что же заставило Мюнхгаузена отказаться от них? Нежелание возвращаться на службу иные исследователи пытаются объяснить тем, что барон не видел дальнейших перспектив своей военной карьеры. Как будто в Боденвердере у него такие перспективы имелись! Создается впечатление, что Мюнхгаузен чего-то боялся и ожидал каких-то вестей. Но не дождался. В некоторых случаях небывлицы барона Мюнхгаузена опирались, по сути, на очень достоверную информацию. Вот только информация эта свидетельствовала, в свою очередь, о событиях, случившихся в России уже после отъезда Мюнхгаузена в Германию. Косвенно это может служить подтверждением того, что наш герой состоял в конфиденциальной переписке с кем-то из придворных кругов. Или же о том, что он, втайне от окружающих, все-таки побывал в России — уже после отставки...*

Конечно, можно отнестись скептически к попытке разглядеть в небывальщинах черты подлинной биографии и следы подлинных событий. Но такое бывает, и не только с бароном. Множество самых фантастических историй любили рассказывать о другом человеке, не менее (а возможно, и более) известном, чем барон. Тоже немце. Тоже человеку остроумном и неунывающим.

И в его биографии хватало тайн и загадок — причем совсем не тех, о которых захлеб рассказывали и писали при его жизни — и много лет спустя после его смерти.

---

* О возможной второй поездке Мюнхгаузена в Россию говорится, в частности, в книге Г. Л. Шнорра «Дополнения к удивительным путешествиям на суше и на море и веселым приключениям барона фон Мюнхгаузена, о которых он имеет обыкновение рассказывать за бутылкой вина в кругу своих друзей». Пер. с нем. А. Макарова. В книге: «Тот самый Мюнхгаузен»/Серия «Библиотека мировой литературы». — Спб.: Terra Fantastica, Corvus, 2001.

Гороскоп Иоганна Фауста, или Хозяин черного пуделя

1. Маг умер — да здравствует маг!

Поздним осенним вечером 1539 года в дверь небольшого постоялого двора в землях Вюртембергского княжества громко постучали. Хозяин отпер дверь, и порог переступил немолодой мужчина в скромном платье странствующего клирика. Его сопровождали еще трое, подобного же обличья, но моложе возрастом, больше походившие на студентов. Первый гость потребовал комнат и ужина с вином для всех.

Компания гуляла долго, съела и выпила немало. Студенты смеялись громко, пели еще громче, шутили то по-латыни, то по-немецки. Но хозяин обратил внимание, что их предводитель (а возможно, и учитель) с каждой бутылкой вина становился все мрачнее и не реагировал на шутки и разговоры собутыльников.

Ближе к полуночи он встал и, обращаясь к товарищам, громко сказал:

— Мне пора. Время мое пришло. Не знаю, увидимся ли мы завтра. Но что бы вы ни услышали нынче ночью — заклинаю вас не входить в мою комнату.

Его слова повергли в изрядное смущение и веселившихся студентов, и хозяина постоялого двора, также слышавшего их. Суровый гость потребовал, чтобы и хозяин не входил ночью в его комнату. Клирик оплатил ночлег, оставил деньги за выпитое и съеденное, не поспешил и на дальнейшее веселье, предложив молодым своим спутникам пить и веселиться, несмотря ни на что. Затем странный гость, чей пронзительный взгляд нагнал на хозяина страху, медленно поднялся по лестнице на второй этаж, где находились комнаты для путешественников.

Когда поздние гуляки наконец успокоились и отправились спать, хозяин погасил свет и тоже собрался на покой. Вдруг в комнате клирика раздался страшный грохот, столь сильный, что дом, казалось, содрогнулся. Перепугавшийся хозяин поспешил к себе и запер свою опочивальню на засов. Сквозь толстую дверь ему слышались шум борьбы, невнятные крики и даже, как он смог разобрать, просьбы о помощи. Тем не менее, памятуя строгий наказ постояльца, хозяин остерегся входить в его покои. Да и страх сковал его члены. Что касается собутыльников, то они либо уже крепко спали и ничего не слышали, либо испытывали такой же страх. Во всяком случае, никто не посмел покинуть свою комнату.

Только утром, когда поднялось солнце и ночные страхи уже не казались столь пугающими, хозяин в сопровождении трех гостей, похожих на бродячих школяров, с предосторожностями вошел в комнату старшего гостя. Глазам их предстала жуткая картина: постель была забрызгана кровью, а сам постоялец неподвижно лежал посреди комнаты на полу. Лицо его было обезображено до неузнаваемости, голова неестественно повернута, глаза остекленели.

— Боже, ему свернули шею... — в ужасе прошептал хозяин постоялого двора.

Но ужас его возрос многократно, когда из уст сопровождавших клирика гостей, поначалу онемевших, он узнал, что несчастного звали доктор Иоганн Фауст и был он великим чернокнижником и чародеем, наверняка продавшим душу дьяволу. По всей вероятности, нынешней ночью сам же дьявол и свернул шею своему слуге — чтобы забрать

его душу. Не зря же гость предупреждал, чтобы ночью никто не входил в его комнату, — видимо, ждал своего «куманька».

В точности так они (спутники доктора Фауста и хозяин постоянного двора) и сказали профосу, когда тот прибыл на постоянный двор, чтобы осмотреть тело погибшего и место происшествия. Могила Фауста осталась неизвестной. Скорее всего от тела постарались избавиться без промедления и похоронили не в освященной земле кладбища, а где-нибудь у дороги.

Тем дело и кончилось.

Вернее, с этого-то оно и началось.

2. Бродячий сюжет и бродячий школяр

В начале XVI столетия странствовал по Европе некий бродяга. То ли шарлатан, то ли ученый, а возможно, и то, и другое. Звали его Иоганн Фауст. Сам он непременно прибавлял к имени звание «доктор». Доктор Фауст всюду появлялся в сопровождении большого черного пуделя по кличке Мефистофель. Пудель этот был вовсе не псом, а дьяволом, с которым Фауст заключил договор. Дьявол в конце концов его и погубил — свернул шею и унес душу в ад. Случилось это в 1539 или 1540 году.

Спустя короткое время доктор Фауст (вместе со своим жутким спутником) воскрес — в книгах, трагедиях, комедиях, операх, картинах, — словом, обрел то самое бессмертие, которого не удостоились многие люди, не запятнавшие себя общением с нечистой силой.

Первое его воскресение произошло в книге анонимного автора «История од[окторе] Иоганне Фаусте, широко известном чародее и чернокнижнике» («*Historia von D[oktor] Johann Fausten, dem weitbeschreyten Zauberer und Schwartzkünstler*»), опубликованной печатником Иоганном Шписом во Франкфурте-на-Майне в 1587 году. С этого момента и вплоть до сегодняшнего дня к образу знаменитого чернокнижника обращаются писатели, поэты, кинематографисты и композиторы. По всей видимости, конца-края этому многократному возрождению не будет. Наряду с тремя великими монстрами — чудовищем Франкенштейна, кровососом Дракулой

и глиняным великаном Големом — доктор Фауст продолжит свое шествие по романам и фильмам, вернисажам и театрам.

Истории о договоре человека с дьяволом начинаются не с Фауста и заканчиваются не им. Самой популярной «дофаустовской» историей на эту тему была легенда о Теофиле. Русскому читателю она известна по стихотворному произведению французского трувера XIII века Рютбёфа «Миракль о Теофиле», перевод которого на русский язык был выполнен Александром Блоком для петербургского «Старинного театра». «Миракль», то есть «Чудо», — так назывался жанр средневековых мистерий, сюжетами которых были чудеса или жития святых.

Так же как Фауст, Теофил — реальное историческое лицо: он жил в VI веке, был экономом церкви в городе Адане в Киликии. У Рютбёфа он — монастырский казначей, которого интригами разорили и даже лишили сана. Чтобы вернуть себе утраченное, Теофил заключает договор с дьяволом. В обмен на деньги и власть Теофил в течение семи лет живет так, как того требует дьявол, — несправедно, притесняя бедняков, отвергнув бывших друзей. Однако затем он раскаивается, после чего Мадонна вмешивается в ход событий и отнимает у дьявола расписку, врученную нечистому Теофилом. В какой-то мере этот сюжет можно считать предтечей легенды о докторе Фаусте. Правда, после множества преломлений.

«История о докторе Иоганне Фаусте...», напечатанная Шписом, вышла почти через полвека после смерти главного героя. За это время реальная история доктора Фауста обросла великим множеством фантастических историй и анекдотов, большей частью имевших хождение задолго до его рождения. Их рассказывали о других знаменитых людях, которым народная молва приписывала общение с нечистой силой, — о римском папе Сильвестре, об учителе Фомы Аквинского Альберте фон Больштедте, прозванном Великим, об Агриппе Неттесгеймском. Но с момента появления «Истории...», выпущенной в свет Иоганном Шписом, и вплоть до наших дней бродячий сюжет оказался прочно связан с одним-единственным человеком — Иоганном Фаустом. Очень уж популярной оказалась книжка. В течение все того же 1587 года ее переводят на английский язык (а в 1588-м, самое позд-

нее в 1589-м Кристофер Марло уже пишет пьесу «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста» — именно так правильно было бы перевести ее название, обычно же пишут просто: «Трагическая история доктора Фауста», — которая будет издана в 1604 году), к 1611 году она появляется в переводах на французский, голландский и чешский.

Однако настоящую жизнь истории доктора Фауста дал, конечно же, Гете.

В 1832 году в первом томе «Посмертного собрания сочинений Иоганна Вольфганга фон Гете» была впервые полностью опубликована поэма «Фауст» — вершина творчества великого немецкого поэта. Гете работал над нею с 70-х годов XVIII столетия. В 1790 году был опубликован большой фрагмент, в 1808-м — первая часть поэмы. История великого ученого, который во имя познания и преобразования мира заключает договор с дьяволом, была восторженно принята читателями. Ее герой прочно вошел в галерею бессмертных образов мировой литературы.

Доктор Иоганн Фауст у Гете — великий ученый, постигший все тайны природы и стремящийся к познанию уже и сверхъестественного. Но в полном соответствии с древним изречением Екклезиаста: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» *, — душа его объята скорбью и разочарованием. Он страдает от несоизмеримости земных возможностей с неисчерпаемостью непознанного. Тут-то к нему и является дьявол по имени Мефистофель, сначала в образе черного пуделя, затем — бродячего школяра. Он предлагает ученому свои услуги здесь, в земной жизни, — с тем чтобы там, за гробом, доктор всецело принадлежал ему.

Далее Мефистофель проводит героя через искушения возвращенной молодостью, любовью, поиском идеала, утопическими мечтаниями о даровании счастья людям на отвоеванной у океана земле...

Пересказывать великую поэму — труд неблагодарный. Остановлюсь на этом, сказав лишь, что в итоге Мефисто-

---

* Еккл. 1, 18.

фель, при всем своем могуществе, оказывается посрамленным, а Фауст выходит победителем.

Победа Фауста над Мефистофелем, спасение его души, несмотря на договор с дьяволом, подписанный собственной кровью, обретение им Царствия Небесного — вот то принципиальное, что отличает сюжет поэмы от предыдущих обработок легенды. Андре Неер, известный французский философ и историк, утверждал, что анализ текста гетевского «Фауста» обнаруживает к тому же параллели с одной из основных книг Каббалы — книгой «Зоар» («Сияние»), — в основном во второй части *.

Впервые Гете столкнулся с сюжетом о докторе Фаусте в молодости, посмотрев спектакль кукольного театра. Комедии о Фаусте были в это время чрезвычайно популярны у немецких кукольников. Все эти пьесы восходили к упомянутой выше трагедии английского драматурга Кристофера Марло «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста». Марло, в свою очередь, основывался на английском переводе книги, выпущенной Иоганном Шписом.

Трагедия Кристофера Марло, написанная на основе «Истории о докторе Иоганне Фаусте, широко известном чародее и чернокнижнике», придала легенде космическое звучание, сам же Фауст в ней — поистине титаническая фигура. Наверное, даже одного этого произведения достало бы, чтобы доктор Фауст обрел бессмертие. Но вслед за ним пришла великая поэма Гете...

А сюжет продолжал волновать писателей. Пушкин пишет свою «Сцену из Фауста»:

«Фауст
Мне скучно, бес.
Мефистофель
Что делать, Фауст?» **

---

* André Neher. Faust et le Maharal de Prague: le mythe et le réel. Paris, Presses universitaires de France, 1987.

** А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 2.

Брюсов вводит Фауста и Мефистофеля в круг действующих лиц своего романа «Огненный ангел»:

«Монах с удвоенной любезностью, под которой могла скрываться и насмешка, возразил мне:

— Мы вовсе не хотели вас обидеть... Вот это — мой друг и покровитель, человек достойнейший и ученейший, доктор философии и медицины, исследователь элементов, Иоганн Фауст, имя, которое вы, быть может, слышали. А я — скромный схоляр, много лет изучающий изнанку вещей, которому излишний пирронизм мешает сделаться хорошим теологом. В детстве звали меня Иоганном Мюллином, но более привычно мне шуточное прозвище Мефистофелес, под которым и прошу меня жаловать»*.

В середине прошлого столетия к этой легенде возвращается Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» (1947). И, конечно же, щедро, даже, пожалуй, избыточно знаменитый чернокнижник представлен в мировой фантастике второй половины XX века: в рассказах Артура Порджеса, Вацлава Кайдоша, Лино Альдани и прочих.

Параллельно с литературным воплощением шло воплощение музыкальное: опера Шарля Гуно «Фауст» (1859), опера Арриго Бойто «Мефистофель» (1868) — обе на сюжет первой части «Фауста» Гете, — опера Сергея Прокофьева «Огненный ангел» (1927), созданная по роману В. Я. Брюсова.

Кинематограф заинтересовался доктором Фаустом чуть ли не с самого своего рождения. Первые экранизации легенды были осуществлены основоположником мирового кинематографа и заодно отцом фантастического кино Жоржем Мельесом — именно экранизации, а не одна какая-то экранизация: «Кабинет Мефистофеля» (1897), «Фауст и Маргарита» (1897, 1904), «Гибель Фауста» (1903). В 1926 году выдающийся немецкий режиссер Фридрих Мурнау снял фильм «Фауст» по мотивам поэмы Гете. И так далее...

Словом, легенда нашла своего героя. Представить себе сегодня, чтобы кто-то создал произведение, в котором герой заключает сделку с дьяволом (не важно, в каком ключе

---

* Валерий Брюсов. Огненный ангел. — СПб.: Азбука-классика, 2006.

обыгран сюжет — юмористическом, трагическом или фантастическом), и чтобы автор при этом не вспомнил доктора Иоганна Фауста, просто невозможно.

И, как мне представляется, не последний ингредиент в «эликсире бессмертия» легенды — это как раз тот факт, что Фауст был реальным историческим лицом.

Да, Теофил был реальным лицом.

Но хронологически и географически (тысячу лет назад, на таинственном Востоке) он принадлежал, скорее, к пространству сказки, а не реальной Европы.

3. Бродячий школяр и бродячий сюжет

Итак, сюжет о продаже души дьяволу существовал давно и был чрезвычайно популярным. Тем не менее, едва попав в него, Иоганн Фауст заслонил собою всех прежних героев — и Теофила Киликийского, и Альберта Великого, и папу Сильвестра II, и прочих. В чем причина этого? Должен ли был исторический Фауст обладать некими особыми качествами, или же все случилось по каким-то причудам народной памяти, а особенности личности самого Фауста значения не имели?

Начнем с биографии. Звали его скорее всего Иоганн Георг Фауст. Фамилия — либо от немецкого Faust («кулак»), либо от латинского faustus («счастливый, удачливый»). Сведения о жизни чрезвычайно скудны, но все-таки имеются. Известно, что он родился около 1480 года в швабском городе Книтлинген. Его имя встречается в списке студентов Гейдельбергского университета, получивших степень *baccalaureus in artibus* (бакалавр искусств) в 1509 году. Имеются сведения (правда, менее достоверные) о получении им степени магистра в 1516 году. Примерно с 1520 года Иоганн Фауст сам начинает именовать себя доктором церковного права. Известно, что в 1528 году Фауст изучал в Краковском университете, одном из старейших в Европе, так называемую «естественную магию», то есть натурфилософию, природоведение. Мне кажется — скорее не изучал, а преподавал.

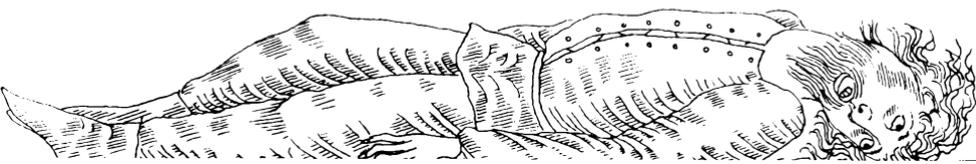
Все-таки тридцать восемь лет — возраст по тем временам вполне почтенный, плюс степень доктора (хотя как раз относительно степени имеются сомнения). Интересная деталь: тогда же в Кракове жил совсем молодой человек — шестнадцатилетний Иегуда Лёв бен-Бецалель, будущий главный раввин Праги, легендарный создатель Голема: еще один «вечный герой».

С 1539 года упоминания об Иоганне Фаусте в хрониках и письмах исчезают, из чего историки делают вывод, что именно в 1539 (или в 1540) году доктор Фауст скорее всего умер. Увы, источники почти всех сведений о нем, выходящих за рамки анекдотов, — явные недоброжелатели, потому вряд ли эти сведения могут считаться достоверными. А недоброжелателей у доктора Фауста хватало. В первую очередь это вожди немецкой Реформации — Мартин Лютер и Филипп Меланхтон, объявлявшие его чернокнижником, прислужником нечистой силы. К очернению доктора Фауста приложили руку и коллеги-ученые (в том числе известные, такие как Тритемий, Агриппа Неттесгеймский), старательно создававшие ему славу шарлатана.

Если бы других свидетельств не существовало, можно было бы принять именно такую точку зрения: шарлатан, подобный множеству других, слонявшийся в те времена по градам и весям Европы. Типичный бродячий школяр, вечный студент, вагант, выдававший себя за великого философа, знатока наук и тайных искусств и цинично обиравший доверчивых бюргеров и малограмотных феодалов.

Но в том-то и дело, что есть свидетельства, рисующие нам совсем другого человека. Известно, например, что именно доктору Фаусту поручил составить гороскоп князь-епископ Бамбергский Георг III фон Лимбург, слывший просвещенным и образованным человеком и уж никак не доверчивым бюргером или малограмотным рыцарем. Это подтверждается следующей записью в приходе-расходной книге епископа Бамбергского, датированной 1520 годом:

«Назначено и пожаловано философу доктору Фаусту 10 гульденов за составление гороскопа или предсказания судьбы милостивому моему господину. Уплачено в воскре-

сенье после Схоластики по распоряжению его преосвященства»*.

Фауст поддерживал дружеские отношения с Францем фон Зиккингеном, вождем рыцарского восстания 1523 года, и с семейством писателя-гуманиста Ульриха фон Гуттена, автора большинства «Писем темных людей» (уж тут вопрос о необразованности отпадает сам собою). Племянник Ульриха, немецкий конкистадор, завоеватель и военный губернатор Венесуэлы Филипп фон Гуттен, упоминает о Фаусте в письме к своему младшему брату Морицу, посланном в 1540 году:

«Ну, вот Вам обо всех морских странствиях понемножку, чтобы Вы могли видеть, что не нас одних до сих пор преследовали несчастья в Венесуэле: за три месяца погибли все флотилии, о которых я уже говорил, и те, которые вышли из Севильи раньше нас, и те, которые следовали за нами. Приходится признать, что предсказания философа Фауста сбылись почти полностью, ибо немало мы натерпелись здесь за это время».

Некоторые историки утверждают, что речь тут идет о гороскопе Филиппа фон Гуттена, составленном в 1534 году доктором Фаустом. Этот гороскоп предсказал трагическую судьбу Филиппа фон Гуттена в Венесуэле**. История с гороскопом Иоганна Фауста была обыграна в романе «Луна доктора Фауста» венесуэльского писателя Франсиско Эррера Луке***.

Сохранился и еще один эпистолярный документ, говорящий о том же событии: письмо Иоахима Камерария Старшего — видного юриста, философа, историка, друга и биографа

---

* Здесь и далее сведения о докторе Фаусте приводятся по изданию: Легенда о докторе Фаусте. Серия «Литературные памятники». — М.: Наука, 1978.

** См., напр.: Frank Baron. Doctor Faustus, from History to Legend. München, Wilhelm Fink Verlag, 1978. Или: Leo Ruickbie. Faustus: The Life and Times of a Renaissance Magician. Stroud, Gloucestershire, The History Press, 2009.

*** См.: Франсиско Эррера Луке. Луна доктора Фауста/Перевод А. Богдановского. — М.: Эксмо, Домино, 2003.

Лютера, — к Даниэлю Штибару, ученику Эразма Роттердамского и другу Филиппа фон Гуттена:

«Накануне я пережил печальнейшую ночь, когда Луна находилась в противостоянии Марсу в созвездии Рыб. Ибо твой Фауст причина того, что мне хочется с тобой об этом порассуждать. О, если бы он лучше научил тебя чему-нибудь из этого искусства, а не надул ветром суетнейшего суеверия или какими-то чарами держал тебя в ожидании. Но что же, в конце концов, он говорит? Что еще? Я знаю, что ты обо всем тщательно осведомился. Побеждает ли Цезарь? Так оно и должно быть, хотя рассказывают, что папа выставляет себя в качестве миротворца и требует от обоих противников 20 тысяч воинов, с помощью которых он мог бы защитить собор, который он созовет, и призвать к порядку строптивых. Так рассказывают некие французы, которые у нас изучают науки. Мы выпустили с большой охотой прославленного Карла, хотя и недостаточно отделанные, но я хочу, чтобы мое доброе намерение снискало одобрение».

По утверждению профессора Фрэнка Барона*, Иоахим Камерарий Старший тоже составил гороскоп Филиппу фон Гуттену, в отличие от фаустовского — вполне счастливый. На беду конкистадора, верным оказался гороскоп, составленный Фаустом. «Луна в противостоянии Марсу» — это как раз несчастливое сочетание светил из гороскопа Филиппа фон Гуттена.

Не существует никаких работ Иоганна Фауста (во всяком случае, современным историкам они неизвестны). Ни его друзья, ни враги не упоминают ни одного трактата, им написанного. Никто не цитирует его — как, например, цитировал Фома Аквинский своего учителя Альберта Великого. Для знаменитого ученого такое положение кажется по меньшей мере странным. Уже из одного этого можно вывести, что ученым в полном смысле слова вопреки легенде Фауст не был. Он входил в другое сообщество, близкое и даже пересекавшееся с сообществом ученых, но все-таки иное, рангом

---

* Frank Baron. Doctor Faustus, from History to Legend. München, Wilhelm Fink Verlag, 1978.

существенно ниже. Я имею в виду многочисленное племя бродячих школяров — *scolastici vagantes*.

«Из этой школы вышли те, кого обыкновенно называют бродячими школярами, из числа которых особой известностью пользовался недавно скончавшийся Фауст». Так отзывался о Фаусте цюрихский врач и естествоиспытатель, ученый-энциклопедист Конрад Геснер (1516—1565), бывший, правда, на тридцать шесть лет моложе нашего героя.

4. Черный пудель и свернутая шея.

Сведения о реальном Иоганне Фаусте весьма скудны. Есть несколько анекдотов, намекающих на его связь с нечистой силой. Есть сообщения о колдовстве, более напоминающем ярмарочные фокусы. Есть несколько известий об изгнании Фауста — то из одного города, то из другого. Так что в действительности об этом человеке можно сказать следующее. Он был типичным бродячим школяром-вагантом, степень доктора церковного права, по всей видимости, присвоил самозвано. Правда, магистром скорее всего был. Его ценили как сведущего астролога, умело составлявшего гороскопы. Фауст дружил с представителями так называемой рыцарской оппозиции — Францем фон Зиккингом, семейством фон Гуттенов и другими. Представители религиозных кругов, в том числе вожди Реформации, относились к нему крайне враждебно. При этом тот же Иоахим Камерарий Старший, несмотря ни на что, интересовался политическими прогнозами «шарлатана». Вот, пожалуй, и все.

Впрочем, нет, не все. Несмотря на слухи и сплетни о чернокнижии, черной магии, колдовстве и связях с дьяволом, Иоганн Фауст ни разу не преследовался церковными властями. Это непременно нашло бы отражение в каких-то сообщениях. Хотя бы о том, например, как дьявол уберег своего подопечного от святой инквизиции. Но — ничего, никаких намеков. А вот, например, к соперникам Фауста, Агриппе Неттесгеймскому или тому же Тритемию, церковные власти претензии предъявляли, и не раз. Так что Агриппа, например, и в темнице побывал. Тритемию пришлось оправды-

ваться перед религиозным судом. А Фауста в этом смысле словно бы не замечали. И даже длинный шлейф сплетен и слухов о его нигромантии*, ведовстве и — кошмар какой! — договоре с дьяволом никак не насторожил представителей Священного судилища. Поразительное благодушие проявляли они в отношении того, чье имя уже стало нарицательным. Похоже, в отличие от легковверных простолюдинов святые отцы точно знали, что ни с каким нечистым этот ученый бродяга и астролог не связан. И Иоганн Фауст продолжал почти беспрепятственно странствовать по градам и весям Священной Римской империи, порой забредая во Францию и Испанию, в сопровождении черного пуделя по кличке Мефистофель — воплощенного дьявола.

Впрочем, стоп! Судя по тому, что пес упоминается в документах 1520-х годов, а в 1530-х о нем уже не сказано ни слова, приходится признать: пудель был обычным псом, и век его был по-собачьи короток. Иначе трудно понять, почему вдруг дьявол в образе черного пса не стал сопровождать Фауста до конца жизни — не мог же он позволить хитроумному доктору каким-то образом ускользнуть из своих когтистых лап.

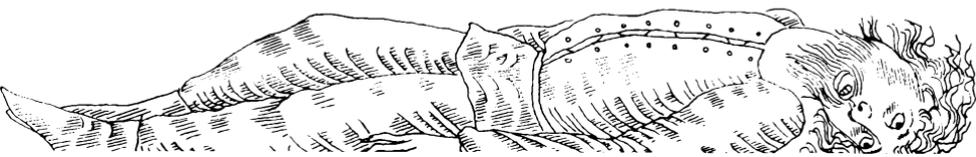
Кстати о конце жизни. Познакомимся с теми свидетельствами, которые касаются обстоятельств смерти нашего героя и на основании которых был написан пролог этой главы.

Вот одно из них, составленное в 1563 году неким Иоганном Манлиусом со слов Филиппа Меланхтона, соратника Лютера, лично знавшего Фауста:

«Последний день своей жизни, а было это несколько лет тому назад, этот Иоганнес Фауст провел в одной деревушке княжества Вюртембергского, погруженный в печальные думы. Хозяин спросил о причине такой печали, столь противной его нравам и привычкам. В ответ он сказал: «Не пугайся нынче ночью». Ровно в полночь дом закачался. Заметив на следующее утро, что Фауст не выходит из отведенной ему комнаты, и подождав до полудня, хозяин собрал

---

* Nigromantia — так в средневековой латыни писалось слово «некромантия», то есть черная магия, черное искусство.

людей и отважился войти к гостю. Он нашел его лежащим на полу ничком около постели; так умертвил его дьявол».

Андреас Хондорф (1568 год):

«Когда пришел его срок, он заехал на постоялый двор в одной деревне в Вюртемберге. Когда хозяин спросил его, отчего он такой печальный, он ответил: «Этой ночью ты услышишь страшный грохот, и дом твой заходит ходуном, но ты ничего не бойся».

Наутро его нашли мертвым в постели, а шея у него была свернута».

Есть еще несколько описаний — примерно таких же. Наконец, в «Истории о докторе Иоганне Фаусте...», выпущенной Иоганном Шписом, в книге, которая как бы суммирует все сведения о докторе Фаусте, эта сцена примерно такая же, но, конечно, она расцвечена подробностями — тут и комната, забрызганная кровью, и зов на помощь, раздавшийся среди ночи, и у Фауста не просто свернута шея, но еще и изуродовано лицо.

Правда, географические привязки отличаются. В некоторых случаях Фауст погибает в Вюртемберге, в иных — в Виттенберге. Существует даже версия, в которой последним пристанищем странствующего доктора с собакой стала имперская столица Прага. Во всяком случае, местные экскурсоводы и ныне показывают туристам «Дом Иоганна Фауста» и рассказывают примерно ту же историю, что произошла в Вюртемберге-Виттенберге. Да еще добавляют, что, мол, в крыше дома была дыра, сквозь которую дьявол и унес душу грешного доктора. Правда, историки утверждают, что на самом деле в этом доме жил другой человек — тоже знаменитый: английский медиум, астролог и алхимик сэр Эдвард Келли. А дыра предназначалась не для извлечения души, а для наблюдений за небесными светилами.

Словом, если не считать географической путаницы, описания смерти Фауста схожи: дело всегда происходит ночью на постоялом дворе; Фауст предупреждает собутыльников и /или хозяина о грядущем происшествии; из комнаты ночью доносятся громкий шум, грохот, звуки борьбы, крики, иногда — зов на помощь; утром Фауст обнаруживается лежащим на полу *со свернутой шеей*.

Детали повторяются у разных авторов, так что скорее всего тут под слоем легенды лежит некое действительное событие. И тогда бросаются в глаза кое-какие странности. Вот, например: как это простой смертный вздумал *физически* сопротивляться дьяволу? И для чего дьяволу, чтобы извлечь грешную душу, понадобилось *свернуть Фаусту шею?*

Еще кажется интересным то, что Фауст накануне предупреждает собутыльников о своей предстоящей гибели и предостерегает их от того, чтобы кто-нибудь пришел к нему на помощь. При этом не говорит о дьяволе — он говорит лишь о том, что этой ночью он сведет счеты с жизнью. И в некоторых описаниях — ночью зовет на помощь, но, как повествует «История о докторе Иоганне Фаусте...», негромко и не очень уверенно.

Если вынести за скобки участие дьявола в этой истории, то мы имеем жестокое убийство. Да, оно загадочно для окружающих, но жертва как раз обо всем осведомлена заранее и, хотя не предпринимает попыток скрыться, пытается защититься.

Попробуем представить себе, кто и зачем мог зверским образом убить странствующего магистра (выдававшего себя за доктора), специализировавшегося на составлении гороскопов и на политических предсказаниях. А для этого зададимся вопросом: только ли гороскопы были причиной постоянно кочевой жизни скандальной знаменитости? Договор с нечистым оставим за рамками. Будем исходить из того, что, кроме фантастических анекдотов, якобы указывавших на связь Фауста с дьяволом, да несчастного черного пуделя, ничто в оставшихся о нем сведениях не указывает на какие-то сверхъестественные знакомства и связи Иоганна Фауста. Ну, так и не будем о них говорить. Поговорим о той среде, к которой отнес его Конрад Гесснер.

Строго говоря, расцвет культурной деятельности этого сообщества — бродячих школяров — уже миновал: он пришелся на XI–XIII века, а на дворе стоял уже XVI век! Но само сообщество (условно говоря) еще существовало. Это была деклассированная интеллигенция, люди, получившие университетское образование, но не нашедшие постоянных занятий, кочующие из города в город в поисках заработка

и покровителей. Для них характерны были вольнодумство, вполне циничное отношение к устаревшей феодальной, рыцарской морали. Бродячие школяры были очень похожи на наемников. Только их оружием, которое они охотно предлагали каждому, кто готов был заплатить, были не мечи и арбалеты, а знания и связи. Причем знания, не только обретенные в стенах Сорбонны или Гейдельбергского университета, но и почерпнутые в странствиях из сплетен, слухов, случайно оброненных замечаний.

Словом, эта среда поставляла прекрасных агентов для любых тайных служб Европы. Правда, вольнодумие бродяг ставило их, как правило, в ряды оппозиции, причем не религиозной, а светской — на сторону императора и имперского рыцарства против Рима (а иной раз и против вождей Реформации — Лютера, Меланхтона и им подобных).

Доктор Фауст обладал почти идеальными качествами для такого рода деятельности. Он умен, остроумен, наблюдателен, образован. Он прекрасный составитель гороскопов — пожалуй, идеальный вид деятельности для тайного курьера или тайного агента. Даже сбор сведений личного характера относительно того или иного курфюрста всегда можно было объяснить стремлением составить для заказчика самый подробный и точный гороскоп.

У Фауста великолепная память — он хвастался, что, если бы вдруг исчезли книги античных философов, он, «подобно Ездre иудейскому», самостоятельно мог бы восстановить их по памяти. Разумеется, это преувеличение, но ведь чтобы хвастать такими способностями, надобно было действительно цитировать наизусть обширные фрагменты из древних трактатов. Круг его друзей — в основном светский, рыцарская оппозиция. Помимо астрологии и естественной магии, он, судя по письму того же Иоахима Камерария Старшего, владеет и малодоступной информацией военно-политического характера. Что же до его славы чернокнижника и его связи с дьяволом — это вполне могла быть часть «легенды» (в том смысле, который придают этому слову в разведке). Кому надо, те знали, что это чушь и суеверие. А у городских и деревенских простолудинов такая слава раз и навсегда отбивала охоту чинить пре-

пятствия Иоганну Фаусту, путешествующему с тайными миссиями.

Словом, даже из тех скудных сведений, которые дошли до нашего времени, можно вполне представить себе вот такого, говоря современным языком, агента спецслужб.

Если принять эту точку зрения на странствия доктора Фауста и его деятельность, то сами собой отпадают многие вопросы, касающиеся его смерти. Скорее всего это было действительно убийство. Убийство человека, который в силу своей деятельности за много лет стал хранителем множества опасных тайн того беспокойного столетия. Реально в этих описаниях только одно — *свернутая шея* жертвы. Все остальное вполне может быть вымыслом, пущенным гулять по свету не кем иным, как участниками и соучастниками убийства. Свернутую шею покойного могли увидеть (и, вероятно, увидели) многие. А все остальное — крики, шум, качающийся дом, даже слова Фауста о том, что ночью с ним, возможно, случится несчастье, — все это показания немногих свидетелей (хозяина постоялого двора и собутыльников Фауста), которые, не исключено, как раз и были убийцами.

Когда я впервые прочитал описание смерти доктора Фауста, мне тут же вспомнилась другая смерть — одного из его авторов. Я имею в виду убийство Кристофера Марло. Тоже ночью, тоже в таверне (или постоялом дворе). Тоже с согласованными показаниями свидетелей и соучастников преступления. И — самое главное! — это убийство тоже скорее всего стало результатом каких-то потаенных интриг, к которым был причастен автор «Трагической истории жизни и смерти доктора Фауста». Собственно говоря, он ведь и относился к тем же образованным, талантливым и не очень разборчивым в средствах представителям ренессансного общества, что и герой его трагедии. И кажется, что Кристофер Марло почувствовал в Иоганне Фаусте («Джоне Фаусте из Виттенберга», как значится в пьесе) родственную душу. Душу не только и не столько искателя истины, сколько искателя опасных приключений, авантюриста, игрока, пытающегося ловить рыбку в воде, замутившейся от возни тогдашних спецслужб (и не важно, как именно они назывались).

...У замечательного американского писателя Джо Горса есть детективная новелла «В час кровавый и горестный». В этой новелле юный Уильям Шекспир расследует убийство своего старшего современника Кристофера Марло. Кто знает, может быть, в скором времени появится детективный роман, в котором ученик Фауста, доктор Вагнер, попытается расследовать зверское убийство своего учителя.

Nota bene

Рассказы, а точнее, слухи о сверхъестественных способностях некоего человека, о связях его с нечистой силой, о занятиях магией, некромантией и прочим, прочим, прочим зачастую действительно призваны замаскировать совсем иную сторону жизни означенного персонажа. В этом смысле доктор (или магистр) Иоганн Фауст вовсе не одинок. Не он первый и уж тем более не он последний. За ним вереницей идут граф Сен-Жермен, граф Калиостро, писатель Казотт, драматург Бомарше. И далее — вплоть до Якова Блюмкина, Никола Тесла, Александра Барченко и многих, многих других. Удивительно ли, что многих из подобных личностей, обладавших якобы эзотерическим, сверхъестественным знанием, мы встречаем на страницах книг, посвященных не столько общению человека с нечистой силой, сколько истории секретных операций и конфиденциальных миссий?

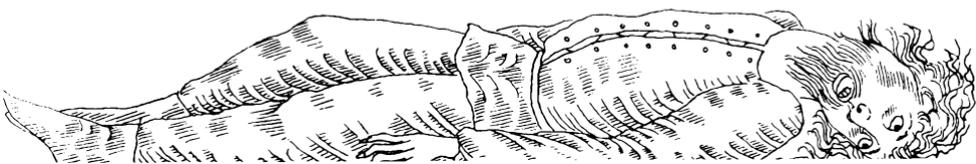
В литературе все происходит наоборот. В жизни современникам стоило бы изрядных усилий убедить окружающих, что, скажем, Фауст — не некромант, а шпион рыцарской оппозиции (и не ее одной); а, например, явившийся неизвестно откуда буддийский лама, гипнотизер и аскет — на самом деле чекист Блюмкин. В романе же, напротив, героям, знающим истину, приходится убеждать прочих персонажей, а заодно и читателя, в том, что преступления совершает не убийца-садист, а самый настоящий вампир, чудовище, восставшее из могилы.

Правда, сегодня вновь охотнее верят в астрологию, нежели в мошенничество; охотнее усматривают воздействие плохой ауры, нежели болезнетворных бактерий. И в действиях сильных мира сего тоже довольно часто усматривают

какие-то попытки связи с темными силами, а вовсе не желание запустить руку в государственный (и наш тоже) карман.

То ли дело — викторианская Англия, страна технических новинок, где общество верило в науку и в прогресс. Именно в таком обществе следовало появиться сверхъестественному чудовищу. Оно и появилось. Подлинный и самый знаменитый вампир. В Лондоне. В самом сердце цивилизации, в самом сердце научно-технического прогресса. Ну кто же здесь поверит в вампира? В убийцу, в преступника-салиста, в Джека Потрошителя — пожалуйста. Но в живого мертвеца (вернее, неумершего, немертвого, бессмертного, «носферату»)??

А чудовище прибыло в Англию. В 1897 году. И у него были грандиозные планы.

«Графом никогда не был...»,
или Кровожадный пришелец с Балкан

1. Граф Дракула

Многие мои ровесники, большую часть жизни прожившие в СССР, о Дракуле узнали из повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Помните? «Дракула, граф, — знаменитый венгерский вурдалак XVII–XIX вв. Графом никогда не был. Совершил массу преступлений против человечности. Был изловлен гусарами и торжественно проткнут осиновым колом при большом скоплении народа. Отличался необычайной жизнеспособностью: вскрытие обнаружило в нем полтора килограмма серебряных пуль»*. И так далее.

Что же до книги Брама Стокера о похождениях ужасного вампира, то она в России выходила лишь до революции, а в советские времена не переиздавалась. В этом смысле роману Стокера (равно как и «Вампиру» Джона Полидори) не повезло в отличие от «Франкенштейна» Мэри Шелли или «Странной истории доктора Джекила и мисте-

---

* А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Собрание сочинений. — М.: Текст, 1992. Т. 4.

ра Хайда» Р. Л. Стивенсона, неожиданно изданным в самые что ни на есть советские времена — в середине и конце 1960-х годов. Разумеется, и многочисленные экранизации романа Брами Стокера «Дракула» никогда не шли в советском прокате.

Но вот времена изменились, и в конце 1980-х перед нами предстал граф Дракула во всей своей дьявольской красе. Причем предстал не только герой знаменитого романа Стокера, но и многочисленные его копии из продолжений, подражаний, мистификаций и прочего. Ничего удивительного в этом нет — русскоязычное пространство стало частью общемирового, а в общемировом культурном пространстве Дракула давно и прочно утвердился на одном из самых почетных мест: рядом с Виктором Франкенштейном, создателем чудовищ, в некотором отдалении от МАГАРАЛа, мудреца, сотворившего Голема, и совсем близко к лукавому спутнику доктора Фауста — Мефистофелю.

В главах этой книги я не раз вспоминал о чудовищах, рожденных в XIX веке. Великий вампир граф Дракула в их шеренге — на правом фланге. Уже несколько поколений читателей затаив дыхание следят за приключениями и преступлениями страшного вампира, оставившего свой родной край, переселившегося в сердце западной цивилизации и уже здесь творящего свои кошмарные дела. В 1897 году зловещий граф вышел на улицы Лондона. И с тех пор никому еще не удавалось отправить его в небытие навсегда.

Я коротко напомню читателям сюжет «Дракулы». Тем более что он отличается от большинства экранизаций (по которым многие судят и о первоисточнике). Главный герой (и один из рассказчиков) — помощник стряпчего Джонатан Харкер — по заданию своего патрона отправляется в далекий таинственный край — Трансильванию. Здесь он должен встретиться с неким графом Дракулой, который прибегнул к услугам конторы Харкера для приобретения недвижимости в Англии. Прибыв в замок графа, Харкер сталкивается с загадочными и пугающими событиями, которые приводят Джонатана к уверенности в чудовищности природы таинственного клиента: этот человек — вампир, оживший

мертвец (Стокер в романе называет его *undead* — «немертвый», по аналогии с румынским «носферату»^{*}).

Роман Стокера написан в эпистолярном жанре: письма Джонатана Харкера чередуются с дневниковыми записями его невесты Мины, газетными статьями, больничными отчетами и тому подобным. Эта форма позволила Стокеру придать фантастической истории пугающую документальность.

Пока Джонатан находится в далекой Трансильвании и судьба его не определена, мы узнаем о севшем на мель вблизи английских берегов загадочном корабле (русском, под названием «Димитрий», шедшем из болгарского порта Варна) без экипажа и с очень странным грузом из Трансильвании — ящиками, заполненными землей и серебристым песком. Записи из судового журнала публикуются в газете, и эта публикация восстанавливает картину жуткого плавания обреченного корабля, на котором поселилась неведомая злая сила, в конце концов погубившая всех моряков.

По всей видимости, на появление в книге этого эпизода повлияла история бригантины «Мария Целеста», которая была обнаружена в море без единого человека на борту. Это случилось за четверть века до выхода романа Стокера, в декабре 1872 года. Загадка брошенной экипажем «Марии Целесты» (не разрешенная до сих пор) будоражила воображение многих писателей, и среди прочих — Артура Конан Дойла, современника и друга Стокера. Нужно сказать,

---

* Следует отметить, что ни в румынском языке, ни в румынском фольклоре слова «носферату» нет. Употребляя его, Брам Стокер ссылается на писательницу XIX века Эмили Джерард, собирательницу трансильванского фольклора и... не ахти какого лингвиста. Объяснение «носферату» через греческое *nosophoros* — «несущий болезнь» — малоубедительно в силу небольшого количества заимствований из греческого в румынском языке. Скорее всего «носферату» — это неправильно понятое или неправильно записанные румынские слова *nescuratul* — «нечистый» либо *nesuferitul* — «невыносимый; несносный нестерпимый»; оба слова широко распространены в фольклоре, причем первое как раз и служит эвфемизмом для обозначения дьявола. (*Прим. ред.*)

что история с таинственным кораблем много лет спустя «увязала» героев обоих писателей, Стокера и Конан Дойла: именно с этого эпизода начинается противоборство Шерлока Холмса и графа Дракулы в романе американского писателя Лорена Эслмана «Шерлок Холмс против Дракулы»*.

Не буду пересказывать все сюжетные перипетии знаменитого романа. Дракула, объявившись в Англии, превращает в вампиршу Люси Вестенра, подругу Мины, и подбирается к самой Мине. В борьбу против вампира вступает специалист по истреблению опасной нечисти профессор Абрахам (Брам) Ван Хельсинг из Амстердама. Ван Хельсинга привлекает к делу врач-психиатр доктор Сьюард, один из отвергнутых женихов Люси Вестенра. Профессору помогают Джонатан Харкер, вернувшийся и частично оправившийся от последствий трансильванских приключений, и его друзья. В конце концов, в результате цепи жутких приключений, ценой множества потерь этой компании удается для начала изгнать неугомонного графа из Англии, а затем и загнать его в могилу, уже навечно — в его исконных владениях:

«Я увидела наполовину присыпанного землей графа, лежавшего в треснувшем при падении с арбы ящике. На его восковом, мертвенно-бледном лице выделялись зловеще красные глаза, в которых тлело хорошо мне знакомое выражение ненависти; они были прикованы к заходящему солнцу, в них уже сверкало торжество...

Но в тот же миг кинжал Джонатана настиг его. Я вскрикнула — кривое лезвие рассекло вампиру горло; и почти одновременно охотничий нож мистера Морриса пронзил ему сердце.

На наших глазах произошло чудо: в одно мгновение тело графа обратилось в прах. Но перед этим на его лице появилось выражение несказанного покоя...»**

---

* Loren D. Estleman. *Sherlock Holmes vs. Dracula: The Adventure of the Sanguinary Count*. I Books, 2003.

** Здесь и далее роман Брама Стокера «Дракула» цитируется в переводе Т. Красавченко.

2. Валашский воевода Влад II Дракул

Назвав Дракулу чудовищем, рожденным в XIX веке, я не ошибся. Дракула, шагающий ныне по страницам романов и экранам кинотеатров, появился именно в XIX веке. Но у него, как у многих культовых персонажей, имелся прототип, живший на четыреста лет раньше. И носил он то же имя, на самом деле бывшее прозвищем. Правда, как справедливо заметили Стругацкие, графом он никогда не был. А был он господарем (то бишь князем или воеводой) Валахии. Во всяком случае, среди средневековых европейских правителей Европы мы находим человека, который, во-первых, носил имя (вернее, прозвище) Дракула, во-вторых, родом был из той же Трансильвании, а в-третьих, благодаря своим кровавым и жестоким деяниям вполне мог стать одним из реальных прототипов стокеровского Дракулы. Именно одним из прототипов. Потому что создатель «Дракулы» позаимствовал черты своего героя и некоторые подробности биографии у самых разных личностей. К тому же эти люди жили в разные эпохи и в разных странах. Как, впрочем, многие другие литературные герои (в том числе и те, о которых рассказывается в этой книге) не были приукрашенными или, напротив, обезображенными портретами одного-единственного реального человека. Но уж коль скоро Брам Стокер назвал своего героя Дракулой, познакомимся с историческим деятелем, который носил это же имя.

Биография исторического Дракулы — правителя полузависимого балканского государства Валахии XV века Влада III — достаточно широко известна. Во всяком случае, в последние годы ее неоднократно излагали на страницах печатных изданий разные авторы — историки, писатели, журналисты. В данном случае воспользуемся некоторыми сведениями из книги Раймонда Макналли и Раду Флореску, которая так и называется: «В поисках Дракулы»*. Несмотря на имеющиеся в ней неточности и натяжки (в основном касающиеся

* Raymond T. McNally, Radu Florescu. In Search of Dracula: The History of Dracula and Vampires. Boston, Mariner Books, 1994.

связи стокеровского и исторического Дракул), книга содержит весьма обширный материал об этом человеке.

Господарство (воеводство) Валахия находилось на территории нынешней Румынии и частично Молдовы. Оно было создано в 1310 году, первоначально находилось в зависимости от Венгрии, затем, в 1324 году, при воеводе Басарабе I Основателе, стало независимым. С началом османской экспансии на Балканах Валахия вела почти непрерывную войну против турок, однако в 1415 году официально стала вассалом Турции. Несмотря на это, валашские господа не прекращали попыток освободиться от османского владычества. В этих попытках они опирались на помощь Венгрии (хотя венгры были католиками, а валахи большей частью православными). Впрочем, в борьбе за власть иные претенденты на господарский престол (не самый уютный и устойчивый в Европе) обращались и к иноверцам-туркам.

В 1436 году господарь Валахии Александру I Алдя был свергнут своим братом Владом II. Влад опирался на императора Священной Римской империи Сигизмунда, бывшего одновременно венгерским королем. Влад II, из династии Басараба, основателя независимого Валашского княжества, носил прозвище Дракул, что значит то ли «дракон», то ли «дьявол».

Существует такая точка зрения: прозвище все-таки связано не с врагом рода человеческого, а с драконом. В 1431 году Влад вступил в Орден Дракона. Изначально он назывался «Орден Дракона святого Георгия Победоносца» и создан был в Сербии, а затем восстановлен императором Сигизмундом как аристократическая рыцарская организация, призванная воевать с неверными — в первую очередь, с турками-мусульманами, реально угрожавшими Юго-Восточной Европе. Вот потому-то и обрел свое мрачноватое прошлое отец нашего героя.

Став князем, он повелел изобразить дракона — элемент орденской символики — даже на монетах. И стал Дракулом. Непонятно, правда, почему именно к Владу прозвище приклеилось, а к прочим рыцарям Ордена — нет. А ведь было их как-никак двадцать четыре. Среди них и Великий князь

Литовский Витовт, и его двоюродный брат король Польши Владислав II Ягелло, и даже Альфонсо V Великодушный, король Арагона и Сицилии. Но вот мрачноватое прозвище получил именно будущий валашский воевода Влад. Объяснений такой избирательности найти не удалось.

Так уж получилось, что вскоре после возрождения Ордена, как раз когда в него вошел и претендент на валашский трон Влад, императора Сигизмунда стал беспокоить антикатолический мятеж в самом сердце Европы — в Чехии. И в тот момент этот мятеж беспокоил императора куда больше действий вечных врагов — османов. Поскольку Сигизмунд, будучи братом чешского короля Вацлава IV, претендовал на чешский престол, он очень хотел вернуть непокорных чешских последователей сожженного в Констанце реформатора-проповедника Яна Гуса в лоно католической церкви. И для того император, начиная с 1420 года, предпринял не один и не два — пять крестовых походов. Предполагается, что в походах приняли участие и рыцари Ордена Дракона, находившегося под патронажем императора.

Чехи-гуситы, которых возглавлял один из лучших полководцев того времени Ян Жижка, наносили крестоносцам одно поражение за другим. Война затянулась надолго. Лишь в 1436 году Сигизмунд смог во второй раз стать чешским королем — через два года после разгрома радикальных гуситов (таборитов) объединенными силами умеренных гуситов (чашников) и католиков. А уже через год император скончался.

Как видим, в том же году, когда самому Сигизмунду удалось возложить на себя корону святого Вацлава, император помог Владу занять престол господаря Валахии. Возможно, потому что Влад участвовал (мог участвовать) в последнем, пятом крестовом походе, организованном германскими князьями против гуситов. Поход (неудачный, как и все предыдущие) состоялся в 1431 году, то есть именно в том году, когда Влад вошел в Орден. И следовательно, орденское знамя с изображением свернувшегося в кольцо дракона развевалось над ним и его воинами, шедшими в бой против чешского ополчения, символом которого было белое знамя с изображением красной чаши.

Чаша иллюстрировала главное требование реформаторов — «причащение под двумя видами», то есть не только хлебом («телом Христовым»), но и вином («кровью Христовой»). В католической церкви существовала своего рода «религиозная дискриминация» — причаститься под двумя видами, то есть и хлебом, и вином, могли только священнослужители; мирянам же приходилось довольствоваться причащением только хлебом. Вот тут, по всей видимости, впервые и появилась тема крови, затем трансформировавшаяся в вампиризм сына Влада II — интересующего нас Влада III по прозвищу Дракула*. То, что к слову «Дракул» прибавилась буква «а», именно и означало: «Сын Дракулы», «Дракуленок».

В самом деле, представим себе теперь рядовых участников крестового похода, а тем более — темных крестьян, подданных Влада II. До того ли им было, чтобы вникать в мистическую суть церковных обрядов и реформистских требований? К тому же враги чешских мятежников, получившие чувствительные поражения, как это обычно бывает, активно распространяли о них всяческие небылицы — в том числе обвиняли их в свальном грехе, в черной магии, в ритуальном сатанинском каннибальстве и в ритуальном же использовании человеческой крови. Так что в глазах этих «рядовых участников» кровавая чаша, изображенная на гордо реявшем знамени воинов Яна Жижки, превращала последних в подлинных колдунов-вампиров. Собственно, такое представление о требованиях гуситов недалеко ушло от «кровавого навета» — обвинения евреев в ритуальных убийствах с целью использования христианской крови при изготовлении мацы на Пасху.

Смысл такого действия, к слову сказать, неожиданно пересекается с требованием гуситов. В представлении христиан еврейская маца была аналогом христианской гостии, так сказать, «неправильной» гостией. Гостия же — евхаристический хлеб — символизирует тело Христово. Следовательно, добавка в тесто для мацы толики настоящей крови пред-

---

* См.: Т. А. Михайлова, М. П. Одесский. Граф Дракула: опыт описания. — М.: О. Г. И., 2009.

ставлялась тогдашнему религиозному сознанию (не только тогдашнему, впрочем) вполне мистическим актом — обогащением плоти кровью...

Ну а подданные валашского князя и по совместительству рыцаря Ордена Дракона вообще не были католиками (это, как мы увидим, сыграет значительную роль в фольклорном образе его сына), и теологические тонкости конфликта, раздиравшего католическую церковь, были им малоинтересны и непонятны.

Словом, эта версия представляется вполне логичной и правдоподобной. Хотя имеются и в ней несколько «но». Например, участие Влада II в походах против гуситов лишь предполагается — причем на основании того только, что все в том же 1431 году, когда в Нюрнберге принято было решение об очередном (последнем) крестовом походе против гуситов, там же, в Нюрнберге, Влад II вступил в Орден Дракона. Ни валашских, ни трансильванских хроник того времени не существует.

Что же касается чаши на гуситских знаменах и одежде, то она далеко не всегда была красной — порою и золотой, и серебряной, и голубой, словом, всех цветов радуги. Поэтому совсем не обязательно этот сосуд должен был ассоциироваться у подданных Влада с кровавой чашей.

Словом, похоже на то, что прозвище Дракул связано все-таки не с геральдическим изображением дракона, а с какими-то личными качествами, заставлявшими подданных валашского князя почитать нечистого. И то сказать — судя по потомку...

Итак, Влад Дракул занял валашский престол — при поддержке Сигизмунда — всего лишь за год до смерти этого императора Священной Римской империи и короля Венгрии. Но вскоре из неформального вассала Венгрии Влад Дракул оказался данником османов. Мало того, в 1442 году он был вынужден отвезти к султану в качестве заложников двух своих сыновей — Раду и Влада. В 1447 году Влад Дракул был убит, и господарем Валахии стал венгерский ставленник Владислав II. Впрочем, ненадолго. В этой беспокойной земле мало кто оставался во власти длительный срок. Владислава II сверг сын рыцаря Дракона, тоже Влад.

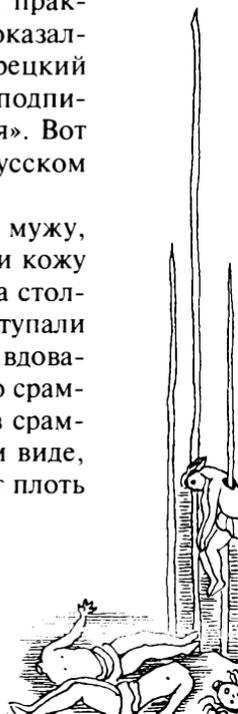
Он стал правителем Валахии под именем Влад III. Но куда более известны, разумеется, два его прозвища. Первое, как уже говорилось, было Дракула — от прозвища отца. А второе — Цепеш, «Колосажатель» — от излюбленного вида казни.

3. «Колосажатель»

«Наш» Влад — сын Влада II Дракула — родился в Трансильвании, в городке Сигишоаре. Родился скорее всего в 1431 году — том самом, когда его отец вступил в Орден Дракона. Дракула трижды воцарялся на отцовском престоле — в 1448 году (всего лишь на год), в 1456-м (на шесть лет) и в 1476-м (менее чем на год). Нельзя сказать, что Дракул был правителем гуманным, но слава о жестокости и кровавости его сына и наследника густо затмила кровавые деяния всех тогдашних властителей.

Истоки этой беспримерной свирепости, видимо, следует искать в том периоде жизни Влада III, когда совсем еще юный сын валашского господаря оказался у турок в качестве заложника и воочию познакомился со всеми сторонами изощренной жестокости, которую османы практиковали по отношению к своим врагам. Дракула оказался хорошим учеником. Настолько хорошим, что турецкий султан вполне мог бы прислать ему свой портрет с подписью «Победителю-ученику от побежденного учителя». Вот несколько примеров тому, приведенных в древнерусском «Сказании о Дракуле-воеводе» (XV век):

«...Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: “Есть ли у тебя жена?” — “Да, государь”, — отвечал тот. Дракула повелел: “Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть”. И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: “Разве ты не сеял льна?” Он же отвечал: “Много льна у меня, господин”. И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: “Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват”. И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спросил его: “Что ты делаешь?” А он отвечал: “Государь, не могу вынести этого смрада”. Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: “Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!”*^{*}

Примеры из немецких памфлетов XV—XVI веков мало отличаются от древнерусских (и румынских):

«...После того, как старый воевода расправился со старым Дракулом, Дракула и его брат отвергли свою веру, обязавшую их действовать во имя защиты и поддержки католической церкви.

...Дракула поймал цыгана, совершившего кражу. К нему пришли другие цыгане и стали умолять его отпустить вора. Дракула сказал: «Его следует повесить, и вы сами повесите его». Они ответили: «Это не в наших обычаях». Дракула приказал сварить вора в котле, а потом заставил цыган съесть соплеменника».

---

* Неизвестный автор. Сказание о Дракуле-воеводе. Пер. на совр. русский язык О. Творогова. В кн.: Брэм Стокер. Дракула. — М.: Энигма, 2010.

Правда, в немецких легендах речь идет о том, что Дракула с братом якобы перешли в ислам. В румынских же легендах Дракула переходит из православия в католичество.

Хотя перед нами истории явно фольклорного характера, вряд ли их можно считать всего лишь плодами народной фантазии.

Жестокость Влада Дракулы поражает воображение не только сегодняшнего человека. По всей видимости, своим современникам он тоже казался не таким уж типичным господарем. Иначе не заслужил бы прозвища «Колосажатель».

И все-таки, все-таки... Далеко не все исторические сядисты и деспоты становились в фольклоре вампирами. В конце концов, народная память сохранила и образ Синей Бороды — Жилия де Ре. Да и много ли государей на Западе и Востоке тогдашнего мира можно было бы назвать гуманистами?

Опять-таки, если внимательно прочитать сохранившиеся фольклорные рассказы, пытаясь оценить отношении современников к жестокости Дракулы, то сразу же бросится в глаза своеобразная справедливость валашского господаря. Он ведь не просто так казнит, он наказывает: чванливых послов, высокомерных бояр, нечестных купцов, неверных жен... Наказывает чрезмерно? Чересчур? А разве булгаковский Воланд, появившись в Москве, не проявляет чрезмерность в выборе наказаний? Но ведь читатель испытывает к нему симпатию! Потому что Воланд «наводит порядок». Карает неправедных. Собственно, и Влад Дракула занимается тем же. Он жесток, но справедлив (имеется в виду, конечно же, фольклорный Дракула).

Кроме того, не следует забывать, что Дракула вполне справедливо заслужил славу народного героя в борьбе с турками. И качества храброго воителя против османских агрессоров явно перевешивали на весах людской молвы его жестокость.

Так что вряд ли именно кровожадность валашского князя превратила его в чудовишного вампира. Причину многие филологи видят в перемене веры. Влад Дракула отрекся от православия и принял католичество. Религиозное ренегатство в румынском фольклоре всегда обуславливалось продажей души дьяволу. И кровавое причастие, о котором мы уже говорили выше, становилось в сказках подно-

шением дьявола своему верному слуге. Отныне и навсегда буйный, жестокий, но все-таки свой, храбрый вождь Влад Дракула становится отвратительным вампиром, продавшим душу дьяволу и получившим за это сомнительный дар странного и страшного полубессмертия, возможность вставать по ночам из могилы и отправляться на поиски ничего не подозревающих жертв.

Такое объяснение похоже на правду. Хотя и оно вызывает немало вопросов (как в случае с прозвищем отца). Например, путаница в вероисповедании обоих Владов. Если Влад II Дракул был православным, как же он оказался среди рыцарей Ордена Дракона? Да, первоначально Орден был создан сербами, то есть православными. Но восстановлен-то он был католиком — императором Священной Римской империи! Можно, конечно, предположить, что в порядке исключения на время отражения османской агрессии православные и католики объединялись. Но во время *крестовых* походов против еретиков-гуситов? Представляется очень сомнительным.

Ну а если предположить, что Влад II изначально был католиком (что следует, кстати, из немецких памфлетов), то почему же его сын, интересующий нас Влад III Дракула, оказался крещеным в православие? (И кем, если не собственным отцом?!) Тем более что родился он как раз в тот год, когда его отец вступил в католический рыцарский орден.

Согласно распространенной версии, Дракула от рождения был православным и перешел в католичество, будучи схвачен венгерским королем Матьяшем I и помещен в темницу. При этом кишиневский журналист и историк Мирча Михай в своей работе «Влад Цепеш — Дракула. Самая дурная репутация на свете»^{*} утверждает, что никакой перемены веры не было вовсе, не переходил Дракула в католичество, все это придумали куда позже: «В католическую веру Влада никто не обращал: отказ от православия сразу бы лишил его фигуру политической ценности как одного из претендентов на валахский трон. А иметь в своем распоряжении лишне-

---

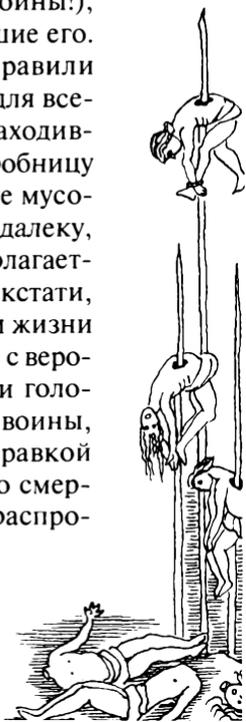
^{*} М. Михай. Влад Цепеш—Дракула. Самая дурная репутация на свете. / «Независимая Молдова», 16.03.2001.

го претендента Матиашу было выгодно для оказания давления на других господарей».

Словом, путаница, вполне характерная для того бурлящего котла, каким и во времена Влада III, и раньше, и позже были Балканы. Так или иначе, в румынском фольклоре (и в письменных источниках немецкого происхождения, приводимых в книге Р. Макналли и Р. Флореску) Дракула уже предстает вероотступником, запродавшим душу нечистой силе.

Женившись на родственнице Матьяша I, Дракула в 1476 году вторгся в Валахию с намерением вернуть престол, который с 1462 года попеременно занимали Раду III Красивый и Басараб III Старый. Теперь это был воевода, которого поносили православные (было вероотступничество или не было, но слухи бродили), панически боялись саксонцы и ненавидели турки, которые потерпели от него не одно поражение. Немудрено, что Дракула погиб уже в декабре 1477 года, менее чем через два месяца после очередного возвращения на валашский трон. Обстоятельства его смерти излагаются по-разному. Согласно уже упоминавшейся книге Р. Макнелли и Р. Флореску, он был убит во время битвы с турками, но не турками. То ли его убили собственные воины, не узнавшие военачальника (хороши воины!), то ли враги-бояре, боявшиеся воеводы и ненавидевшие его.

Уже мертвому Дракуле отрубили голову и отправили в Стамбул, где она была выставлена в центре города для всеобщего обозрения. Тело похоронили в монастыре, находившемся в родовых владениях Влада. Спустя столетия гробницу вскрыли археологи, но в ней не нашли ничего, кроме мусора и ослиных костей. Зато в другой гробнице, неподалеку, оказались останки обезглавленного человека. Предполагается, что они-то как раз и принадлежат Дракуле. Тут, кстати, можно было бы усмотреть признаки того, что еще при жизни воеводы его считали вампиром и убили в соответствии с верованиями: пронзили грудь копьями, а затем отрубили голову. Непонятно, правда, чем же еще могли убить врага воины, вооруженные именно копьями, и как, если не отправкой отсеченной головы, можно было сообщить султану о смерти заклятого врага турок? Последнее было весьма распро-

страненной практикой во все времена. Вспомним хотя бы посмертное обезглавливание Марка Красса во время похода на Парфию. Или аналогичную судьбу останков персидского царя Кира Великого, погибшего во время похода против саков-массагетов. Как известно, царица массагетов Томирис приказала отрубить убитому царю голову и бросить ее в мех, наполненный кровью...

В последнее время, в связи с раздуваемыми прессой «успехами» экспериментов по клонированию человека (насколько мне известно, ни одного человека еще не удалось клонировать и, полагаю, удастся еще не скоро), в печати начали мелькать слухи, будто генетики намерены клонировать валашского господаря. Конечно же, это всего лишь слухи. К тому же их распускают люди, представляющие себе процесс клонирования не по научным или хотя бы научно-популярным публикациям, а по фантастическим романам и фильмам. Однако само появление таких слухов, безусловно, свидетельствует об удивительной живучести образа. Разумеется, Влад Дракула — первый претендент на роль почетного прототипа стокеровского Дракулы.

Правда, в романе Брама Стокера граф — не валах, а секлер (правильнее — секей), как называют представителей венгерского национального меньшинства в Румынии. Расселяются секеи на границе Трансильвании и Валахии и представляют собой (как было и в прошлом тоже) не только этническое, но и религиозное меньшинство — католики среди православных румын и валахов. Тем не менее Стокер кое-что позаимствовал именно из биографии валашского князя — его воинственность и борьбу с турками:

«Кто охотнее нас бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага или собирался под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось искупать великий позор моего народа — позор Косово, — когда знамена валахов и мадьяр исчезли за полумесяцем, кто же как не один из моих предков переправился через Дунай и разбил турок на их земле? То был действительно Дракула! Какое было горе, когда его недостойный родной брат продал туркам свой народ в рабство, заклеив вечным позором! А разве не Дракулой был тот, другой, который неоднократно отправлял свои силы

через большую реку в Турцию и которого не остановили никакие неудачи? Он продолжал отправлять все новые и новые полки на кровавое поле битвы и каждый раз возвращался один; в конце концов он пришел к убеждению, что может одержать окончательную победу только в одиночестве. Тогда его обвинили в том, что он думает только о себе. Но что такое крестьяне без предводителя, без руководящего ума и сердца?.. А когда после битвы при Мачаге мы свергли мадьярское иго, то вожаками оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких стеснений!»

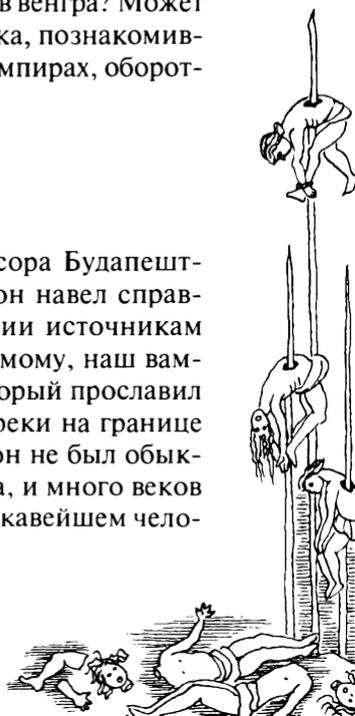
«Позор Косово» — по всей видимости, Дракула говорит о битве на Косовом поле в октябре 1448 года, когда турецкий султан Мурад II разгромил албанское войско Скандербега, на помощь которому послал войска и регент Венгерского королевства Янош Хуньяди.

С легкой руки Брами Стокера Дракула обрел еще одно, литературное бессмертие, неслышной тенью скользя из романа в роман, из фильма в фильм, отталкивающий и обаятельный одновременно, неизменно посрамляемый положительными героями — и вновь оживающий в следующем опусе...

Но почему из валаха Дракула превратился в венгра? Может быть, причиной тому стала личность человека, познакомившего Стокера с балканскими легендами о вампирах, оборотнях и прочей фольклорной нечисти?

4. Паломник в Страну Востока

«Я просил своего друга Арминия, профессора Будапештского университета, дать о нем сведения; он навел справки по всем имеющимся в его распоряжении источникам и сообщил мне о том, кем он был. По-видимому, наш вампир был тем самым воеводой Дракулой, который прославил свое имя в войне с турками из-за великой реки на границе с Турцией. Если это действительно так, то он не был обыкновенным человеком, так как и в те времена, и много веков спустя о нем шла слава как о хитрейшем и лукавейшем чело-

веке из “Залесья”. Могучий ум и железная решительность ушли с ним за пределы его земной жизни и теперь направлены против нас. Дракулы были — пишет мне Арминий — знаменитым и благородным родом, хотя среди них появлялись иногда отпрыски, которых современники подозревали в общении с лукавым».

Арминий из Будапешта, о котором говорит в романе Стокера профессор Ван Хельсинг, — это реальный и очень незаурядный человек, без участия которого героем «Дракулы» оказался бы не трансильванец, а уроженец Штирии (туда, кстати, попадает Джонатан Харкер в первой, впоследствии изъятой из основного текста главе «Гость Дракулы»).

Речь идет о докторе Арминии Вамбери, венгерском этнографе, историке и путешественнике, авторе книги «История Венгрия», которая вышла в Лондоне на английском языке в 1887 году и которой Стокер пользовался во время работы над «Дракулой». Вамбери и Стокер были знакомы, встречались и, судя по процитированному выше отрывку, состояли в переписке (Ван Хельсингу Стокер придал автобиографические черты и даже «подарил» собственное имя — Абрахам).

Доктор Арминий Вамбери (или Герман Бамбергер) родился в 1831 году в бедной еврейской семье. Он был одним из самых оригинальных и знаменитых венгерских ученых. В течение сорока лет, с 1865 по 1905 год, он возглавлял кафедру восточных языков в Будапештском университете. Еврею занимать такую должность в университете, отличавшемся давними католическими традициями, было непросто.

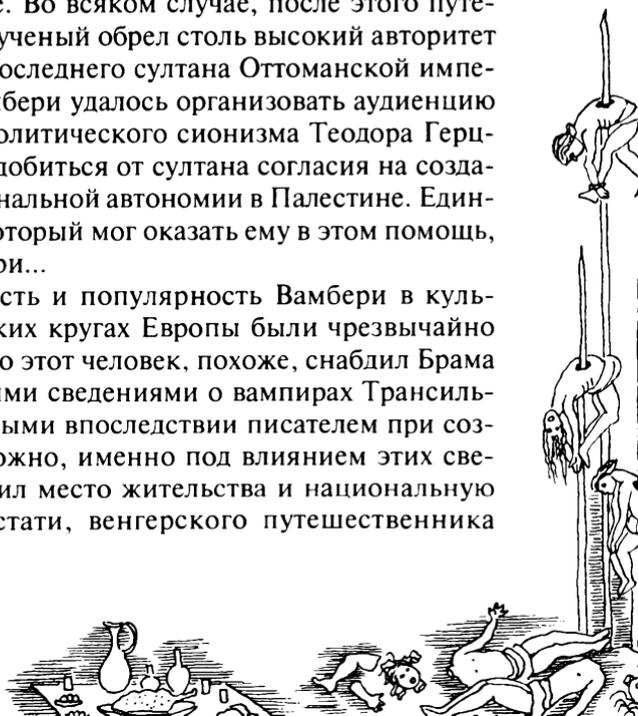
Вамбери прославился своими исследованиями Востока и беспримерным путешествием по местам, которые европеец не мог посетить под страхом неминуемой смерти. По возвращении он опубликовал книгу путевых заметок, которая и сегодня читается как авантюрный роман. Венгерский ученый блестяще разбирался в тонкостях мусульманского богословия. В конце концов он рискнул отправиться в закрытые для иноверцев земли под видом дервиша ходжи Рашида. Не раз и не два он оказывался на волосок от разоблачения и гибели. Об одном таком случае я вкратце расскажу здесь, поскольку он дает представление о рисковости этого человека и рискованности его миссии.

Однажды в Герате, куда прибыла группа странствующих дервишей, во дворце местного сановника Якуб-хана Вамбери заслушался музыкой: оркестр Якуб-хана играл венские вальсы. Внезапно к нему подбежал хозяин дворца и закричал, что ходжа Рашид вовсе не тот, за кого себя выдает, что он — неверный! Вамбери с трудом удалось доказать, что он — истинный правоверный. Впрочем, если бы Якуб-хан вдруг не перестал настаивать на своих обвинениях, Вамбери ничего не удалось бы доказать. Но местный вельможа вдруг сменил гнев на милость. И внезапное подозрение, и столь же внезапная перемена настроения остались загадкой для Вамбери.

Лишь спустя много лет раскрылась тайна странного поведения Якуб-хана. На вопрос, как он догадался, что ходжа Рашид — европеец, Якуб-хан ответил: «Слушая музыку, он отбивал такт ногой. На Востоке это не принято».

Действительно, перед нами просто сцена из «шпионского» триллера, каким, в сущности, и было путешествие профессора Вамбери: это одновременно и подвиг ученого-подвижника, и полная опасностей миссия тайного агента. Чьего — трудно сказать. В конфиденциальной информации и серьезном анализе обстановки были заинтересованы и турки, и англичане. Во всяком случае, после этого путешествия венгерский ученый обрел столь высокий авторитет у Абдул-Хамида II, последнего султана Османской империи, что именно Вамбери удалось организовать аудиенцию у султана для отца политического сионизма Теодора Герцля. Герцль надеялся добиться от султана согласия на создание еврейской национальной автономии в Палестине. Единственный человек, который мог оказать ему в этом помощь, был Арминий Вамбери...

Словом, известность и популярность Вамбери в культурных и политических кругах Европы были чрезвычайно высоки. И вот именно этот человек, похоже, снабдил Брера Стокера фольклорными сведениями о вампирах Трансильвании, использованными впоследствии писателем при создании романа. Возможно, именно под влиянием этих сведений Дракула сменил место жительства и национальную принадлежность. Кстати, венгерского путешественника

тоже обвиняли в том, что он поменял веру: перешел в ислам во время пребывания в Стамбуле. Точно так же, как обвиняли Дракулу и его брата в немецких памфлетах, — мол, перешли в ислам во время пребывания в Стамбуле. Такое забавное совпадение...

Что же до венгерских вампиров, то в заключение вот вам еще одна загадка. Среди венгерских правителей было распространено имя Арпад. На иврите «арпад» значит — «вампир». Почему — неизвестно. Может быть, просто совпадение. А может быть — какая-то смутная память о кровожадности легендарного вождя венгров Арпада, сохранившаяся у евреев.

Вернемся к роману Стокера. Кто же еще, кроме кровожадного средневекового тирана и героя фольклорных легенд, вдохновлял автора при создании столь запоминающегося образа?

5. Вампир-эстет и аристократ-убийца

Характер книжного Дракулы создавался Брамом Стокером под влиянием других личностей, живших уже не в средние века, а в конце XIX столетия и хорошо знакомых писателю. Литературоведы давно обратили внимание на удивительное сходство между великим вампиром — и другом писателя, знаменитым актером Генри Ирвингом. По предложению Ирвинга, с 1878 года Стокер был директором-распорядителем лондонского театра «Лицеум» — вплоть до самой смерти Ирвинга в 1905 году.

Ирвинг прославился исполнением ролей в шекспировских пьесах (Шейлок, Макбет, Гамлет). Некоторые черты его характера, не исключено, повлияли на образ Дракулы. Как, возможно, и одна из самых прославленных его ролей — роль Шейлока в «Венецианском купце», с такой неистовой кровожадностью пытавшегося вырезать фунт мяса у должника. Кстати, ходили сплетни, будто Ирвинг в этом спектакле пользовался не бутафорским, а самым настоящим ножом — для вящего эффекта и для того, чтобы полнее ошутить характер персонажа.

Впрочем, об Ирвинге как об одном из прототипов Дракулы известно достаточно давно. Куда неожиданнее и интереснее предположение, недавно сделанное Татьяной Михайловой и Михаилом Одесским в уже упоминавшейся книге «Граф Дракула: опыт описания». Идея заключается в том, что одним из прототипов Дракулы был не кто иной, как современник и знакомый Брами Стокера Оскар Уайльд, замечательный писатель, поэт, эссеист. Это предположение, при всей его первоначальной неожиданности, представляется вполне справедливым. Мало того, существует несколько аргументов, не приводимых авторами, но говорящих в пользу именно этой идеи.

В 1991 году в издательстве «Байрон Прейсс Бук» вышла антология «Последний Дракула»*, которую составил талантливый писатель и издатель, составитель замечательных антологий Байрон Прейсс, безвременно погибший в автокатастрофе в 2005 году. В сборник вошли рассказы мастеров современной фантастической прозы о знаменитом вампире. Среди прочих в книгу была включена новелла американского писателя Эдварда Хока «Дракула 1944». В этом рассказе, действие которого, как явствует из названия, происходит в 1944 году, Дракула оказывается... в нацистском концлагере Берген-Бельзен, куда он попадает вместе с транспортом румынских цыган. И вот здесь, беседуя с немецким офицером, Влад Цепеш (именно так его зовут в рассказе Хока) вспоминает о своем давнем путешествии в Англию:

«Как вам уже известно, в 1887 году я посетил Англию и несколько дней провел в Лондоне. И там, в лондонском Вест-Энде, среди завсегдатаев театральных лож я встретил прекрасную женщину. Прелестные голубые глаза, совершенная фигура... Мы познакомились. Я, конечно, не юноша, но тоже испытываю потребность в любви... Я желал бы вкушать ее плоть и ощутить вкус ее крови. Но вместо этого однажды рассказал ей свою историю — историю графа Дракулы. Ее звали Флоренс. Флоренс Болком-Стокер. Она была

---

* The Ultimate Dracula. Ed. Byron Preiss. New York, Byron Preiss Book/Dell Publishing, 1991.

женой Брама Стокера. Она рассказала историю мужу, и тот написал свою книгу...»*

В супругу Брама Стокера был влюблен именно Оскар Уайльд. Эдвард Хок, говоря о романе вампира с Флоренс Болком, фактически отождествляет Дракулу и Уайльда...

Правда, упоминаемая дата появления Дракулы в Лондоне вызывает и другие ассоциации. В 1888 году столицу Англии потрясли жестокие убийства проституток, совершенные неизвестным преступником, который получил имя Джек Потрошитель. Вполне можно предположить, что его кровавые деяния также оказали влияние на замысел Брама Стокера. Трудно отрицать влияние этих чудовишных событий на создателя романа о носферату. И еще больше должна была повлиять на него та мифология, которая почти сразу образовалась вокруг Джека Потрошителя.

В неизвестном серийном убийце (а вернее, в том образе, который сложился в массовом сознании) можно усмотреть множество параллелей с образом Дракулы. То, что жертвами Потрошителя становятся молодые женщины (жертвы Дракулы — Люси Вестенра и Мина Харкер); то, что обычные средства (полицейские) бессильны; то, что в неизвестном преступнике подозревали аристократа, титулованную особу, — все это сближает Дракулу с Джеком Потрошителем. Разумеется, неизвестная личность не могла стать в полной мере прототипом стокеровского вампира. Но сама история Джека Потрошителя, взбудоражившая викторианское общество, вне всякого сомнения, должна была определенным образом преломиться в романе.

В недавно вышедшей (и уже переведенной на русский язык) книге Джеймса Риза «Досье Дракулы»** действие как раз разворачивается в 1888 году вокруг убийств, совершенных Джеком Потрошителем. Главный герой романа и рассказчик — Брам Стокер, под влиянием именно этих событий (и их подоплеку, о которой я не буду писать здесь) задумывающий свой знаменитый роман. Вообще же инте-

---

* Edward D. Hoch. *Dracula* 1944. В книге: *The Ultimate Dracula*, ed. Byron Preiss. New York, I Books, 2003.

** Джеймс Риз. *Досье Дракулы*. — М.: Эксмо, Домино, 2010.

ресно, что в современной массовой культуре присутствуют оба эти образа, Дракула и Джек Потрошитель. Иной раз они даже оказываются персонажами одного и того же произведения. И что совсем неожиданно, в современной литературе Дракуле достается больше сочувствия, нежели Джеку Потрошителю...

Коль скоро речь зашла о современных произведениях, так или иначе связанных с вампиром, придуманным Стокером, я в заключение хочу упомянуть о метаморфозах, которые происходят с Дракулой в некоторых из них.

Например, в уже упоминавшемся рассказе Эдварда Хока «Дракула 1944» вампир оказывается в концлагере и здесь разворачивает охоту на эсэсовцев, превращаясь, таким образом, в борца со Злом (с известной натяжкой, разумеется).

В романе Роберта Лори «Оживший Дракула» вампир помогает отставному полицейскому раскрыть преступление, в котором обвиняют племянника главного героя.

В романе Фреда Саберахагена «Дело Холмса — Дракулы» вампир оказывается союзником Шерлока Холмса (в уже упоминавшемся романе Лорена Эслмана «Шерлок Холмс против Дракулы» — наоборот). Холмс, впрочем, встречался не только с графом Дракулой, но и с его автором — если верить известному писателю Николасу Мейеру, описавшему эту встречу в романе «Ужас Вест-Энда».

В рассказе Дэна Симмонса «Дитя Дракулы» (прекрасный рассказ, который затем был превращен писателем в длинный и скучный роман «Дети ночи») Дракула предстает усталым философом, презиравшим не только людей, но и свой собственный клан.

В рассказе «Легкая ночная музыка» Майка Резника Дракула прекрасно вписывается в мир рок-музыки, дружит с «Битлз», «Роллинг стоунз», «Кисс», а в рассказе «Вопрос стиля» Рона Ди Дракула отлично чувствует себя в мире современного кинематографа.

Что же, кровожадное чудовище, придуманное Брамом Стокером, прекрасно приспособилось к изменениям мира. Дракула давным-давно перестал быть «носферату», «undead», «немертвым» — он превратился в истинно бессмертного. И кто скажет, какую часть этого нового бессмертия подарит

ли ему те, кто наделил вампира отдельными черточками своего характера, особенностями биографии, оттенками вкуса? Все те, о ком говорилось в этой главе, — включая, конечно же, самого Брами Стокера.

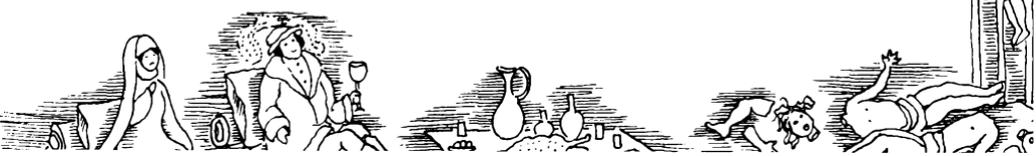
Nota bene

В замечательной книге Т. Михайловой и М. Одесского «Граф Дракула: опыт описания», на которую я несколько раз ссылался в главе о великом вампире, подробно рассмотрены многие прототипы, но главный вывод, который можно сделать относительно происхождения великого вампира мировой литературы, заключается в том, что его придумал Брам Стокер. Да, он назвал своего героя именем валашского (трансильванского) господаря, жестокого и кровожадного Влада Дракулы; да, он придал ему некоторые черты такой авторитарной личности, как Генри Ирвинг, и, возможно, Оскара Уайльда. Конечно, на него повлияла (не могла не повлиять) история Джека Потрошителя. Могу добавить еще и безусловное влияние на возникновение образа трансильванского вампира таких литературных героев, как Шерлок Холмс или мистер Эдвард Хайд (из «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона). Тут речь идет не о «вампирических» чертах, а о чертах, если можно так выразиться, «человеческих», индивидуальных. То, что в образе Дракулы имеет отношение к его вампиризму, складывалось, конечно, под влиянием уже существовавших литературных образцов: «Кармиллы» Джозефа Шеридана Ле Фаню и «Вампира» Джона Полидори.

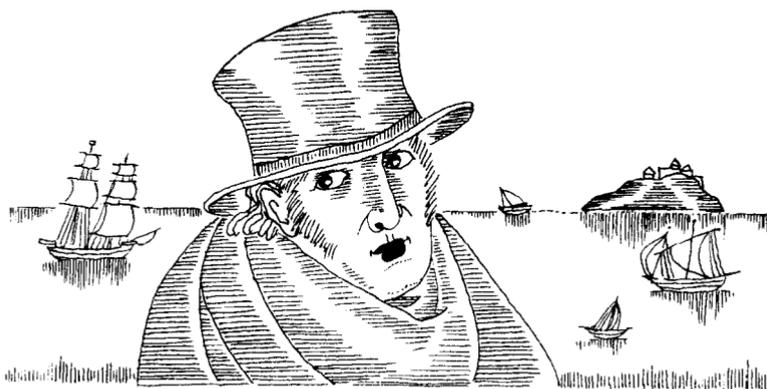
Но любопытнее всего представляется влияние как на образ, так и на некоторые сюжетные линии романа Стокера другой знаменитой книги — романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», впервые вышедшего в Англии почти сразу после французского издания, в 1846 году. История таинственного пришельца с Востока, загадочного *графа*, имеет множество параллелей с историей другого графа, также приехавшего с Востока. Некоторые сцены в «Дракуле» словно выросли из «Монте-Кристо»: например, обольщение Харкера в замке Дракулы красавицами-вампиришами вызывает

в памяти описанные Александром Дюма сны наяву Франца д'Эпинэ в замке графа Монте-Кристо, пережитые им под воздействием гашиша. Постепенное умирание Люси Вестенра выглядит повторением подобного же умирания Валентины, дочери королевского прокурора де Вильфора. И таких эпизодов очень много. Кстати, графа Монте-Кристо в романе Дюма так часто называют вампиром, что сходство этих книг никак не выглядят случайным.

И потому есть резон внимательнее присмотреться к загадочному графу Монте-Кристо, нежданно-негаданно нагрянувшему в Париж в первой половине XIX века. А заодно попробовать понять: что же заставляло окружающих считать его вампиром и кого мог представлять себе Александр Дюма, работая над этим образом и этой книгой.

Богатый путешественник с Востока, или Возвращение поэта

1. Предсвадебная шутка

Хвастовство никогда и никого до добра не доводит. Чем бы человек ни хвастался: красавицей-невестой, богатым домом, высокими связями, собственными талантами, всегда найдется тот, кому похвальба не придется по сердцу. И доказательства тому — сколько угодно. Начать можно, например, с рассказа Геродота о царе лидийском Кандавле, его жене и его телохранителе Гиге. Царь похвастал красотой царицы, а та сочла себя оскорбленной, и... В общем, на следующий день царем Лидии стал Гиг. А купец Ставр Гоудинович из русской былины своим хвастовством перед князем (мол, дом — полная чаша, жена красавица, сам я певец каких мало и так далее) довел Владимира Красное Солнышко до высшей точки кипения, а себя — до погребов глубоких, то есть до подземной темницы...

Вот и тут — в другом месте и в другое время — началось, можно сказать, на былинный манер. Поведал широкой публике эту удивительную историю архивариус парижской полиции, адвокат и писатель (ныне практически забытый) Жак Пёше. В 1838 году (между прочим, спустя восемь лет после

смерти автора) было опубликовано его шеститомное исследование «Мемуары, извлеченные из архивов Парижской полиции: на службе истории морали и полиции от Людовика XIV до наших дней»*. Вот в пятом томе этих «Мемуаров» и был помещен очерк, который назывался «Бриллиант и месть», с подзаголовком «Современный анекдот».

Случилось все в 1807 году. Жил да был молодой сапожник по имени Франсуа Пико. Был он выходцем с юга Франции, из города Ним, но жил в Париже. И здесь время от времени встречался со своими друзьями-земляками, один из которых держал небольшое кафе на площади Сен-Оппортюн, служившее местом таких встреч. Пико держался тут вполне как Ставр Годинович. Хвастал красавицей невестой Маргаритой, богатым приданым, скорой свадьбой. Землякам (хозяину кафе Матье Лупьяну, тоже влюбленному в Маргариту, и неким Жерве Шобару, Гийему Солари и Антуану Аллю) хвастовство сапожника не понравилось. Результатом стал донос, написанный ими и, разумеется, неподписанный. В анонимке Пико называли дворянином, живущим под чужим именем, роялистом, участником антибонапартистского заговора. Результатом этой «шутки» (именно желанием пошутить объяснял друзьям свои действия инициатор Матье Лупьян) стало то, что Франсуа Пико точь-в-точь повторил судьбу русского купца-богатыря. Его обвинили в государственной измене и отправили в замок Фенестрель в Пьемонте — пожизненно. Правда, провел он в замке не всю жизнь, а семь лет из нее — вплоть до реставрации 1814 года, когда большинство осужденных за антибонапартистские заговоры и настроения были освобождены. Так что сапожнику с результатами хвастовства еще крупно повезло.

Собственно говоря, параллели с русской былиной на этом заканчиваются. Если читатель помнит, Ставра Годиновича освободила его жена, не только красавица, но и умница-разумница. И сразу после освобождения незадачливый купец-

---

* «Memoires tires des Archives de la Police de Paris, pour servir a L'Histoire de la Morale et de la Police, depuis Louis XIV jusqu'a Nos Jours», par J. Peuchet, Archiviste de la Police. Paris, Bourmance, Editeur, 1838.

богатырь постарался уехать подальше от завистливого киевского князя и забыть о роковом происшествии.

Не то наш французский сапожник. С лирической линией тут вышло совсем по-другому. Несостоявшаяся жена Маргарита действительно поначалу пыталась что-то сделать для спасения своего незадачливого жениха, но вскоре поняла (не без помощи хозяина кафе), что Франсуа вытащить из замка не удастся, и вышла замуж — за Лупьяна, чья влюбленность в нее и стала причиной злоключений Пико.

Так что освободившийся сапожник вовсе не настроен был забывать. Напротив, он страстно желал лишь одного: мести. Пико мечтал отплатить виновникам за те семь долгих тюремных лет, которые изменили его до неузнаваемости и лишили всего, что составляло его жизнь. Вот только прежде надо было узнать, кто такие эти виновники, а также найти средства для реализации своего желания.

И вот тут ему повезло. Соседом Франсуа Пико по заключению был некий итальянский священник, в отличие от незадачливого хвастуна — реальный противник режима. Пико привязался к больному старику, а тот в свою очередь — к молодому человеку. И после освобождения священник принял своего товарища по несчастью в услужение. К тому времени Пико сменил имя и стал называться Жозефом Люше.

Священник оказался богатым и одиноким. Перед смертью он завещал все свое состояние Пико-Люше. А состояние оказалось весьма солидным — два миллиона франков. Плюс к тому старик сообщил Пико о кладах, спрятанных в разных странах, на общую сумму двенадцать миллионов! Теперь Пико-Люше, все это время таивший в душе жажду мести, обрел еще и увесистый кошелек, а значит, средство отмщения.

Отыскав клады (для этого ему пришлось постранствовать по Голландии, Италии и даже Англии), Пико-Люше вернулся во Францию и принялся наводить справки о своих неверных друзьях. Ему удалось отыскать одного из них, Антуана Аллю. Передевшись священником, Пико-Люше встретился с Аллю и наплел ему о том, что якобы Пико завещал разыскать друзей и вручить редкой красоты алмаз тому из них,

кто раскроет тайну его внезапного ареста. Жадность подвела Аллю, он рассказал мнимому священнику о доносе и даже сообщил адреса остальных участников сомнительного розыгрыша.

Далее все развивалось стремительно: внезапно один за другим погибают Шобар и Солари. Первого закололи на парижском мосту Искусств, второй, судя по всему, был отравлен. На рукояти кинжала, оставшегося в теле Шобара, обнаружена надпись «Номер один», на гробу отравленного Солари — записка со словами «Номер два».

Самым жестоким образом Пико мстит Лупьяну. Он делает так, что некий молодой аристократ соблазняет дочь бывшего хозяина кафе. Затем, правда, молодой повеса великодушно женится на беременной девушке, но в дальнейшем выясняется, что жених — не аристократ, а беглый каторжник. Девушка становится наложницей мстителя Пико. А сын связывается с ворами и попадает в тюрьму. Не выдержав обрушившихся на семью несчастий, умирает жена Лупьяна. В конце концов кинжал пронзает и самого инициатора «розыгрыша». Матье Лупьян становится «номером три».

На этом история мести закончилась. Четвертый предатель, Антуан Аллю, догадавшийся о подоплеке всей истории, выследил мстителя, подстерег его на ночной улице и оглушил дубинкой. Аллю держал Франсуа Пико в заточении, вытягивая из него деньги. Но тайну основной части сокровищ, которую пытался узнать Аллю, Пико так и не открыл своему мучителю — унес в могилу. После убийства бывшего узника Фенестреля Антуан Аллю бежал в Англию и уже здесь, много лет спустя, перед смертью исповедался католическому священнику. По его просьбе священник передал текст исповеди французским властям. Так и оказалась эта удивительная, почти фантастическая история в архиве парижской полиции.

Думаю, читатель и сам обратил внимание на некоторые нестыковки в этом деле. Возможно, кое-что оказалось плодом воображения Антуана Аллю — например, двенадцать миллионов, спрятанных по разнымкладам, владельцем которых якобы стал Франсуа Пико. Мне кажется, что сам же Пико и придумал эту сказку, чтобы распалить воображе-

ние своего врага. Кто еще мог знать об этой тайне старого священника? Только, похоже, Пико перестарался. А может быть, гибель от рук четвертого, не тронутого им врага вошла в его собственные планы — как своеобразный способ ухода из жизни. Этого мы скорее всего уже никогда не узнаем.

Да и два миллиона франков (это ведь франки куда более весомые, чем франки XX века!), полученные от священника, представляются не совсем реальными — незнакомец с такими деньгами, появившийся в Париже тех времен, непременно оказался бы в центре внимания публики и, конечно же, полиции. И его замысел, и его личность были бы раскрыты достаточно быстро. Но реальное зерно, безусловно, имеется. Бывший узник, невинно оклеветанный друзьями, освобожден и получил некоторый достаток, позволивший ему отомстить предателям.

История этой мести так и осталась бы любопытным случаем в криминалистике XIX века, похороненным в полицейском архиве Парижа, если бы не попала на глаза Александру Дюма и его соавтору Огюсту Маке. Великий романист сразу же оценил мощный литературный потенциал этого «современного анекдота» и положил его в основу романа «Граф Монте-Кристо», который, наряду с пенталогией о мушкетерах, стал вершиной творчества писателя.

2. Явление графа

Если сравнить реальную историю Франсуа Пико с вымыслом Александра Дюма, то невооруженным глазом можно увидеть, что история нимского сапожника, конечно же, стала сюжетным стержнем прославленного романа. Включая такие детали, как явление мнимого священника («аббата Бузони» в романе) Антуану Аллю (его двойник в романе зовется Кадруссом) или вытягивание денег у захваченного недругом Пико (в романе такой судьбе подвергается Данглар, которого римский разбойник Луиджи Вампа морит голодом, а затем продает цыпленка за двадцать пять тысяч франков). Нашла свое отражение в книге и свадьба дочери

Лупьяна с мнимым аристократом — беглым каторжником (в романе — Бенедетто, незаконный сын королевского прокурора де Вильфора), и многое другое.

Вот только финал у «Графа Монте-Кристо» другой. Опять-таки Дюма максимально романтизировал всю историю. Прозаического сапожника сменил более романтичный моряк. Главный злодей, хозяин кафе Лупьян, в жизни хотя и добился успеха (открыл модный дорогой ресторан вместо скромного кафе), в романе стал миллионером и банкиром Дангларом (и частично графом де Морсером — так сказать, по линии жены).

Кроме того, будучи бонапартистом, писатель предпочел сделать своего героя жертвой не наполеоновской, а королевской полиции. Для этого ему пришлось переместить время действия романа: он берет старт на семь лет позже, чем началась история Пико. В конце 1814 года, когда бухгалтер Данглар со товарищи только еще пишет донос на своего соперника моряка Эдмона Дантеса, сапожник Франсуа Пико как раз вышел на свободу. И, конечно же, поменялись социальная и профессиональная принадлежности главных персонажей. Последнее, кстати говоря, весьма важно. Причем не только для идеологии романа, но и для вопроса о прототипах действующих лиц.

Сюжет похож, а вот Эдмон Дантес на Франсуа Пико — ничуть. Читая рассказ, изложенный полицейским архивариусом Жаком Пёше, приходится то и дело с грустью констатировать, перефразируя знаменитую присказку Остапа Бендера: «Нет, это не граф Монте-Кристо». Как ни схожи истории, но если говорить о прототипе графа, то вряд ли на эту роль подойдет незадачливый мститель из замка Фенестрель, в конце концов попавший в собственную ловушку.

Когда бедный сапожник Франсуа Пико превратился в богача Жозефа Люше, он тем не менее графом не стал, в аристократическом кругу не вращался, представителей сливок парижского общества в своем доме не принимал. Вообще он менее всего походил на аристократа — а ведь в романе Дюма чуть ли не на каждой странице подчеркивается врожденный аристократизм графа.

Так, может быть, прототипа графа Монте-Кристо следует искать среди таких людей? Среди аристократов? Разумеется, в том случае, если прототип действительно существовал.

Попробую же поискать, не претендуя на окончательную истину. Для начала позволю себе коротко напомнить сюжет «Графа Монте-Кристо». Молодого моряка Эдмона Дантеса по анонимному доносу арестовывают и сажают в замок Иф. Здесь судьба сводит его с другим узником — аббатом Фариа. Точь-в-точь как в случае с Франсуа Пико, который, как читатель помнит, в замке Фенестрель знакомится с итальянским священником. Именно благодаря аббату Дантес не только выходит на свободу, но и становится сказочно богатым человеком. Богатым он становится, поскольку товарищ по несчастью раскрывает ему тайну сокровищ, спрятанных некогда на островке Монте-Кристо; что же до свободы, то, когда аббат Фариа умирает, Дантес ложится на его место. Тюремщики сбрасывают его в море («Море — кладбище замка Иф»), и таким образом герой Дюма оказывается на свободе.

Тут уместно сказать, что товарищем своего героя Александр Дюма сделал тоже реального человека (или, во всяком случае, дал ему имя реального человека). С подробностями жизни настоящего аббата Фариа можно познакомиться в книге Михаила Буянова «По следам Дюма»*, где подробно прослеживается удивительная жизнь прелата-революционера, рожденного в Индии, ученого, врача, одного из создателей психотерапии и пионера медицинского применения гипноза. Кроме того, Жозе Кустодио де Фариа был человеком социально активным, принимал участие в так называемом заговоре Гракха Бабефа («Заговор равных»), почему и оказался в замке Иф в качестве государственного преступника.

В отличие от романного Фариа подлинный аббат-революционер не умер в замке, а вышел на свободу, пробыв в тюрьме семнадцать лет. Ныне ему стоит памятник в Индии — в Гоа, где он родился и где боролся против дискриминации

---

* М. И. Буянов. По следам Дюма. — М.: Прометей, 1993.

соотечественников-туземцев, традиции которых едва ли не впервые применил в европейской медицине...

Коль скоро мы заговорили об именах героев, можно вспомнить о возникновении титула графа Монте-Кристо. В 1841 году Дюма гостил во Флоренции у брата Наполеона — Жерома Бонапарта. Вместе с сыном Жерома Наполеоном Дюма посетил несколько исторических мест, в том числе остров Эльбу, место первой ссылки императора. Во время этой поездки Дюма обратил внимание на небольшой островок, собственно говоря, утес, возвышавшийся над морем на двести метров. Проводник сообщил, что этот остров называется Монте-Кристо (в переводе на русский — Гора Христова), и Дюма пообещал когда-нибудь написать роман под таким названием. Он и выполнил это обещание — в 1846 году. Правда, книга получила название не «Остров Монте-Кристо», а «Граф Монте-Кристо». Но герой получил свой титул по названию того самого острова.

Если говорить о его первом имени — Дантес, — тут тоже есть несколько предположений, из которых самое интересное высказал Вадим Скуратовский в статье «Встреча в замке Арененберг»*. Он доказывает (вполне убедительно), что совпадение имени героя Дюма и имени Жоржа Дантеса, убившего на дуэли Пушкина, вовсе не случайно. Дюма был знаком с приехавшим из России Жоржем Шарлем Дантесом...

Что же до аббата Фариа, то в данном случае нас интересует не столько биография истинного Фариа, сколько то, как показывает его Дюма в романе. Ибо это, в свою очередь, позволяет определить одного из прототипов главного героя.

Так вот: очень странной личностью становится Фариа под пером романиста.

Общаясь с новообретенным другом, Дантес однажды оказывается свидетелем приступа странной болезни, во время которой Фариа, по сути, превратился в... мертвеца: «Дантес посмотрел на посеревшее лицо аббата, на его глаза, окруженные синевой, на белые губы, на взъерошенные воло-

* Вадим Скуратовский. Встреча в замке Арененберг/Столичные новости, № 34, 10–16 сентября 2002.

сы...»* Аббат предупреждал его об этом заранее и сообщил, как тот сумеет ему помочь: «Есть только одно средство против этой болезни, я назову вам его; бегите ко мне, поднимите ножку кровати, она полая, в ней вы найдете пузырек с красным настоем. <...> Когда вы увидите, что я застыл, окостенел, словом, все равно что мертвец, тогда — только тогда, слышите? — разомкните мне зубы ножом и влейте в рот десять капель настоя; и, может быть, я очнусь».

Что же это за средство и что за болезнь такая овладела нашим героем? Заглянем через плечо склонившегося над похолодевшим аббатом Дантеса. Что он делает? «...Он взял нож, просунул его между зубами, с величайшими усилиями разжал стиснутые челюсти, влил одну за другой десять капель красного настоя и стал ждать. <...> Наконец, легкая краска показалась на щеках; в глазах, все время остававшихся открытыми и пустыми, мелькнуло сознание; легкий вздох вылетел из уст; старик пошевелился».

Впечатление жутковатое. Мертвец, красная жидкость, возвращающая его к жизни... Сырое подземелье, каменный мешок, непроглядная тьма... Остановившееся время... Полно! Уж не склеп ли это, в котором таится от дневного света «носферату», «неумерший»? Одним словом, вампир?

Перелистаем десяток-другой страниц, перейдем в другую часть романа. Как читатель, я надеюсь, помнит, после «окончательной» смерти аббата (повторю: в реальной жизни аббат Фариа вышел на свободу) Дантес, заняв его место в зашитом мешке-саване, совершает дерзкий побег из замка Иф. Спустя восемь или девять лет, вступив во владения сокровищами аббата, превратившись в графа Монте-Кристо, совершив несколько путешествий по сказочному, таинственному Востоку, бывший узник замка Иф возвращается в Европу, чтобы наконец-то отомстить своим врагам. Тем, кто лишил его любимой девушки, свободы, родных, надежд — словом, всего...

И тут чуть ли не на каждой странице мы встречаем странные намеки. Да что там намеки! Точные указания на изме-

---

* Здесь и далее «Граф Монте-Кристо» цит. по: Александр Дюма. Граф Монте-Кристо. В двух томах. Перевод Л. Олавской и В. Строева. — М.: Художественная литература, 1977.

нившуюся природу моряка Эдмона Дантеса. Вот, например, что говорит графиня Г.:

«Послушайте!.. Байрон клялся мне, что верит в вампиров; уверял, что сам видел их; он описывал мне их лица... Они точь-в-точь такие же: черные волосы, горящие большие глаза, мертвенная бледность...»

А вот еще: «Граф стоял, высоко подняв голову, словно торжествующий гений зла».

И еще:

«— Увидите, он окажется вампиром.

— Смейтесь, если хотите, но то же сказала графиня Г., которая, как вам известно, знавала лорда Рутвена.

— Поздравляю, Альбер, это блестяще для человека, не занимающегося журналистикой, — воскликнул Бошан. — Стоит пресловутой морской змеи в “Конституционалисте”. Вампир — просто великолепно!

— Глаза красноватые с расширяющимися и суживающимися, по желанию, зрачками, — произнес Дебрэ, — орлиный нос, большой открытый лоб, в лице ни кровинки, черная борода, зубы блестящие и острые, и такие же манеры».

Лорд Рутвен — вампир, герой рассказа Джона Полидори, личного врача Байрона. Рассказ, кстати, так и называется: «Вампир».

А вот слова самого героя, которые он произносит перед дуэлью, долженствующей стать кульминацией его мести: «Мертвец вернется в могилу, призрак вернется в небытие».

Вообще тема воскресения из мертвых возникает на страницах знаменитого романа весьма навязчиво. Воскресшим из мертвых оказывается Бенедетто — незаконный сын прокурора де Вильфора: «Мой отец взял меня на руки, сказал моей матери, что я умер, завернул меня в полотенце... и отнес в сад, где зарыл в землю живым...» Восстает из мертвых отравленная дочь де Вильфора Валентина — возлюбленная Максимилиана Морреля. Воскресает якобы умершая (проданная в рабство на Восток) дочь Али Тебелина Гайдэ. И так далее...

Обращаю внимание читателя на то, что, за исключением случая с Валентиной, все прочие истории — истории мести за предательство: мести воскресшего покойника. Бенедетто мстит коварному отцу; Гайдэ — предателю де Морсе-

ру; сам граф Монте-Кристо являет нам еще один парафраз «Коринфской невесты», вдохновившей в свое время Гете, — возвращение мертвого жениха к не сохранившей верность невесте. Иначе — возвращение жениха-вампира, одержимого жадной мести живым.

Каким образом моряк Дантес, невинно оклеветанный и посаженный в замок, стал вампиром, воскресшим мертвецом? А вот именно таким перерождением обеспечил его аббат Фариа, сделав гостя своего темного царства «сыном»: в довесок к сокровищам островка Монте-Кристо («Гора Христова» — это ведь Голгофа, смертное место).

«— Это сокровище принадлежит вам, друг мой, — сказал Дантес, — оно принадлежит вам одному, я не имею на него никакого права; я не ваш родственник.

— Вы мой сын, Дантес! — воскликнул старик. — Вы дитя моей неволи!..»

Или могилы, добавим мы.

«Позвольте! — воскликнет читатель. — Мы же ищем реального прототипа Эдмона Дантеса — графа Монте-Кристо! Какие вампиры? Какой лорд Рутвен, которого и самого-то никогда на свете не было, ни живого, ни мертвого?!»

Совершенно верно. Вампир лорд Рутвен — это, если так можно выразиться, *литературный* прототип героя Дюма. Прототип, на которого, к слову сказать, сам же Дюма и указывает. Но, может быть, у литературного прототипа, в свою очередь, был прототип в реальной жизни? И, может быть, черты этого *реального* человека в какой-то степени повлияли на образ графа Монте-Кристо?

3. Вампир, пришедший с холода

Лорд Рутвен появился на свет при обстоятельствах необычных. И на этом стоит остановиться подробнее. Летом 1816 года на берегу Женевского озера появилась компания молодых людей. Джордж Байрон, Перси Шелли, Мэри Годвин (будущая Мэри Шелли), ее сводная сестра Клер Клермон и Джон Полидори, личный врач (и одновременно секретарь) Байрона.

А год этот был весьма примечательным в новой истории — его впоследствии назовут «годом без лета». Тогда никто не знал причин внезапного мощного похолодания, но факт оставался фактом: лета в тот год действительно не было — холодные дожди, хмурое небо, низкие тучи и солнце, почти не появлявшееся на небосклоне.

В марте температура оставалась зимней, в апреле и мае выпало небывалое количество осадков — в основном дождей с градом. В июне и июле в Северной Америке каждую ночь были заморозки. В Нью-Йорке и на северо-востоке США выпадало до метра снега (подчеркиваю: не зимой!). На Германию обрушились сильнейшие бури, многие реки вышли из берегов. В Швейцарии каждый месяц выпадал снег.

Необычный холод привел к катастрофическому урожаю. Весной следующего года цены на зерно выросли в десять раз, а среди населения разразился голод. В поисках лучшей жизни (зачастую безуспешных) десятки тысяч европейцев устремились в Америку, которая все-таки пострадала меньше Европы.

Лишь через сто с лишним лет стало понятно, почему природа вдруг словно взбунтовалась против человека. Американский физик и климатолог Уильям Хамфриз связал резкое похолодание с извержением вулкана Тамбора на острове Сумбава (Индонезия) в апреле 1815 года. Это чудовищное по силе извержение унесло жизни более чем девяноста тысяч человек. Извержение вулкана Кракатау в 1883 году было слабее. Извержение Везувия, разрушившего древнеримские города Помпеи и Геркуланум, было намного слабее.

В результате взрыва вулкана в атмосферу попало до ста восьмидесяти кубических километров пепла и газов. Они-то и стали причиной того, что второе десятилетие XIX века (с 1810 по 1819 год) оказалось самым холодным за последние пятьсот лет человеческой истории.

Именно из-за ужасной погоды в Швейцарии молодые английские писатели, запертые дождями на вилле, принялись развлекаться страшными историями. В результате литература обогатилась романом Мэри Шелли «Франкенштейн» и рассказом Джона Полидори «Вампир». Перси Шелли, Байрон и Клер Клермон почти сразу же отказались от затеи.

Но и двух законченных произведений хватило, чтобы то давнее лето вошло в историю литературы.

«Так случилось, что в самый разгар увеселений, неизменно сопутствующих лондонской зиме, на всевозможных приемах, устраиваемых законодателями хорошего тона, стал появляться некий дворянин, более приметный своей эксцентричностью, нежели знатностью. Он наблюдал за весельем, царящим вокруг него, так, словно сам не мог принять в нем участие»*. С этого начинается рассказ Джона Полидори.

Эксцентричного дворянина зовут лорд Рутвен, и вскоре главный герой — молодой джентльмен по имени Обри — с ним знакомится. Далее описывается их совместное путешествие, в ходе которого читателю становится понятным: лорд Рутвен не только загадочен, но и чрезвычайно опасен. Обри узнает легенду о вампирах и постепенно начинает прозревать в своем спутнике это чудовище...

Не буду пересказывать повесть полностью — скорее всего читатель знаком с нею; если же нет, то не хочу портить впечатление от будущего чтения.

Для нас важно несколько деталей. Во-первых, имя, использованное автором — лорд Рутвен, — уже появлялось ранее на страницах другого литературного произведения. Лорд Рутвен — таков титул главного героя романа «Гленарвон», написанного Каролиной Лэм, бывшей возлюбленной Байрона. «Гленарвон» вышел все тем же «небывшим летом» 1816 года, за три года до появления «Вампира», опубликованного (без подписи автора) в 1819 году. Книга Каролины Лэм — по сути, тяжеловесный и скучный памфлет, направленный против Байрона. Байрон-Гленарвон — средоточие всех пороков. В качестве эпиграфа предпосланы строки из байроновского «Корсара»:

Он будет жить в преданиях семейств
С одной любовью, с тысячью злодейств.**

---

* Джон Полидори. Вампир. Цит. по: Смерть Дон Жуана, или «Незримого начала тень...» Сборник. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2007.

** Перевод Г. Шенгели.

В виде письма Гленарвона писательница опубликовала подлинное письмо к ней Байрона. В конце концов эксцентричный эгоист тонет в волнах...

Правда, герой «Гленарвона» еще не вампир — он всего лишь эгоист, мизантроп, презирающий всё и вся, губящий всех, с кем сталкивается. Но от этого образа довольно короток путь к чудовищу не только нравственному, но и физически ужасному, — к ожившему мертвецу Джона Полидори.

Первым читателям рассказа Полидори, знакомым с творением Каролины Лэм, сразу же должно было стать понятным, кто на самом деле изображен в образе чудовищного вампира. Точно так же в главном герое, становящемся жертвой вампира, Полидори вывел идеализированный образ самого себя. Можно лишь удивляться тому, что первоначально эта жестокая и ничуть не смешная карикатура на Байрона была приписана самому Байрону и даже издана под его именем (что вызвало бурное негодование поэта).

Кстати, читателям, возможно, будет интересно узнать, что с «Вампиром» Джона Полидори в России познакомились в 1828 году — в переводе П. В. Киреевского. В предисловии к публикации излагается история этого «литературного конкурса» (одного из самых результативных в мировой культуре), — но все связывается не с виллой Диодати, а с домом графини Брюс (урожденной Мусиной-Пушкиной), в котором тем холодным летом собирался весь цвет общества, обитавшего на берегах Женевского озера. Такова была версия самого Полидори, которую он изложил в «Отрывке из письма из Женевы», сопровождавшем английское издание 1819 года. Она представляется сомнительной: на вилле графини Брюс Байрон не бывал, бывал только Полидори*.

Вообще с событиями 1816 года, имевшими место на берегу Женевского озера, связано множество загадок и противоречий. Согласно одной версии, именно Байрон предложил каждому из компании написать «страшную» историю. Согласно другой — толчком к этому послужил приезд Мэтью Льюиса, автора нашумевшего романа «Монах». Льюис при-

* См.: Владимир Вацура. Готический роман в России. — М.: НЛО, 2002.

вез только что вышедший в английском переводе том немецких романтических новелл. По версии Мэри Шелли, «в руки к нам попало несколько томов рассказов о привидениях в переводе с немецкого на французский»*. Чтение этих рассказов и привело скучавших молодых людей к идее сочинения историй в том же духе.

Опять-таки относительно творения Полидори Мэри Шелли писала: «Бедняга Полидори придумал жуткую даму, у которой вместо головы был череп — в наказание за то, что она подглядывала в замочную скважину... он не знал, что делать с нею дальше, и вынужден был отправить ее в семейный склеп Капулетти — единственное подходящее для нее место»**. Однако нигде не обнаружено ни намек на текст Полидори о «жуткой даме»; в то же время Мэри Шелли никогда и нигде не упоминает «Вампира».

Упомяну еще о неожиданной связи этой таинственной истории с Россией. Клер Клермон вскоре после разрыва отношений с Байроном уехала в Россию, служила там гувернанткой. Среди ее воспитанниц была и будущая известная русская поэтесса Каролина Павлова. У самой же Клермон в России случился роман с русским писателем Николаем Рожалиным.

Однако вернемся к объекту наших поисков — к страшному вампиру Рутвену и его новому явлению, уже на страницах романа Александра Дюма.

«...Графиня Г., которая, как вам известно, знавала лорда Рутвена...»

Графиня Г. — вполне реальная итальянская красавица графиня Тереза Гвиччиоли. Конечно, у Дюма бурная фантазия, но вряд ли он полагал кровососущего мертвеца Рутвена существом столь же реальным. Так что, разумеется, графиня Г. с чудовищным лордом Рутвеном знакомой быть не могла.

Если только здесь, так же как в «Гленарвоне», а вслед за тем — в «Вампире», не имеется в виду вполне реальный английский поэт Джордж Гордон Байрон. Потому что с Байроном графиня Г. — графиня Гвиччиоли — как раз была зна-

* См.: Владимир Вацуру. Готический роман в России. — М.: НЛО, 2002.

** Там же.

кома, причем довольно близко. Их роман начался в 1818 или 1819 году и длился вплоть до отъезда Байрона в Грецию в июле 1823 года. Через девять месяцев после отъезда Байрон умер в греческом городе Миссолунги.

А спустя семь лет после своей смерти, волею Александра Дюма, Рутвен-Байрон вернулся в Европу...

«Вампирические черты» графа Монте-Кристо, его сходство с лордом Рутвеном — литературным двойником Байрона — указывают на то, что одним из прототипов узника замка Иф (причем главным прототипом — если говорить не о фабуле произведения, а о характере героя) был великий английский поэт. Точно так же, как лорд Байрон, Дантес-Монте-Кристо возвращается в высшем свете, но презирает его; точно так же он стремится на Восток; точно так же окружающие воспринимают его как вампира (подчеркнем — как *того же самого* вампира). И, конечно же, граф Монте-Кристо столь же одарен, столь же поэтичен и столь же одинок, как и сам Байрон. Еще одна деталь, хотя и не столь важная, но все-таки любопытная: Гленарвон у Каролины Лэм гибнет в морской пучине. Такова же и судьба (в каком-то смысле) Эдмона Дантеса у Дюма: заняв место умершего Фариа, он ввергается в море, откуда выплывает уже преображенным...

К творению Джона Полидори Александр Дюма вернулся спустя шесть лет после «Графа Монте-Кристо»: в 1851 году вместе все с тем же Огюстом Маке он написал пьесу «Вампир».

Тут мне хочется немного углубиться в литературную историю «вампирского вопроса», тем более что она весьма замысловатая. Спустя всего год после выхода в свет «Вампира» Джона Полидори, то есть в 1820 году, во Франции появилось своего рода продолжение этого рассказа в виде... двухтомного романа «Лорд Рутвен, или Вампиры». Роман этот вышел анонимно, хотя автор стал известен довольно быстро: им оказался французский писатель Сиприен Берар, а предисловие к внушительной и «страшной» книге написал известный уже писатель Шарль Нодье. Предисловие не помешало самому Нодье в том же году опубликовать свою новеллу на ставшую модной тему... под тем же названием: «Лорд Рутвен, или Вампиры». А чуть позже он в соавторстве с Пье-

ром Франсуа Кармушем и Ашилем де Жуффруа переработал сюжет Полидори-Берара, сочинив мелодраму «Вампир». Именно эту пьесу увидел в 1823 году двадцатилетний Александр Дюма, увидел — и пришел в восторг. Последствия восторга нам уже известны...

Кстати, удивительную концентрацию вампирской темы — в виде авторов, героев и прототипов — можно увидеть у Пушкина в «Евгении Онегине». Вспомним строки из третьей главы:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.

«Вампир» — это, конечно же, «Вампир» Полидори, известный Пушкину во французском переводе (напомню, что первый русский перевод с английского оригинала был сделан П. В. Киреевским в 1828 году; третья же глава «Евгения Онегина» была написана в 1824-м, а в печати появилась в октябре 1827-го); «Мельмот» — понятное дело, готический роман «Мельмот Скиталец» Чарлза Мэтьюрина, вышедший в свет в 1820 году (вампиrow там, правда, нет, но грозный демон имеется); «вечного жида» — соглашусь с Ю. М. Лотманом — Пушкин взял из романа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», который поэт знал по французскому оригиналу, но, думаю, была ему известна и «лирическая рапсодия» «Вечный жид» (1783) Кристиана Шубарта, в которой «*несмертный*» Агасфер все же добивается покоя и смерти; «Корсар» принадлежит Байрону, прототипу лорда Рутвена; а «таинственный Сбогар» — это роман «Жан Сбогар» (1818) Шарля Нодье, как мы уже знаем, еще одного певца вампирской темы.

В какой-то степени «Граф Монте-Кристо» может рассматриваться как произведение, направленное против стереотипных обвинений Байрона в аморальности, эгоизме,

равнодушии к страданиям других людей и тому подобном. Представители парижского высшего света боятся загадочного набоба, «Синдбада-Морехода», завидуют ему, за внешней любезностью скрывая неприязнь. В нем видят то выскочку, то преступника, то (самая эксцентричная характеристика) вампира... Между тем Дюма показывает, насколько благороднее, отзывчивее и душевно щедрее этот новоявленный «лорд Рутвен» всех тех, кого относят к сливкам общества. «Граф Монте-Кристо» — своеобразная «байронодицея» (по аналогии с теодицеей), «оправдание Байрона», выполненное безусловным поклонником великого поэта.

Парадокс в том, что именно эта особенность «Графа Монте-Кристо» оказывается актуальной и для нашего времени. С повести Полидори (в сущности, с антибайроновского памфлета) начинаются хождения великого английского поэта в образе беспощадного и бессмертного вампира, каким он предстает во множестве «неоготических» романов и фильмов.

...Один из самых известных портретов Байрона принадлежит кисти художника Томаса Филлипса. Портрет этот, написанный в 1835 году, то есть спустя добрые десять лет после смерти поэта, изображает Байрона в экзотическом албанском костюме, с дорожным плащом и ятаганом в руках. Наверное, так мог бы выглядеть граф Монте-Кристо, когда выкупил из рабства Гайдэ, дочь албанского паши Али Тебелина.

А может быть, он именно так и выглядел?

Nota bene

У Жюль Верна есть роман «Матиас Шандор» — не самый известный среди наследия знаменитого фантаста. Он был написан летом 1885 года. Корректуру будущей книги Верн отослал Александру Дюма-сыну, сопроводив посылку посвящением: «Александру Дюма. Эту книгу я посвящаю Вам и одновременно посвящаю ее памяти гениального рассказчика, каким был Ваш отец Александр Дюма. В этом произведении я попытался сделать из Матиаса Шандора Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий». Я прошу Вас

принять это посвящение, как свидетельство моей глубокой дружбы. Жюль Верн»*.

В том же 1885 году этот «Монте-Кристо» в научно-фантастической версии был опубликован во Франции, почти тотчас в России и Англии. Сегодня видна некоторая торопливость, даже небрежность в написании этого романа, явная устарелость научно-фантастических и особенно социальных мотивов, наивность и схематичность в изображении героев, в том числе и главных. Конечно, Матиас Шандор — не Эдмон Дантес, а доктор Антекирт — не граф Монте-Кристо. Это лишь бледный эскиз великолепного героя Александра Дюма.

Но для нас представляет интерес не столько сам роман Жюль Верна, сколько то, как прилежно, почти ученически следовал Верн причудливой интриге Дюма и как повторял он некоторые особенности характеров «Графа Монте-Кристо». Поскольку «Матиас Шандор» известен куда меньше, чем романы о капитане Немо, я кратко напомним сюжет. Три благородных венгерских аристократа, горящие желанием освободить свою страну от австрийского ига, участвуют в соответствующем антиавстрийском заговоре. Их тайна случайно становится известной трем проходивцам, которые выдают героев австрийцам. Двое из них гибнут, третьему, графу Матиасу Шандору, как выясняется, удастся спастись, и теперь, под видом доктора-филантропа Антекирта, он стремится отомстить доносчикам, а заодно помочь семье одного из своих погибших друзей.

Сюжет, как видим, тоже строится на мести человека, которого все считают погибшим. Правда, в отличие от Дантеса Матиас Шандор изначально граф, аристократ и богач; кроме того, он не был невинно оклеветан — Шандор действительно участвовал в антигосударственном заговоре.

Жюль Верн заставляет своего героя старательно повторять вслед за графом Монте-Кристо сентенции о мертвецe, встающем из могилы, а затем возвращающемся в нее.

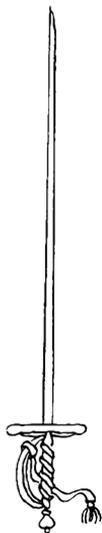
---

* Цитируется по изданию: Жюль Верн. Собрание сочинений в 12 томах. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 12.

И, конечно же, забавным совпадением выглядит, например, тот факт, что Матиас Шандор родился в Трансильвании и жить предпочитал на севере Карпат в старинном феодальном замке, доставшемся ему от предков... Тут стоит отметить, что к карпатским замкам Жюль Верн, похоже, испытывал слабость: один из лучших его романов (еще менее известный, чем «Матиас Шандор») так и называется — «Замок в Карпатах». В нем присутствует превосходно выверенная смесь готического романа с научной фантастикой, слобренная детективной фабулой.

Коль скоро мы заговорили о смеси готического романа и научной фантастики, самое время перейти к герою, который в большой степени символизирует обе традиции. Не правда ли, удивительнейшая судьба для человека, в самом деле существовавшего, творившего, оставившего после себя целую библиотеку написанных работ по самым разным областям знаний, от богословия до математики, — и то и дело появляющегося на страницах мистических, готических, научно-фантастических и даже детективных романов?

Жил этот человек в XVI веке в Праге, был он раввином, и звали его рабби Иегуда Лёв бен Бецалель.

Ученый, раввин, создатель Голема,
или Ночью, в узких улочках Праги...*

---

1. Столетие, нуждавшееся в чудовищах

В начале 1818 года в Англии вышла в свет книга, которой суждена была долгая жизнь, а возможно, и бессмертие. Пока, во всяком случае, ее издают и переиздают, цитируют, используют, экранизируют, инсценируют и так далее. Книгу написала юная англичанка Мэри Шелли, жена великого поэта-романтика Перси Биши Шелли. Книга называлась «Франкенштейн, или Современный Прометей», а написана она была в 1816 году. История ученого-естествоиспытателя Виктора Франкенштейна, попытавшегося создать из разных

---

* Первая редакция этого очерка была написана и впервые опубликована в 2000 году под названием «Голем и творец» в книге «Перешедшие реку» (Даниэль Клугер. Перешедшие реку. — Иерусалим: ХАМА, 2000.). Не стоило бы упоминать об этом, если бы я с тех пор постоянно не наталкивался на использование фрагментов того старого очерка в сетевых публикациях эзотерического, оккультного и т. п. характера, к которым я не имею никакого отношения. Впрочем, как правило, эти фрагменты публикуются без имени автора.

частей мертвых тел искусственное существо, в конце концов погубившее создателя, пережила множество произведений, написанных писателями куда более талантливыми. Во всяком случае, нынче у лорда Байрона или Перси Шелли читателей в тысячи раз меньше, чем у девушки, с восхищением и восторгом смотревшей на этих двух титанов английской литературы.

Минуло 97 лет, и в 1915 году вышел в свет роман австрийского писателя Густава Майринка «Голем», тоже об искусственном человеке и трагедии, связанной с его созданием.

Если вспомнить, что в промежутке между «Франкенштейном» и «Големом» в литературу ворвался жуткий и кровавый граф Дракула ирландского писателя Брами Стокера, можно сказать: то было столетие (пренебрежем двумя-тремя годами), породившее основных и самых популярных чудовищ как старой, так и современной литературы. И не только литературы, а возможно, и не столько — каждый год выходит множество экранизаций и киноверсий этих книг.

Разумеется, у детищ Мэри Шелли, Брами Стокера и Густава Майринка были предшественники в произведениях Э. Т. А. Гофмана, Джона Полидори, Ахима фон Арнима. А еще раньше — в сказках и легендах, в европейском и еврейском фольклоре. Но предшественникам не суждено было бессмертия. Или, во всяком случае, суждено задним числом, после появления Великой и Ужасной тройцы: чудовища, созданного молодым ученым Виктором Франкенштейном, вампира Дракулы, который прибыл в Англию, воспользовавшись услугами адвоката Джонатана Харкера, — и Голема, вызванного к жизни магическим искусством пражского раввина Иегуды Лёва бен Бецалея.

Есть в этих жутких порождениях фантазии нечто общее — все они, в сущности, символизируют вызов, который иррационализм бросает рационализму. Может быть, в этом извечном противостоянии и кроется бессмертие образов.

И еще одна особенность — по крайней мере присущая двум из трех. И в романе Стокера, и в романе Майринка мы имеем дело не просто с игрой ума, литературной выдумкой. Дракула (во всяком случае, человек с таким именем) жил в действительности, а по предположению Раду Флореску,

уже упоминавшегося в этой книге, прототипа имел и Виктор Франкенштейн — им мог быть алхимик Иоганн Конрад Диппель фон Франкенштейн, живший в XVII веке*. И, конечно, существовал на самом деле пражский раввин Иегуда Лёв бен Бецалель, носивший прозвище МАГАРАЛ. О создателе и повелителе бессловесного и бездушного глиняного великана рассказывать можно много, стоит лишь начать. Тем более что он и сам написал немало, и учеников известных оставил. Но, разумеется, наибольшую славу МАГАРАЛ обрел как чудотворец, маг, волшебник.

И ведь что удивительно: ни его современники в XVI—XVII веках, ни потомки, при всем восхищении, которое они выражали, вспоминая пражского мудреца, почему-то не упоминали о глиняном великане, оживленном МАГАРАЛОм. Лишь в конце просвещенного XIX века, сначала в книге чешского писателя Иосифа Сватека «Пражские повести и легенды» (1883), а затем в книге классика чешской литературы Алоиса Ирасека «Старинные чешские сказания», появляются рассказы об этом чуде.

Конечно, в еврейском фольклоре существовали легенды о создании Голема самыми разными мудрецами и чудотворцами, как правило, легендарными. Но не существовало ни одного подобного рассказа, который связан был с рабби Иегудой Лёвом бен Бецалелем. И лишь к концу XIX века — подчеркиваю: просвещенного века — появилась потребность связать эту сверхъестественную историю именно с пражским раввином. Окончательно связь закрепил Густав Майринк в своем романе. Вернее, в романах: о МАГАРАЛе Майринк вспоминает в «Големе», и МАГАРАЛ действует в более позднем его романе «Ангел западного окна».

С тех пор история стала канонической: отныне создателем глиняного великана выступает именно рабби Иегуда Лёв бен Бецалель, во множестве книг — от мистических романов Макса Брода «Тихо Браге, дорога к Богу» или Лео Перуца «Ночи под Каменным мостом» и до научно-фантастиче-

---

* Radu Florescu. In search of Frankenstein: Exploring the Myths Behind Mary Shelley's Monster. New York, Robson Books, 1997.

ского романа Мардж Пирси «Он, она, оно». Не так давно появился историко-фантастический детектив американской писательницы Френсис Шервуд «Книга сияния» (имеется русский перевод). В основе сюжета — все та же легенда.

Почему? Почему именно с Иегудой Лёвом бен Бецалелем и именно с этим городом в конце концов связали создание Голема? Ответ, я думаю, таится в самой фигуре пражского мудреца.

2. Зачем раввину Голем

«— Кто может сказать, что он что-нибудь знает о Големе? — ответил Цвак, пожав плечами. — Он живет в легенде, пока на улице не начинаются события, которые снова делают его живым. Уже давно все говорят о нем, и слухи разрастаются в нечто грандиозное. Они становятся до такой степени преувеличенными и раздутыми, что в конце концов гибнут от собственной неправдоподобности. Начало истории восходит, говорят, к XVII веку. Пользуясь утерянными теперь указаниями каббалы, один раввин сделал искусственного человека, так называемого Голема, чтобы тот помогал ему звонить в синагогальные колокола и исполнял всякую черную работу.

Однако настоящего человека из него не получилось, только смутная, полусознательная жизнь тлела в нем. Да и то, говорят, только днем, и поскольку у него во рту торчала магическая записочка, втиснутая в зубы, эта записочка стягивала к нему свободные таинственные силы вселенной.

И когда однажды перед вечерней молитвой раввин забыл вынуть у Голема изо рта талисман, тот впал в бешенство, бросился по темным улицам, уничтожая все на пути.

Пока раввин не кинулся вслед за ним и не вырвал талисман.

Тогда создание это упало бездыханным. От него не осталось ничего, кроме небольшого глиняного чурбана, который и теперь еще показывают в Старой синагоге.

— Этот же раввин был однажды приглашен к императору во дворец, чтобы вызвать видения умерших, — вставил

Прокоп. — Современные исследователи утверждают, что он пользовался для этого волшебным фонарем»*.

Так излагается легенда о Големе в романе Майринка. Здесь раввин не назван по имени и среди героев не появляется. Хотя в последней фразе имеется подсказка, ибо тогдашние читатели, тем более земляки автора и героев, знали об одном лишь раввине, которого приглашал во дворец император. Императора звали Рудольф II, а раввином в таком случае был не кто иной, как рабби Иегуда Лёв бен Бецалель. То, что в «Големе» он предстает как некий безымянный раввин, объяснимо идеей самого романа. Старинная легенда оживает в современной автору Праге, рассказчик страдает странными провалами в памяти; он и прочие действующие лица временами ощущают себя героями той страшной легенды: студент Пернат начинает догадываться, что он и есть Голем, в очередной раз пробудившийся от невнятного «недобытия», архивариус еврейской ратуши Шемайя Гиллель оказывается реинкарнацией раввина — создателя Голема. Но миг — и Пернат уже не Голем, он всего лишь человек, страдающий амнезией; архивариус же — не могучий кудесник, а действительно всего лишь тихий архивариус, обожающий красавицу-дочку. Все происходящее смутно, зыбко, действующие лица то и дело переходят из реального мира в мир сновидений или даже смерти.

Возможно и еще одно объяснение. Коль скоро акт создания Голема Майринк показывает как подражание акту сотворения первого человека, то и раввин показан как бы подражающим Богу. И как евреи не произносят Имя Высшего, так и писатель словно опасается называть создателя Голема по имени.

Саму легенду, пришедшую в литературу из книг И. Сватека и А. Ирасека, Густав Майринк дополнил деталью, очень важной для дальнейшего развития сюжета: созданный раввином Голем не разрушен. Он превратился в глиняного болвана и хранится на чердаке Староновой синагоги. Раз в тридцать три года Голем оживает и выходит безлунной

---

* Здесь и далее «Голем» цит. по: Густав Майринк. Голем. Перевод Д. И. Выгодского. — СПб.: Азбука-классика, 2007.

ночью на улочки еврейского квартала Праги. И тогда лучше не встречаться с этим странным и страшным существом.

Майринк придал старой легенде новое звучание: теперь это уже не история о создании бессловесного слуги и забывчивости волшебника. Фигуры персонажей наполнились новым смыслом, легенда превратилась в притчу о предсуществовании души, о неутолимой тяге к себе подобным, о любви-ненависти. И, конечно же, о взаимоотношении Творца и твари, о воспроизведении акта Божественного творения в магических действиях — и о страшной трагедии, в которую может обратиться эта самоуверенная попытка уподобиться Богу.

Разумеется, Голем в подобной расстановке акцентов — не главное действующее лицо. Главная фигура — не называемый по имени раввин, создатель этого неполноценного существа.

Однако «не называемый» — не значит, что Майринк не знал имени раввина. В написанном позже «Голема» романе «Ангел западного окна» автор уже представляет читателям раввина-чудотворца без всякой неопределенности:

«...Я — Джон Ди, который в данный момент собрался посетить рабби Лёва, друга императора Рудольфа!

И вот мы уже беседуем с рабби в его низкой бедной каморке, всю обстановку которой составляют плетёное кресло да колченогий стол из грубо оструганных досок. В стене, довольно высоко от пола, неглубокая ниша, в ней сидит или скорее стоит, прислонившись спиной, рабби — так полустоят-полусидят мумии в катакомбах, — не сводя своего взора с противоположной стены, на которой начертан мелом «каббалистический арбор». Когда я вошел, он даже не взглянул на меня.

Человек необычайно высокого роста, рабби сильно гордится. Какая тяжесть пригнула его к земле: снежно-белая старость или массивные, черные от копоты балки низкого потолка?.. Желтое, изборожденное лабиринтом морщин лицо, голова хищной птицы, такая же, как у императора, только еще меньше, а ястребиный профиль еще острее. Крошечный, с кулачок, лик пророка обрамлен ореолом до того спутанных волос, что уже непонятно, то ли это пышная шеве-

люра, то ли борода, растущая и на щеках, и на шее. Маленькие, глубоко запавшие бусинки глаз почти весело сверкают из-под белых кустистых бровей. Длинное и невероятно узкое тело рабби облачено в опрятный, хорошо сохранившийся кафтан из черного шелка. Тощие плечи высоко вздернуты. Ноги и руки, как у всех иудеев Иерусалима, не знают ни секунды покоя, каждое движение удивительно пластично и выразительно»*.

Таким предстает перед читателем Г. Майринка рабби Иегуда Лёв бен Бецалель, создатель Голема.

3. Алхимия и корона

Рабби Иегуда Лёв бен Бецалель, известный также как МАГАРАЛ, родился в 1512 году в городе Познань в семье выходцев из Вормса, давших множество известных талмудистов. После учебы в ешиве с 1553 по 1573 год р. Иегуда Лёв был окружным раввином в Моравии, а затем переехал в Прагу. Здесь он основал ешиву, пользовавшуюся огромной известностью, и общество по изучению Мишны. В Праге он жил до 1592 года. К этому же периоду жизни относится его знакомство с королем Богемии и императором Священной Римской империи Рудольфом II. С 1597 года и до конца жизни МАГАРАЛ был главным раввином Праги. Он умер в 1609 году и похоронен на пражском кладбище. Могила его хорошо известна. По сей день она служит местом поклонения — и не только евреев.

Деятельность МАГАРАЛА оказала огромное влияние на дальнейшее развитие еврейской этики и философии. Самые известные его сочинения — «Нетивот олам» («Тропы мира»), «Тиферет Исраэль» («Слава Израиля») и «Нецах Исраэль» («Вечность Израиля») — не утратили своей актуальности и по сей день. Его взгляды в значительной мере

---

* Густав Майринк. Ангел западного окна. Здесь и далее роман цитируется по: Густав Майринк. Избранное в 2 томах. Перевод В. Крюкова. — Киев: Фита, 1999.

повлияли на становление философии ХАБАДа — движения любавичских хасидов.

Кроме религиозных трудов, рабби Иегуда Лёв бен Бецалель написал великое множество книг нерелигиозного содержания — по астрономии, алхимии, медицине и особенно по математике, в которой он считался признанным авторитетом.

Такова вкратце биография легендарного мудреца. Как видим, в ней не так уж много событий: годы учебы, жизнь в Познани, жизнь в Праге... Разве что знакомство с императором несколько выпадает из обыденности. Откуда же пришла слава, пережившая «возвышенного рабби» (еще одно прозвище) почти на четыреста лет и уже навечно включившая его в контекст мировой культуры, превратившая Иегуду Лёва бен Бецалея (или, вернее, его таинственное искусство) в многозначительную мифологему? Ведь, чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно вспомнить: одна из важнейших работ великого математика Норберта Винера называется «Бог и Голем, инкорпорейтед»!

Все-таки основной причиной, по которой фигура р. Иегуды вышла за рамки чисто еврейского фольклора и обросла цветистыми легендами, было его долгое знакомство с императором Священной Римской империи Рудольфом II. Согласитесь, случай сам по себе из ряда вон выходящий — фактический властелин всего тогдашнего христианского мира и скромный еврейский раввин из гетто...

Их встреча и знакомство окутаны множеством легенд, так что в этом тумане невозможно разглядеть истинные события. Известно, что официально «возвышенный рабби» был принят императором в 1592 году. В том же году рабби уехал (вторично) в Познань, став там главным раввином. Вновь он вернулся в Прагу в 1597 году и оставался здесь уже до самой смерти. Как именно случилось знакомство МАГАРАЛа и Рудольфа Габсбурга, мы сегодня с точностью сказать не можем. Но, учитывая, что в то время готовились указы, направленные против еврейского населения империи, вполне можно предположить, что рабби Иегуда Лёв, безусловный и общепризнанный еврейский вождь, пришел к императору ходатаем по поводу отмены дискриминационных указов.

Что же до того, кто мог выступить посредником и, так сказать, ходатаем за ходатаю, то такой человек, безусловно, при дворе был. Его звали Таддеус Хагений (Талеаш Гаек з Гайку), он был выдающимся астрономом, математиком, врачом и естествоиспытателем. Впоследствии он же порекомендует императору пригласить в Прагу великого астронома и астролога Тихо Браге.

По всей видимости, встреча с пражским раввином произвела на императора сильное впечатление — иначе не пришлось бы им вместе заниматься наукой. Действительно ли имели место эти занятия — сейчас уже не определишь. Но столь часто возникал этот момент в литературе, что, по всей видимости, следует сказать: дыма без огня не бывает.

Совместные занятия раввина и императора алхимией описаны в последнем романе Густава Майринка — и втором, связанном с мистикой еврейского квартала Праги, — в «Ангеле западного окна». Здесь главным героем выступает знаменитый английский алхимик Джон Ди, действительно посетивший в эти годы Прагу и живший в имперской столице на сохранившейся по сей день (вернее, реставрированной) Золотой улице. В наши дни барон Мюллер (не только потомок Джона Ди, но и его очередная реинкарнация — прием, уже знакомый нам по «Голему») разбирает дневник своего предка, в котором среди прочего обнаруживается и вот такое описание:

«А вот редкий, необычный кадр: крошечная комнатка в переулке Алхимиков. У стены — рабби Лёв. Стоит в своей излюбленной позе: непомерно длинные ноги под углом, подобно опоре, выдвинуты далеко вперед, отчего кажется, будто он сидит на очень высоком табурете, спина же и ладони сведенных сзади рук так плотно прижаты к стене, словно старый каббалист стремится с нею слиться. Напротив, утонув в кресле, лежит Рудольф. У ног рабби уютно, по-кошачьи сложив лапы, мирно дремлет берберский лев императора: рабби и царь зверей большие друзья. Любуясь этой идиллией, я примостился у маленького оконца, за которым гигантские вековые деревья роняют листву. Внизу, в оголенном кустарнике, мой лениво блуждающий взор замечает двух гигантских черных медведей: грозно рыча, они разева-

ют свои страшные красные пасти и задирают вверх косматые головы...

Рабби Лёв, мерно покачиваясь взад и вперед, отрывает одну ладонь от стены, берет у императора “глазок” и долго смотрит на черные грани. Потом его шея вытягивается вверх, так что под белой бородой открывается хрящеватое адамово яблоко, и беззубый рот, округляясь, начинает смеяться каким-то призрачным беззвучным смехом:

— Никого, кроме самого себя, в зеркале не увидишь! Кто хочет видеть, тот видит в нем то, что он хочет видеть, — ничего больше, ибо собственная жизнь в этом шлаке давно угасла.

Император вскакивает:

— Вы хотите сказать, мой друг, что этот “глазок” — обман? Но я сам...

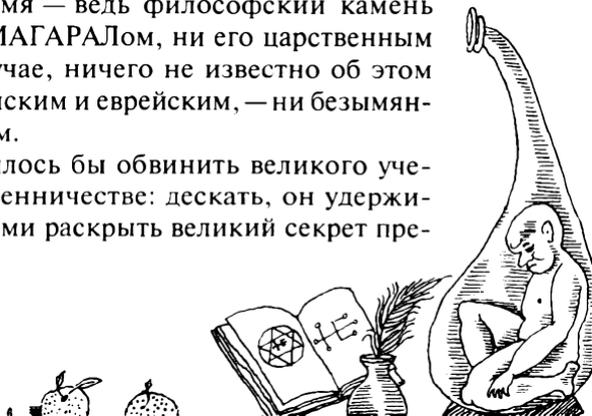
Старый каббалист словно и вправду врос в стену. Задумчиво посмотрел на потолок, который едва не касался его макушки, качнул головой:

— Рудольф — это тоже обман? Рудольф отшлифован для величия так же, как этот кристалл; его грани отполированы настолько совершенно, что он может отражать, не искажая, всю историю Священной Римской империи. Но у вас нет сердца — ни у Вашего Величества, ни у этого угля».

Скептически настроенный читатель наверняка усмехнется: вот что влекло Рудольфа к еврейскому ученому (евреи действительно считались в средневековой Европе большими знатоками «тайных наук» — в первую очередь алхимии). Обычное для властителя корыстолюбие! Секрет получения дешевого золота, способ быстрого обогащения...

Если бы все обстояло так, наверное, не стоило бы много об этом говорить. Да и не продолжалась бы странная дружба столь длительное время — ведь философский камень так и не был найден ни МАГАРАЛом, ни его царственным учеником. Во всяком случае, ничего не известно об этом ни летописцам — христианским и еврейским, — ни безымянным народным сказителям.

Кроме того, нам пришлось бы обвинить великого ученого в лицемерии и мошенничестве: дескать, он удерживал императора обещаниями раскрыть великий секрет пре-

вращения металлов и эликсира бессмертия. А такие черты как-то не вяжутся с образом «возвышенного рабби», каким описывают его вполне беспристрастные источники.

Нет, ничего подобного не было. Рудольф не только не стремился к обогащению чудесным способом, но, напротив, тратил огромные средства на различные научные эксперименты и исследования, которые они с МАГАРАЛОм проводили в лаборатории, расположенной на верхнем этаже дома р. Иегуды в Пражском гетто (так же как и могила ученого, этот дом сохранился до наших дней, с ним тоже связана одна легенда — уже современная; но об этом — ниже).

Какую славу мог в те времена заслужить император, тратящий деньги на научные эксперименты, явшающийся с евреями, вполне равнодушный к вопросам веры? Правильно: славу сумасшедшего. Родственники Рудольфа в конце концов отстранили его от власти — именно с таким объяснением.

После отстранения от власти — это случилось в мае 1611 года — он жил недолго, меньше года. Смерть его наступила в январе 1612-го. Законных наследников Рудольф не оставил, ибо женат не был. Незаконнорожденный сын, по имени Юлий Цезарь Австрийский, жил в городе Чески-Крумлов. Здесь он совершил жестокое убийство местной девушки и подвергнут заточению. Умереть ему скорее всего помогли.

За три года до смерти императора ушел из жизни «возвышенный рабби». Он оставил потомкам великое множество книг. И, вполне естественно, его творчество и жизнь, в свою очередь, вызвали к жизни множество книг уже у потомков. В том числе и у наших современников. При этом почти все, написанное в наше время о «возвышенном рабби», касается его религиозной деятельности и в какой-то степени его образа в преданиях, легендах и фантастической литературе.

В тени осталась другая сторона деятельности этого выдающегося мыслителя, одного из самых ярких представителей еврейской учености эпохи европейского Ренессанса.

Начнем с того, что в Праге по инициативе МАГАРАЛА и его друга Мордехая Майзеля, главы еврейской общины,

ювелира и финансиста императорского двора Максимилиана II и Рудольфа II, была открыта не совсем обычная ешива.

Майзель был чрезвычайно популярной личностью, и не только среди евреев. По сей день одна из пражских улиц называется Майзелевой.

Так вот, в ешиве, открытой по инициативе МАГАРАЛа и при активной финансовой поддержке Майзеля, широко изучались не только традиционные религиозные дисциплины, но и светские науки, в первую очередь астрономия, математика, алхимия, история. Ничего удивительного — сам рабби Иегуда Лёв был весьма в них сведущ.

О последнем свидетельствуют дружеские связи МАГАРАЛа. Он много лет дружил с выдающимся датским астрономом и математиком Тихо Браге. Браге относился к знаниям пражского раввина с большим уважением. В подтверждение этому можно привести несколько весьма любопытных фактов. Например, один из первых учеников МАГАРАЛа Давид Ганс (впоследствии известный историк и астроном) несколько лет учился у Тихо Браге в знаменитом на всю Европу Ураниборге («Астрономическом замке») — обсерватории на острове Вен, подаренном Тихо Браге датским королем Фредериком II. Или еще один факт — МАГАРАЛ был в числе первых авторитетных астрономов, которых датский ученый ознакомил с построенной им системой мира: Браге не признал систему Коперника и попытался разработать систему, представлявшую компромисс между геоцентрической системой Птолемея и гелиоцентрической — Коперника. МАГАРАЛ в этом вопросе придерживался тех же взглядов, что и его коллега. Справедливости ради следует признать: система Браге, при тогдашней точности измерений, лучше объясняла результаты наблюдений за небесными телами.

Можно отметить также и другое любопытное сходство: ученики обоих — Давид Ганс и Иоганн Кеплер — впоследствии все-таки предпочли систему Коперника.

И еще один интересный эпизод: совместно написанная книга, как раз содержащая сравнительный анализ двух систем мира. Ее написали Тихо Браге и рабби Иегуда Лёв бен Бецалель, причем впервые книга эта была отпечатана в еврейской типографии города Праги.

После смерти своего покровителя — датского короля Фредерика II — Тихо Браге не ужился с новым властителем. Датский ученый принадлежал к старинному баронскому роду и имел весьма вспыльчивый характер. Во всяком случае, научные споры у него легко и естественно переходили в поединки и дуэли. На одной из таких дуэлей с неким немецким бароном в Ростоке (спор вышел по причине несогласия в каком-то математическом вопросе) Браге лишился носа и в дальнейшем носил протез из сплава серебра и золота.

Словом, интриги, интриги... они и привели для начала к поджогу уникального Ураниборга, а затем к изгнанию ученого. Вот тогда-то Тихо Браге оказался в Праге — занял пост имперского астронома, официально существовавший при императорском дворе. А его ассистентом-секретарем стал молодой Иоганн Кеплер, уже нами упоминавшийся и тоже находившийся в дружеских отношениях с рабби Иегудой Лёвом и его учениками. После смерти Тихо Браге, наступившей в 1601 году, именно МАГАРАЛ порекомендовал императору сделать преемником умершего его ассистента. Одновременно Иоганн Кеплер стал и имперским астрологом. На основании наблюдений Тихо Браге он впоследствии составил и опубликовал астрологические таблицы, получившие название Рудольфианских. Но это произошло много позже, когда МАГАРАЛ уже умер.

Несколько слов о Давиде Гансе. Он учился в ешиве рабби Иегуды Лёва бен Бецалея, открытой при старейшей пражской Староновой синагоге, изучал, как уже было сказано, помимо религиозных, и светские науки, в особенности астрономию и историю. Наиболее заметных успехов Ганс достиг в исторической науке. Его фундаментальный труд «Цемах Давид» ныне основной источник знаний о жизни европейских евреев на протяжении всего XVI столетия*.

А теперь о том, как, по всей видимости, возникли некоторые легенды, связанные с именем рабби Иегуды Лёва бен

---

* Подробности см., например, в книге Андре Неера «Давид Ганс и его время» (André Neher. David Gans and His Times. Jerusalem, 1997).

Бецалеля. И начну с той цитаты, которую приводил в самом начале этой главы:

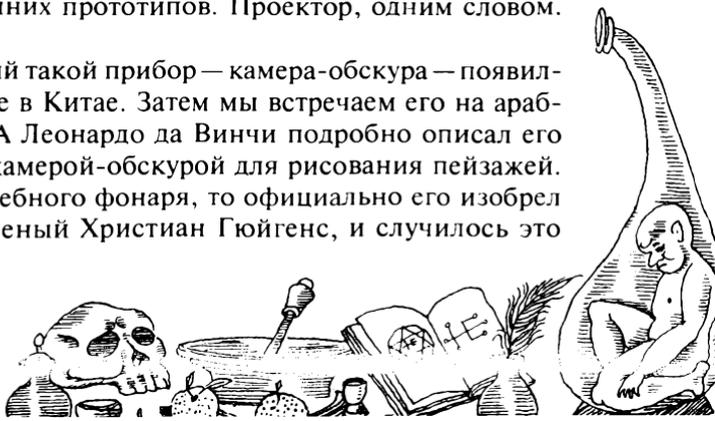
«— Этот же раввин был однажды приглашен к императору во дворец, чтобы вызвать видения умерших, — вставил Прокоп. — Современные исследователи утверждают, что он пользовался для этого волшебным фонарем.

— Разумеется, нет такого нелепого объяснения, которое не находило бы одобрения у современных ученых, — невозмутимо продолжал Цвак. — Волшебный фонарь! Как будто император Рудольф, увлекавшийся всю жизнь подобными вещами, не заметил бы с первого взгляда такого грубого обмана».

С одной стороны, перед нами типичный «бродячий сюжет». Искусство вызывания призраков умерших известных людей кому только не приписывали. И доктор Фауст своему покровителю демонстрировал призрак Елены Прекрасной (а по другому преданию — ему самому показал этот призрак лукавый спутник Мефистофель). Кстати! Герой этой главы в молодости какое-то время жил в Кракове — примерно в те годы, когда «ученейший доктор Фауст» то ли преподавал, то ли изучал в Краковском университете «естественную магию» (природоведение).

Занятия некромантией приписывали и знаменитому алхимику Агриппе Неттесгеймскому. А много лет спустя на острове Глаббдобдриб тамошние колдуны демонстрировали капитану Гулливеру тени Александра Македонского и Юлия Цезаря. С другой стороны, вполне вероятно, что такими вещами действительно занимались рыночные фокусники-жонглеры. В конце концов, в Индонезии теневой театр известен с незапамятных времен. Почему бы в Европе не быть чему-то подобному? Ну да, волшебный фонарь, какой-то из ранних прототипов. Проектор, одним словом. Фильмоскоп.

Самый первый такой прибор — камера-обскура — появился еще в IV веке в Китае. Затем мы встречаем его на арабском Востоке. А Леонардо да Винчи подробно описал его и пользовался камерой-обскурой для рисования пейзажей. Что же до волшебного фонаря, то официально его изобрел голландский ученый Христиан Гюйгенс, и случилось это

примерно через полвека после того, как наши герои уже умерли. Но...

Можно понять скепсис майринковского Цвака. Ему не хочется простых объяснений. И относительно знаний императора Рудольфа он, безусловно, прав. Но ведь, согласно легенде, о призраках всему свету разболтал дворцовый слуга, подглядывавший через окно за экспериментом и до смерти перепугавшийся, когда на стене комнаты появились призраки.

А вот объяснение, которое упоминается в романе, вполне приемлемо. И даже имеет дополнительное подтверждение. Косвенное, разумеется. Именно в это время Иоганн Кеплер активно занимался выведением законов построения оптических отражений. Теми же вопросами интересовался и МАГАРАЛ. Известно также, что МАГАРАЛ занимался разработкой различных приборов, в частности, астрономических. Не исключено, что приведенный выше случай представлял собой демонстрацию созданного Кеплером и МАГАРАЛОМ проекционного прибора, позволявшего демонстрировать на экране световые отображения. Вряд ли просвещенный и весьма сведущий в естественных науках монарх интересовался призраками, некромантией и вызыванием покойников. Иное дело — механическая новинка. Можно вспомнить, с какой пышностью обставлена была демонстрация при императорском дворе астрономических приборов, разработанных Тихо Браге, — например, армиллярной сферы (о чем датский ученый сам написал в воспоминаниях).

Так что объяснение явления призраков демонстрацией физических опытов и оптического прибора, созданного МАГАРАЛОМ (возможно, в сотрудничестве с Иоганном Кеплером), вполне правдоподобно. Ну а рассказ перепуганного слуги и стал источником последующей легенды о некромантии, вызывании призраков и прочем потустороннем вздоре.

И МАГАРАЛ вовсе не стремился устроить представление на манер иллюзиониста, чтобы сыграть на легковерии монарха. Разумеется, нет. Подобное предположение оскорби-

тельно не только для одного из крупнейших еврейских мыслителей и ученых, но и для его царственного собеседника. Рудольф II получил блестящее образование, прекрасно разбирался во многих науках, на равных беседовал со знаменитыми учеными своего времени, жившими при императорском дворе или гостившими в Праге. Да и появился рабби Иегуда Лёв при императорском дворе предыдущего императора Максимилиана II (в бытность Рудольфа принцем-наследником) не как маг-чудотворец, а как ученый-математик.

Так что в истории с призраком скорее всего действительно имела место демонстрация технической новинки, поясняющей законы оптических отражений, которую устроил МАГАРАЛ (или устроили МАГАРАЛ и Кеплер) для любознательного императора.

В другой легенде рассказывается, как рабби Иегуда Лёв бен Бецалель изгнал ангела смерти, которого по неосторожности призвали некие женщины. В одной из версий говорится, что ангел смерти был призван этими женщинами, потому что они сохранили таллиты своих умерших детей. В результате множество детей еврейского квартала стали умирать один за другим.

Разумеется, рабби Иегуда Лёв узнал об этом, сумев разговорить одного из умерших детей. После этого он приказал сжечь таллит мальчика, умершего первым. Скорее всего источником этого предания стала реальная история борьбы главы еврейской общины с эпидемией смертельной болезни, поражавшей в первую очередь детей. В ту эпоху эпидемии тяжелейших болезней опустошающими вихрями проносились по Европе. И евреев зачастую обвиняли в том, что именно они насылали болезни на христиан. Причем основным аргументом было то, что евреи болели реже и боролись с заразой успешнее. На этом фоне приведенное объяснение представляется опять-таки вполне правдоподобным.

Так в принципе можно объяснить все легенды о чудесах, совершенных «возвышенном рабби». Кроме одного. Самого захватывающего и самого известного — чуда сотворения живого существа.

4. Так был ли Голем?

Еще раз обратим внимание на то, что подавляющее количество серьезных свидетельств о жизни и деятельности рабби Иегуды Лёва бен Бецалея рисуют образ вполне традиционного ученого, исследователя и мыслителя. Вся его жизнь описывается вполне реалистично — даже занятия алхимией не дают рассказчикам повод описать различные чудеса в духе времени: бессмертие, превращение свинца в золото и тому подобное. Легенды, имеющие, в сущности, фольклорную основу, и те могут быть объяснены рационально. Исключение — единственный эпизод: создание Голема. Может ли быть, что в основе этой причудливой и явно сказочной легенды лежит некое реальное событие?

Давайте для начала поинтересуемся: как тогдашняя наука (подчеркиваю — не магия, а именно наука) относилась к возможности создания искусственного существа? Оказывается, это считалось вполне научной проблемой, заслуживающей серьезного обсуждения и исследования. Многие алхимические трактаты средневековья подробнейшим образом излагают технику создания искусственного существа — гомункулуса. Решению этой проблемы уделяли внимание разные ученые разных эпох: и полупопулярный доктор Фауст, и энциклопедист Альберт Великий.

О последнем существе свидетельствует его ученика, крупнейшего католического философа святого Фомы Аквинского. Св. Фома рассказывает, что однажды он навестил своего учителя в его отсутствие; дверь ему открыла незнакомая женщина, двигавшаяся странными замедленными рывками и говорившая столь же замедленно, с паузами между фразами. Будущий философ испытал чувство сильного страха в обществе этой служанки Альберта. Ужас оказался столь велик, что Фома Аквинский набросился на нее и несколько раз ударил посохом. Служанка упала, и из нее вдруг выпались какие-то механические детали. Выяснилось, что женщина была искусственным существом, андроидом, над созданием которого Альберт Великий трудился долгое время. Страх его ученика уничтожил эту работу.

Описание гомункулуса в алхимических трактатах имеет ряд черт, роднящих его с Големом еврейских преданий. Во-первых, быстрый рост и быстрое физическое развитие. Во-вторых — немота. Чтобы оживить Голема, необходимо было — после всех таинственных манипуляций — начертать на его лбу слово «эмэт» (истина). А чтобы умертвить его — точнее, обратить в прах, из которого он был создан, — следовало в слове «эмэт», начертанном при сотворении, стереть первую букву. Тогда на лбу существа останется слово «мэт» — смерть, после чего Голем рассыплется в сухую красную глину. Поэтому следовало быть очень внимательным: Голем быстро рос, мог настать день, когда создатель не дотянулся бы до его лба. И Голем, почувствовав собственную силу, мог выйти из подчинения, а это уже опасно.

Вот тут проявляется третье сходство между Големом и гомункулусом. И тот, и другой способны взбунтоваться против своего создателя. Голем может предаться бессмысленному и безумному разрушению. Гомункулус, достигнув определенного роста и возраста (этот возраст оценивался в тридцать лет), непременно сойдет с ума, станет неуправляемым и тоже начнет сеять вокруг себя разрушение и смерть.

Если считать, что образ МАГАРАЛа — образ типичного ученого той эпохи, то для Иегуды Лёва бен Бецалеля как для ученого XVI—XVII веков в творении Голема-Гомункулуса не было ничего сверхъестественного. Это было бы, можно сказать, вершиной его научной деятельности.

Но скорее всего никаких Големов равви не создавал. Как я уже говорил, эта легенда имеет относительно позднее происхождение. Но если говорить о рациональном объяснении ее, то да, оно существует. И я сам слышал его в Праге, из уст экскурсовода. Равви Иегуда Лёв бен Бецалель, возвращаясь из Познани в Прагу, привез с собою слугу — слабоумного парня по имени Йосль. Как это часто бывает, недостаток ума компенсировался огромной физической силой. Был Йосль к тому же то ли немым, то ли, по причине сильной застенчивости, неразговорчивым. Вот этого слугу в шутку прозвали Големом «возвышенного равви». Случались у этого лже-Голема приступы буйства, во время одного из которых он погиб. А несколько поколений спустя подробно-

сти были забыты. Осталось только смутное воспоминание о некоем Големе. Только никто уже не воспринимал это имя как шуточное прозвище.

И еще. В очень подробном рассказе о жизни МАГАРАЛа, который содержится в «Мемуарах Любавичского ребе», принадлежащих перу р. Иосефа Ицхака Шнеерсона*, много говорится и о математике, которой занимался рабби, и о религиозных его трудах, и о жизненных перипетиях. О взаимоотношениях с императорами. О нелегкой жизни пражского гетто.

Одного только там нет. Легенды о Големе.

Увы.

---

* Мемуары Любавичского ребе рабби И. И. Шнеерсона. В переводе на русский язык М. Н. Горали. В двух томах. — Нью-Йорк, Кегат, 1974.

Оглавление

Тайна капитана Немо, или В поисках пропавшего тридцатилетия	5
Тесак пирата и ланцет хирурга, или Кто вы, доктор Блад?	24
Беня Крик, командир РККА, или Король, родившийся в Одессе	42
Акцент Эркюля Пуаро, или Рука Парижа	62
Дело гражданина Корейко, или Следствие ведет знаток	84
Самый правдивый человек на свете, или Ротмистр русской службы.	105
Гороскоп Иоганна Фауста, или Хозяин черного пуделя	123
«Графом никогда не был...», или Кровожадный пришелец с Балкан	142
Богатый путешественник с Востока, или Возвращение поэта.	166
Ученый, раввин, создатель Голема, или Ночью, в узких улочках Праги...	186

Клугер Д.

- К51 Тайна капитана Немо / Даниэль Клугер. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 208 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-059-8

Даниэль Клугер написал захватывающую книгу о прототипах известных литературных героев — спорную, но чрезвычайно интересную. Выбор его персонажей широк — капитан Немо и Беня Крик, граф Дракула и Эркюль Пуаро, барон Мюнхгаузен и доктор Фауст, Голем и Эдмон Дантес, гражданин Корейко и доктор Блад... Собрал их биографии — и биографии их прототипов — под одной обложкой и более того — в едином тексте, Клугер попутно сумел рассказать много чего любопытного. «Тайна капитана Немо» — это своеобразное литературное расследование, в котором читатели участвует вместе с автором.

УДК 82.091

ББК 83.3

История. География. Этнография

Клугер Даниэль

Тайна капитана Немо

Редактор В. Бабенко
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 01.07.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 13,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2941.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119270 Москва, Лужнецкая набережная,
д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400
Тел. (495) 788-85-20
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Даниэль Клугер
Тайна капитана
Немо

Мы нередко задумываемся над тем, что в книгах плод писательской фантазии, а что, как говорится, «взято из жизни». Был ли реальный прототип у того или иного литературного героя, а если да, то насколько романное воплощение похоже на этого человека. Был ли прототип у капитана Немо? Кто в действительности назывался Дракулой? Чем отличается вымышленный Беня Крик от настоящего Мишки Япончика? Что общего, кроме профессии, между Эркюлем Пуаро и Шерлоком Холмсом? Кто был доктор Фауст? Какие подвиги совершил настоящий барон Мюнхгаузен? На эти и другие подобные вопросы есть ответы в книге «Тайна капитана Немо». Ее автор — известный израильский писатель Даниэль Клугер, пишущий на русском языке. Возможно, не всех его версии убедят, но удивят — безусловно.

ISBN 978-5-91678-059-8

9 785916 780598